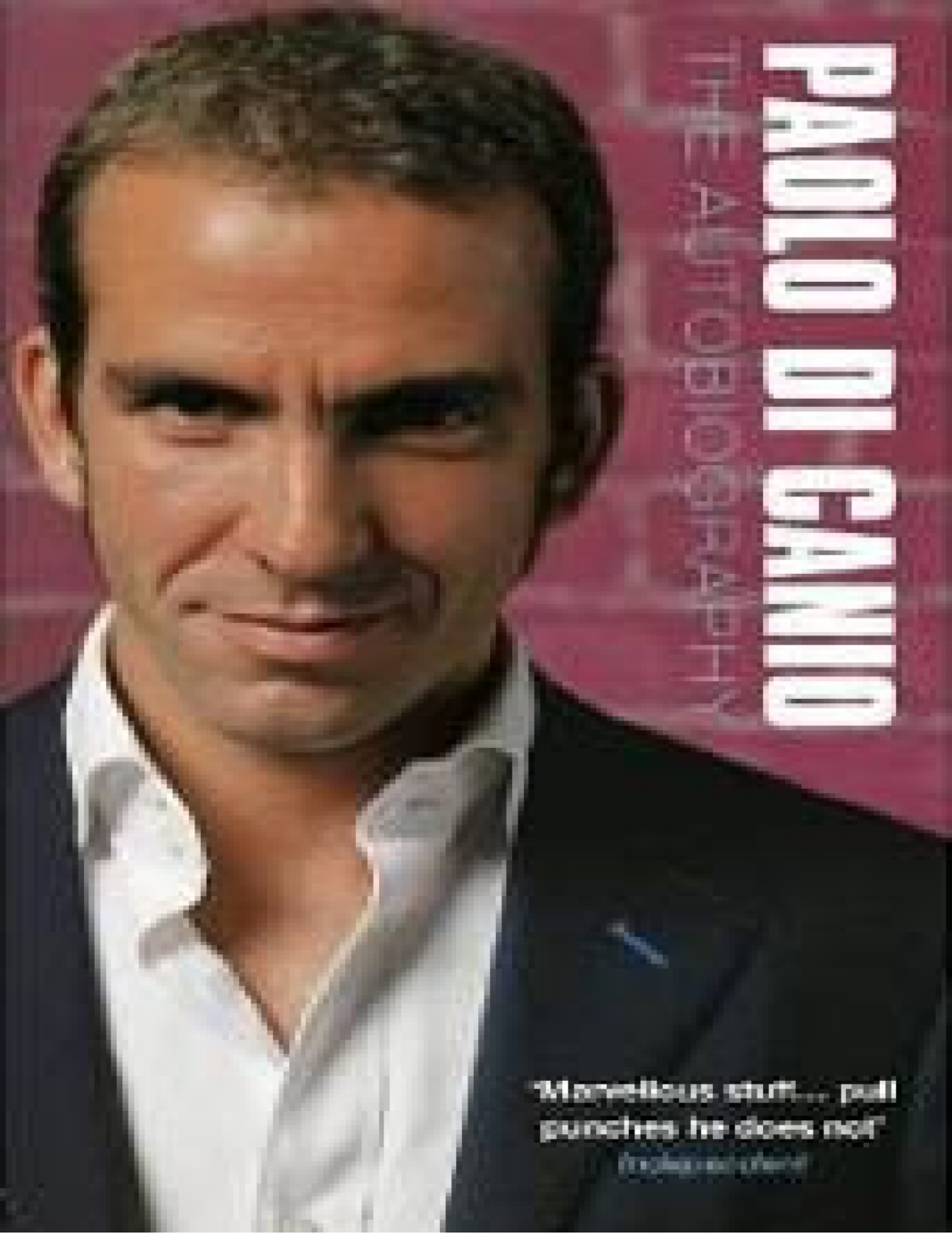
PAOLO DI CANIO
THE AUTOBIOGRAPHY
'Marvellous stuff... pull punches he does not'

SHOUT
SHARE
IT

- Паоло Ди Канио
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Паоло Ди Канио
Автобиография

Глава 1
«Посмотрите на этого великолепного, талантливого парня!»

Я родился в 1968 году. 9 июля, если быть точным.

Оглядываясь назад, 68-й год был насыщенным в Италии и вообще в мире. Наверняка это было будоражащее время для тех, кто тогда жил.

Студенты бунтовали в университетах от Токио до Турина. Париж погрузился в бездействие из–за всеобщей забастовки рабочих. В Праге Александр Дубчек стал первым правителем страны из Восточной Европы, который противостоял Советскому Союзу. За Атлантическим океаном Доктор Мартин Лютер Кинг и Роберт Кеннеди погибли за свои идеи. Правительство США запустило свой первый спутник–шпион, три астронавта «Аполло 8» облетели вокруг луны и запечатлели самый первый снимок восхождения Земли над лунным лимбом. Был изобретен виндсерфинг, а также цветное телевидение. Человек по имени Чарльз Кокерелл создал самый первый транспорт на воздушной подушке, а парень по имени Джеймс Уотсон придумал двойную спираль, на которой базируется современная теория ДНК. Люди соорудили одно из новых чудес света Асуанскую плотину в Египте, а когда поняли, что это грозит затоплением древнему храму Абу — Симбел, то они просто перенесли его выше, камень за камнем.

Все это, втиснутое в двенадцать месяцев, позволяло думать, что все возможно, что человеческий разум способен добиться чего угодно, а человеческие старания могут победить любую неприятность.

Однако в Квартиккьоло, где я родился, это было едва заметно.

Вы можете прожить в Риме всю свою жизнь и никогда не побывать в Квартиккьоло, даже случайно. Вероятно, о нем редко заходит даже беседа. Все потому, что этот район был спланирован и создан с одной целью: приютить людей. Ничего больше, просто гигантская каморка, в которую запихивают людей.

Здесь нет ничего интересного, только ряд жилищных построек, вплотную скученных на южной окраине Рима. Здесь находится бесклассовое общество главным образом потому, что здесь нет богатых людей, нет представителей среднего класса и нет бездомных. Только рабочий класс, аккуратно спрятанный в крошечных квартирах. Постройки выглядят слишком похожими,

наверно для того, чтобы разрушить мнение, что the family down the street somehow got lucky and were given a nicer flat. Ничего подобного. Фактически для дополнительного подкрепления идеи похожести, у кого–то в голове завелась блестящая мысль не присваивать имена блокам. Вместо имени блоки имеют номера. Мы были в Settimo Lotto, седьмом блоке, а вокруг нас были другие номера: Quinto Lotto, Decimo Lotto и т. д. Нас определяли по номерам.

Несколькими десятилетиями ранее на это, вероятно, смотрели бы, как на урбанистическую утопию. В 50-х годах итальянские города наполнялись людьми. Многие покидали сельскую местность в поисках работы. Другие, кто был за границей в течение войны, изведали разные культуры и различные уклады жизни и осознали, что в городах намного больше возможностей, чем в их маленьких деревнях. Добавьте демографический бум — и неожиданно появится серьезная нехватка жилья, благодаря которой и был создан Квартиккьоло. Необходимо было место, в которое можно было бы набить тела, и этот район неплохо справился с таким объемом.

Я знаю, социологи посвятили километры текста вопросам и проблемам в урбанистических постройках. Они говорят об отчуждении, криминале, об отсутствии отдушины и сервиса. Я же могу сказать только о своем опыте. Это было трудным местом для жизни, здесь было легко связаться с плохой компанией, повернуть на неправильный путь наркотиков, криминала и безысходности.

Посторонний человек может видеть разве что семьи рабочего класса, которыми переполнены квартирки, мужчин, вынужденных тратить часы на поездку на низкооплачиваемую работу, детей, которым нечем заняться и проводящих время в цементных дворах или в тусклых видео игротеках.

Все же, когда я вспоминаю, это было замечательным местом, чтобы стать взрослым. У нас многого не было, но я никогда не чувствовал себя обделенным. Больше всего я трепетно вспоминаю о той близости, которая развилась у нас в семье. Не могло быть иначе — мы жили вшестером в односпальной квартире. Это означало, что мы были неразлучны все время. Я был либо во дворе, играя в футбол, либо дома со своей семьей. Они всегда были здесь, и я помогал создавать ту близость, уют, которых я бы не имел, если бы жил в другом месте.

Я был четвертым из четырех братьев. Оглядываясь назад, я не понимаю, как моя мама, Пьерина, справлялась с пятью мужиками Ди Канио, находящимися в доме. Неизбежно она была на проигрышной стороне во всех семейных войнах. Было пятеро нас, и только одна она, но как все интеллигентные женщины, она

знала, как управлять нами и гнуть свою линию. Мужчины пропали бы без женщин, подобных моей маме или ее четырем сестрам. Все они впятером жили в Квартиккьоло, разделенные каменными плитами друг от друга. Сестры встречали схожие проблемы, как и моя мама, и преодолевали их без больших усилий.

Антонио, мой старший брат, был моим кумиром в детстве. Он старше меня на девять лет. Он всегда выглядел таким большим и сильным, не было ничего, что могло бы его остановить. Первые пять лет моей жизни мы делили с ним кровать в нашей квартире. Одним из моих ранних воспоминаний является то, когда я просыпался посреди ночи и ощущал его тело. Если мне было холодно, я часто прижимался к нему поближе, чтобы нагреться теплом его тела. Я знал, что здесь я в полной безопасности, что это было счастливейшим, уютнейшим местом в мире.

Вспоминая прошлое, я ощущал себя, пожалуй, слишком безопасно. Когда ты полностью спокоен, расслаблен, иногда ты позволяешь себе просто жить: в каждом смысле слова. Я чувствовал себя настолько довольным с ним, что порой, когда мне надо было идти в туалет, я просто не желал подниматься. Я бы лучше намочил свою кровать.

Уверен, это было какого–то рода психологическим явлением, вызванным сердечной теплотой и безопасностью, которые ощущал я рядом с Антонио. Надо бы спросить у Зигмунда Фрейда. Когда ты в безопаснейшем месте на свете, ты не желаешь покидать его, особенно если надо нащупывать путь в темной, холодной квартире, чтобы пройти в туалет.

Мочиться в постель, кстати, было для меня чем–то, что я делал, пока мне не стало десять или одиннадцать лет. Но странно то, что Антонио никогда не страдал со мной. Как будто, если он понимал меня, знал, что произошло.

Антонио был тем, кто пробудил во мне желание стать футболистом. Он был феноменальным талантом, гордостью Квартиккьоло, и выступал за юношеские команды «Лацио», точно как я девять лет спустя. Мне нравилось наблюдать за его игрой. У него были природное чутье, талант, творчество, видение — все составляющие, необходимые тебе, чтобы преуспеть как футболист. Все, кроме одного: у него не все в порядке было с головой. Его особенности характера часто были несносными для товарищей по команде и тренеров. Он всегда выражал свое мнение и зачастую с минимальной тактичностью. И когда становился раздраженным, он не тренировался так, как следовало бы. На него смотрели, как на неконтролируемую пушку, как на уникальный талант, испорченный непредсказуемым

темпераментом.

Звучит знакомо? Позволю себе заметить, что я унаследовал некоторые качества Антонио. Но главное отличие состоит в том, что для меня тренировка и тяжелая работа всегда были клапаном, спускающим пар перед лицом неприятностей. Как и Антонио, я никогда не позволял себе молчать в стороне, никогда не боялся высказывать свое мнение. И я всегда платил по счетам. Но когда что–то шло не так, когда идти становилось тяжело, я просто погружался в свою работу с еще большим упорством. Всегда это было лучшим выходом для моей злости, идеальным стоком для моих эмоций. Я думаю, на длинной дистанции именно это позволило мне приходить в норму раз за разом. Каждая неудача делала меня только сильнее, потому что за этим следовали многие часы тяжелой, интенсивной работы.

Двое других моих братьев, Дино и Джулиано, старше меня на восемь и шесть лет соответственно. Мое отношение к ним было иным. Я любил их, конечно же, но никогда не боготворил. Я смотрел на них как на равных, что естественно приводило к многочисленным конфронтациям. Ничего серьезного, конечно, просто стандартные бытовые ситуации у подрастающих мальчишек, которые проводили целый день буквально один на другом в маленькой комнатушке.

Я был ребенком семьи, изнеженный и избалованный всеми, особенно мамой и Антонио. Когда я вспоминаю, как все складывалось, я понимаю, что был маленьким вредителем, в любом смысле этого слова. Я знал с раннего возраста, что мог избежать неприятностей почти в любой ситуации, и я злоупотреблял своим положением всякий раз, когда мог.

Я обожал заводить драки с Дино и Джулиано. Я мешал им, когда они играли в шашки или когда она смотрели телевидение. Ничего серьезного, лишь слегка раздражал: толкал их или теребил их волосы или мешал, как только мог. В идеальном случае мне удавалось натравить их друг на друга и затем наблюдать за их схваткой. Или же, что бывало намного чаще, они, рассерженные на меня, гонялись за мной по квартире. Когда такое случалось, я всегда бежал к Антонио, со слезами на глазах. Он становился на мою сторону, независимо от причины. Вместе мы могли загнать любого из братьев и побороть его. Как бы то ни было, Антонио был старше и сильнее. Я не особо горжусь этим, просто я был ребенком и, чтобы быть честным, было очень забавно наблюдать, как нарастала их ярость, а потом они прятались, как только я звал Антонио.

Удивительно все же складывается жизнь! Что делает тебя футболистом? У меня и моих братьев те же родители, наверняка

те же гены. Я — профессиональный футболист, а Антонио мог им стать, вероятно, даже лучше, чем я. Дино хотелось таковым стать, но у него было мастерства столько же, сколько у манекена. Джулиано никогда даже не помышлял о футболе.

Как для любого мальчишки, футбол был всем для меня. Ничего нового, то же самое у детей повсюду: от трущоб Рио до жилых кварталов Белфаста. Удивительно наблюдать за тем, как детишки гоняют мяч по улице или на маленьком пятачке цемента. Это сцена, которая повторяется повсюду в мире, но имеет устойчивое свойство по отношению к тому, к чему, я верю, может быть привязан каждый, кто любит эту игру.

Я просыпался утром и все, что я хотел сделать, это выйти на улицу и играть в футбол. Это было первым, о чем я думал. В школьные годы я возвращался домой примерно к часу дня, быстро что–то ел и проводил время на улице, пока не стемнеет. Летом я играл намного интенсивнее. Я проводил 8–9 часов вне дома, независимо от погоды.

Кто бы ни строил наши дома, он наверняка думал, что было бы хорошей идеей расположить постройки вокруг этих цементных двориков, может быть 50 футов в длину и 20–25 футов в ширину. Это делалось не для эстетики, отнюдь. Такие постройки имело чисто функциональное назначение: их главная цель заключалась в том, чтобы быть местом для вывешивания белья. Их называли «stenditoi», или «hanging places».

Здесь вешали металлическую веревку для белья, примерно 5–6 футов над землей. Я не сомневаюсь, казалось светлой идеей на тот момент предоставить женщинам место, где они могли бы вывешивать белье. Архитекторы не полагали, что эти пятачки бетона станут идеальными игровыми полями для детей Квартиккьоло. Действительно, мы присвоили себе «stenditoi» и превратили их в собственную версию «Сан Сиро» или «Стадио Олимпико». Ни одна здравомыслящая женщина не рискнула бы вывесить здесь свое нижнее белье или простыню, когда двадцать сверхактивных детишек гоняли вокруг.

Это были не идеальные поля, естественно. И не только потому, что ты рисковал порезать ногу и истечь кровью до полусмерти каждый раз, когда падал. Здесь были всевозможные встроенные препятствия: лестницы, канавы, странное дерево, пытающееся повернуться к небу через цемент. Не говоря уже о веревках для белья. Мы были маленькими, поэтому нам было удобно играть под ними, но изредка здесь была веревка, повешенная слишком низко — или потому что она потеряла форму, или потому что какой–нибудь старший парень решил потянуть ее вниз. Тогда это могло стать крайней опасностью,

истинной угрозой причинить травму во время нашей беготни. Я не один раз видел в свое время проход, остановленный почти обезглавливанием, и это не было приятным зрелищем.

Я развивал свое мастерство на «stenditoi», а также выучил первые уроки жизни на этих цементных пятачках. Без них я бы не стал ни игроком, ни личностью, каковыми являюсь сегодня.

С технической точки зрения, я не мог не улучшать свои навыки. Любой может остановить подошвой мяч и контролировать его на гладком поле, похожем на прекрасный бильярдный стол. Но там, где играл я, нужно было учиться управлять мячом независимо от того, подпрыгнул ли мяч на щебне или скатился в канаву. Я усвоил дриблинг, научился бегать часами без остановок (у нас не было такого понятия как «вне игры») и проходить сквозь плотные участки (мы играли по одиннадцать игроков с каждой стороны на поляне, которая была бы тесной и для пятерых игроков). Я полагаю, что большая часть моих способностей чуткого контроля и дриблинга зародились на «stenditoi».

Однако, помимо основных футбольных навыков дни, проведенные на «stenditoi», привили мне целую систему ценностей, которые я, возможно, иначе никогда не узнал бы. Вы можете утверждать, что это были ценности улицы — образованием, основывающимся на прочности, на самостоятельности, но, тем не менее, они были решающими для меня.

Поразмыслим об этом. Для большинства детей спорт — это первый раз, когда они сталкиваются с трудностями и препятствиями. До тех пор, пока они не начнут заниматься спортом, они, как правило, изнежены и избалованы своими родителями, и, даже если это не так, они по–прежнему завернуты в семейный кокон — окружены людьми, которые, безусловно, их любят. Как только они выходят во внешний мир, даже если просто играют с другими детьми, они впервые понимают, что не каждый будет с ними сюсюкаться, не для каждого их здоровье является приоритетом номер один. Школа имеет тот же эффект до некоторой степени, но также слишком отличается от спорта, потому что там все еще есть надзор со стороны взрослых.

Но когда ты впервые идешь на улицу или в парк и играешь с другими детьми, ты погружаешься в неконтролируемый мир, центром которого ты не являешься. Здесь нет страховочной сетки. Тебе нужно учиться, как налаживать связь с остальными ребятами, как с ними уживаться, как решать споры, как жить. В моем случае это было даже преувеличено, поскольку я жил в Квартиккьоло — месте, в котором ты неизбежно стремишься

вырасти как можно быстрее.

Когда я играл в «stenditoi», я вскоре усвоил, что побеждать — весело и удовлетворительно. Но я не мог побеждать каждый раз, и, когда я проигрывал, я возвращался домой плачущий. Тем не менее, я осознавал, что если я тренировался больше, чем остальные и работал тяжелее, то это увеличивало мои шансы на победу. Чем я, по сути, и занимался.

Возможно, это звучит, как упрощенная психология, популярная сегодня, и, может быть, это так и есть. Но в то время это работало по отношению ко мне. Сопернический дух в этих играх, даже в столь раннем возрасте, заставил меня ненавидеть проигрыши, а лучшим способом избежать этого, было интенсивнее концентрироваться, дабы приложить больше усилий, нежели оппонент. Этот урок сыграл мне хорошую службу, и я пронес его с собой через всю мою жизнь.

Я часто задавался вопросом, тратили ли мы все свое время, играя в футбол под открытым небом, потому что здесь не было ничего другого, чем заняться. У меня вариантов было немного: либо сидеть дома с матерью и смотреть в потолок, либо бегать со своими друзьями, соревнуясь за воображаемый Кубок Мира. Естественно, не было выбора.

Сегодня я не так уверен. Я возвращаюсь назад в Квартиккьоло и по–прежнему изредка вижу детей здесь, но намного меньше, чем раньше. В наши дни дети имеют больше вариантов, ведь есть дюжины телеканалов, и даже рабочая семья может позволить себе компьютер и доступ к Интернету. Муниципалитет Рима построил общественный бассейн в области, транспортные связи улучшились. Есть и другие вещи, которыми можно заняться, может быть, даже лучше.

Я не из тех ностальгирующих, которые завидуют этому. Был бы я доволен, если бы все было так, как я помню? Да, но я также осознаю, что нельзя жить прошлым. Мы все имеем идеальные воспоминания о том, какими были вещи однажды, но важно знать и понимать, что прогресс и перемены являются топливом человеческого развития: и на социальном уровне, и на личном. Конечно же, что–то потеряно, вероятно, дети Квартиккьоло уже не изучают те же уроки, что усвоил я двадцать пять лет назад. Но в то же время, наверняка они изучают другие, более важные вещи. Возможно, для них открыты двери, о существовании которых я не мог даже знать в свое время.

Поскольку я становлюсь старше, я понимаю все больше и больше, что делает нас людьми. Это наша воля делать что–либо. Не имеет значения, что именно, пока это бросает нам вызов и продвигает нас. Я люблю вспоминать о «senditoi», потому что

полученный опыт, радость и победы вместе с разбитым носом и счесанными коленями — все это помогло мне развиваться. Это научило меня, что сила воли и тяжелая работа, как правило, равняются успеху. Но даже если ты не преуспеваешь (и я могу подтвердить, что часто у тебя просто может не быть возможности преуспеть), то само стремление к успеху, само это усилие стоит того.

У нас не было многого в плане материального имущества. Мой отец, Игнацио, был строителем. Когда я говорю «строитель», я подразумеваю настоящего строителя, не просто парня, который укладывает кирпич. Для отца конструкторская работа была искусством. Во всем, что он делал, была включена глубокая, непоколебимая гордость. Я смотрю на вещи, которые просят строителей сделать — и восхищаюсь. Их работа включает тщательное планирование, геометрию, сообразительность и прочность. И еще, строители, как и многие другие работники ручного труда, не получают всего того уважения, которое заслуживают.

Человек в костюме сидит за столом в офисе, звонит людям и продает им коммерческие продукты. Он выглядит респектабельно. Напротив, строитель проводит дни, используя свой ум, свои навыки, свои инструменты и голые руки, чтобы построить нечто ощутимое, действующее и зачастую прекрасное. Но для многих он просто парень в каске, который свистит в след женщинам.

Я никогда не думал так. Наверное, благодаря уважению, которое испытывал по отношению к отцовской работе и ручному труду вообще. В конце концов, быть футболистом, значит, тоже заниматься ручным трудом. Существует мнение, что рабочие не используют свой ум. Это далеко от правды. Рабочий ли ты, или футболист, качество твоей работы находится в прямой корреляции с твоим интеллектом и рабочей этикой.

Конечно, было нелегко растить четверых детей на строительскую зарплату. Как я упоминал, наша квартира была простяцкой и тесной. Входишь в дверь и сразу попадаешь в крошечную прихожую. Справа была родительская спальня, сразу за ней — маленькая кухня. Прямо перед ней была наша ванная, настолько маленькая, что даже не имела настоящей двери, только завесу, которая складывалась подобно аккордеону, когда открывали ее. Технический термин для нее — дверь, складывающаяся гармошкой, или двойная дверь. И я предполагал, что в то время это считалось своего рода модным инновационным дизайном.

И если вы шли влево от входной двери, вы попадали прямо в

место, предназначенное быть приемной. В действительности, мы там проводили все наше время в квартире. Именно здесь я делил софу с Антонио, пока мне не исполнилось пять лет. Тогда, как Джулиано и Дино спали на двухярусной кровати. Также здесь семья ела, смотрела телевидение и фактически выполняла все домашние обязанности. Было ли тесно? Нет, серьезно. Пространство, особенно личное пространство — это относительное понятие. Кому–то достаточно комнаты, а другие не будут довольны и целым домом. В моем случае, у меня не было ничего, но это не имеет значения. Уединение было чем–то в уме, местом, чтобы предаться мыслям, не более. Если ты хотел удалиться от других и погрузиться в тишину, все, что тебе нужно было сделать, это игнорировать все вокруг и собрать свои мысли.

Но только не в нашем случае. Это было воплощением коммунального проживания, к которому была причастна не только моя семья. Мы жили на первом этаже пятиэтажного жилого дома. Здесь было по две квартиры на каждом этаже, и одна из сестер моей мамы жила напротив нас с ее двумя сыновьями, Эцио и Альваро. Я жил здесь семнадцать лет и почти не помню, чтобы их входная дверь была закрытой. Это было чем–то вроде расширением наших собственных аппартаментов. Мы могли гулять туда и обратно, когда пожелали. Что было у них, было нашим, и наоборот.

Мои кузены, Эцио и Альваро, были словно братьями мне. Я знал, что могу прийти в любое время к ним и найти, чем заняться. У них имелся записывающий плэйер, и мы могли проводить часы за прослушиванием пластинок. Когда нам это наскучивало, мы могли сидеть друг напротив друга и разговаривать, или выйти из комнаты, или смотреть телевизор. Действительно, это не имело значения. Главное, что ты не был никогда одинок и ты был всегда дома.

Наша жилищная ситуация немного улучшилась, когда мне было пять лет. Мой отец обнаружил пустое пространство за стеной в ванной. По сути, это был прямоугольник без окон, наверное, 10 на 12 футов, отделяющий нашу квартиру от соседней. Я никогда не понимал, зачем он было здесь. Это не казалось нужным в плане строительной конструкции и не занимало всего свободного пространства внутри четырех стен.

Мы вшестером теснились в двух комнатах, и идея разобрать стену и добавить еще одну комнату казалась нам очень привлекательной. Поскольку мой отец был строителем, он мог сделать это легко и дешево. Так, работая вечерами и по выходным, он стал потихоньку откалывать куски стены, и когда, наконец, пробил в ней брешь, то обнаружил грязную и темную

комнатку, которая, тем не менее, представляла собой дополнительное жизненное пространство для нашей семьи. В свободное время отец привел эту комнату в порядок и вскоре они с моей матерью туда переселились. Дино и Джулиано перебрались жить в спальню родителей, а мы с Антонио остались в гостиной.

Действия моего отца, конечно, являлись незаконными (мы сделали все тихо, не говоря никому ни слова и, естественно, без какого–либо официального разрешения), но он даже не задумывался об этом, ведь никому от этого не было никакого вреда. Теперь у его четверых сыновей появилось достаточно пространства для нормальной жизни, а что могло быть важнее? В подобной ситуации помощи от правительства ждать не приходится, и инициативу нужно брать в свои руки.

Когда я был совсем маленький, меня называли «Палокка», что на диалекте означает «Толстяк». Возможно, вы удивитесь, но в детстве я имел проблемы с лишним весом. Я был очень толстым, и, говоря это, я не имею в виду детский жирок. Я был не просто пухленьким, я находился на грани ожирения. Это являлось следствием нарушения работы организма, и очень беспокоило моих родителей. Мои ноги были настолько толстыми, что когда я смотрю на свои старые фотографии, я не могу разглядеть на них свои колени. В то же время, избыточный вес оказывал дополнительную нагрузку на ноги, которые и так были кривыми. Такие ноги, как у меня в детстве, называют икс–образными (коленки расположены ближе друг к другу, чем обычно) в противоположность о-образным (коленки расположены дальше друг от друга, чем обычно). Мне приходилось носить ортопедические ботинки, чтобы выпрямить ноги, и все равно врачи сомневались, что я когда–либо смогу ходить нормально.

Мне прописали усиленные занятия плаванием. Я проводил в бассейне многие часы, плавая туда и обратно, туда и обратно. Сначала я это ненавидел. Хочу напомнить, что мне тогда было шесть или семь лет. Однако через некоторое время я стал получать от этого удовольствие, особенно когда мне приходилось напрягаться все сильнее и сильнее. Наверное, именно тогда я полюбил тренировки. Мне нравилось ставить перед собой цели и достигать их, постоянно подгоняя себя вперед. В раннем возрасте я понял, что я максималист. Если в чем–то я не был лучшим, я заставлял себя возвращаться в начало и проходить все заново раз за разом, пока не делал это лучше всех. Конечно, идеала достичь невозможно, но это и не нужно. Главное — это движение, постоянное движение к совершенству.

Итак, время, проведенное в бассейне, вскоре начало

приносить свои плоды. Через шесть месяцев мое тело стало более упругим, лишний жир исчез. Врачи разрешили мне снять те ужасные ортопедические ботинки. Сейчас я смотрю на себя, такого стройного, подтянутого и мускулистого, и не могу поверить, что когда–то был маленьким толстым мальчишкой.

Мне повезло. Никто не смеялся надо мной (а если и смеялся, то я этого не помню). Возможно, это потому, что к восьми годам я уже сбросил вес, а дети не становятся жестокими, пока им не исполняется десять. А, может быть, причиной был Антонио, наводивший страх на любого, кто хотел надо мной поиздеваться.

Так или иначе, оглядываясь назад, я понимаю, что рисковал остаться толстым до конца жизни. Все бы тогда было иначе. Я бы не стал профессиональным футболистом, не познакомился бы с Беттой и у меня бы, наверное, не было сейчас двух прекрасных дочерей. Я смотрю на многих детей, страдающих от лишнего веса, детей, имеющих как физические, так и психологические проблемы, и мне хочется сказать им, что все можно изменить. Нужно лишь сделать над собой усилие и стать другим. У меня это получилось, и у них тоже может получиться.

В девять лет я был счастливым, веселым мальчиком. И моя мама решила обратиться к специалистам, чтобы у меня нашли какой–нибудь талант. Наверное, так делает любая мать в Италии, ведь каждая мать искренне верит, что ее ребенок — самый умный и красивый на свете.

Помните Зорро — знаменитого героя в маске, с саблей в руке скакавшего на лихом коне по Мексике, помогая угнетенным и покоряя женские сердца? Так вот, итальянское телевидение решило снять несколько новых серий фильма о приключениях Зорро, в которых рассказывалось о его раннем детстве. По всему Риму расклеили объявления, где мальчики от восьми до десяти лет приглашались принять участие в пробах на роль юного героя. Это стало главной темой разговоров местного люда. Мама отвела меня в телестудию. Я не знал, что меня ждет, но мне было ужасно интересно оказаться в новой, незнакомой обстановке.

Таких, как я, набралось около тысячи. К плечу каждого был приколот номер, будто мы были коровами на ярмарке. Некоторые дети заметно нервничали, кое–кто плакал, а кто–то сидел с каменным лицом, как у манекена, крепко держась за руки своей мамаши. Нас всех как следует вымыли, подстригли и одели в праздничные костюмы. На мне была новая одежда, против чего я особо не возражал. Мне нравились новехонькие рубашки и брюки. Уже тогда я любил одеваться по моде.

Но наш внешний вид не шел ни в какое в сравнение с тем, как выглядели наши матери. Они переживали гораздо сильнее

детей и были одеты с большим шиком, нежели их отпрыски. Можно было подумать, что именно они участвуют в кастинге. Макияж, платья с цветочными узорами, бусы. Не забывайте, что на дворе, все–таки, была середина семидесятых. Женщины оживленно болтали между собой, в то же время пристально наблюдая за своими чадами: не испачкались ли туфли, не помялась ли рубашка?

Нас всех сняли на камеру, а затем пригласили на сцену читать слова Зорро. Некоторые дети были напуганы до смерти, другие просто не могли понять, чего от них хотят. Нужно было видеть, как напряженно матери смотрели на своих сыновей: еще чуть–чуть и на маленьких личиках появились бы дырки от их испепеляющих взглядов. Я не знаю, кто были все те мальчишки, но, скорее всего, большинство из них, как и я, происходили из обычных рабочих семей. Для многих это, вероятно, был единственный шанс уйти от безысходности своего общественного положения и стать кем–то другим, заняться чем–то более интересным. Надо сказать, что в итоге все свелось к банальной торговле («Мадам, ваш сын красив и талантлив, но не так красив и талантлив, как вон тот»), а напряжение было просто невыносимым. Нужно понимать менталитет людей в то время и отношение присутствовавших матерей ко всему происходившему. Их ребенок являлся показателем того, насколько хорошо они исполняли свои материнские обязанности.

Был ли их сын красивым, жизнерадостным мальчиком? Умел ли он выражать свои мысли? Был ли он смышленым? Обладал ли он обаянием? Для людей, которые устроили пробы, если мальчик был не совсем идеален, в этом следовало винить их мать. Именно матери, а не их дети, в тот день сдавали экзамен.

Не знаю почему, но я не ощущал страха и ничуть не волновался. Уже в том возрасте я понимал, что ничего не могу изменить в своей внешности, и поэтому следует сосредоточиться на том, как правильно себя вести в той или иной ситуации. Так как продюсеры хотели найти на роль Зорро маленького мальчика, лучше всего, с моей точки зрения, было поступать так, как поступал юный Зорро. Однако я понятия не имел, как именно он поступал, и поэтому решил представить, что Зорро — это я. Таким образом я мог оставаться самим собой и произносить свои слова, как Паоло Ди Канио, а не как маленький Зорро.

И это сработало. Организаторам я, кажется, пришелся по душе. Мне же безумно понравилось выступать на сцене, когда ты безраздельно владеешь вниманием всех людей, находящихся в зале. Это внимание, думаю, придало мне больше уверенности в своих силах. Я сразу понял, что все прошло на «ура», и

почувствовал разочарование других матерей, когда судьи начали шептаться между собой. Объявили результаты, и выяснилось, что я занял первое место. Именно я был отобран среди двух сотен мальчишек на роль Зорро в сериале на одном из общенациональных каналов. Моя актерская карьера должна была вот–вот начаться.

Но, увы, на этом она и закончилась. Из–за всех волнений и переживаний мама пропустила информацию, напечатанную на объявлении мелким шрифтом. Оказалось, что в результате кастинга, в котором я победил, просто отбирался мальчик, наиболее подходивший на роль. Окончательное же решение принимали продюсер и режиссер фильма, не присутствовавшие в зале. Тем не менее, организаторы убеждали нас, что с моим утверждением не возникнет никаких проблем. Все, что нам оставалось сделать — это еще несколько раз сфотографироваться и пару раз сняться на камеру. Они говорили, что будут счастливы устроить это для нас за скромную и разумную плату в 50 000 лир, что составляло в то время около 30 евро. Загвоздка была в том, что мама уже потратила деньги на новую одежду и на допуск к участию в отборе. Найти еще 50 000 лир было делом непростым.

«Синьора Ди Канио!» — сладким голосом пытался уговорить маму один из организаторов. «Посмотрите на этого прекрасного, талантливого мальчика. Он будет следующим Зорро! У него прекрасное будущее! Неужели вы позволите, чтобы какие–то жалкие 50 000 лир помешали ему сделать блестящую актерскую карьеру?»

Мама молчала и смотрела перед собой. Возможно, она понимала, что ее водят за нос и просто выуживают деньги. А возможно, у нее не хватало смелости попросить у моего отца требуемую сумму.

«Синьора, он скоро станет звездой!» — не унимался организатор. «Он будет работать с профессионалами. Нужно только, чтобы он прошел профессиональную кинопробу и принял участие в фотосессии. Это займет у вас лишь несколько часов, не больше. Подумайте: всего несколько часов в обмен на телевизионную карьеру!»

Мы молча вышли из студии. Держа меня за руку, мама с понурой головой побрела к автобусной остановке. Я шел, робко смотря на нее, а номер, под которым я выступал на кастинге, по–прежнему красовался на моей груди. Мы больше никогда не говорили о том, что произошло в тот день, но, думаю, уже тогда я усвоил важный урок.

Приключение с пробами на роль Зорро, на самом деле, представляло собой первый и единственный раз, когда мама

пыталась реализовать свою мечту в отношении моего будущего. Только тогда и никогда больше я видел, как горели ее глаза, только тогда я чувствовал, что она ведет меня к тому, чем, по ее мнению, я должен заниматься в жизни. В телестудии она соприкоснулась с миром гламура, миром, таким непохожим на тот, в котором жила она, таким далеким и нереальным. Да, спустя годы, став профессиональным футболистом, я познал славу и популярность, но тогда, все–таки, это было нечто иное. Маме просто не оказалось места в том мире. Хотя она была всегда очень счастлива за меня и радовалась моим успехам, это было уже не то, чего она на самом деле хотела.

Когда подумаешь, что ее мечта разбилась о какие–то 50 000 лир, сущий пустяк, сердце обливается кровью. Но что тяжелее всего осознавать — эта сумма была нам вполне по силам. Если бы мы были богаты или принадлежали к среднему классу, мы бы отдали эти деньги, не задумываясь. Будь мы бедняками, мы бы тоже не волновались, потому что это было бы за пределами наших возможностей. Но 50 000 лир являлись достаточно большой суммой, чтобы пробить серьезную дыру в семейном бюджете, и в то же время достаточно маленькой, чтобы мы могли позволить себе выложить ее, если бы нам это действительно понадобилось. В этом и заключалась дилемма: потратить деньги, чтобы осуществить мечту в отношении сына Паоло, и, таким образом, лишить каких–то благ других членов семьи.

Иногда я пытаюсь представить, как сложилась бы моя жизнь, стань я актером. Мне нравится находиться на сцене или перед объективом телекамеры. Жизнь, в своих самых элементарных проявлениях, заключается в эмоциях. Подумайте: все, что вы делаете, вызывает в вас какие–то чувства, будь то ощущение счастья, удовлетворения, облегчения, гнева, все, что угодно. В наше время мы активно ищем возможности, чтобы дать выход нашим эмоциям. Мы можем вкусно поесть, почитать книгу, принять душ или заняться любовью с нашими женами или подругами. Все это вызывает в нас какие–то чувства, эмоциональную реакцию, которая может быть более или менее приятной, более или менее ярко выраженной. Актеры, фильмы и пьесы вызывают в нас эмоции. Мы можем ощущать печаль, пылать страстью, испытывать гнев, смеяться, получать удовольствие, и все это благодаря играющему для нас актеру. Отношения между актером и аудиторией — очень интересная тема.

В этом плане очевидна аналогия между актером и футболистом. Когда я играю в футбол, я сам испытываю какие–то чувства, но, что так же важно, я вызываю эмоции у зрителей. Вот почему некоторые люди сравнивают футбол с оперой: он

захватывает тебя, ты ощущаешь себя его частью, ты сам играешь, переживая положительные и отрицательные эмоции попеременно в зависимости от событий на поле. Это высшее проявление коллективных чувств.

Когда я на поле — я на сцене. Это не означает, что моя роль — только развлекать зрителей. Можно получить эстетическое наслаждение от дриблинга, удара или подката, и это, конечно, вызывает определенные чувства. Но я также выхожу на поле побеждать, побеждать любой ценой. И когда добиваюсь победы, у меня возникают совершенно другие ощущения. Вот почему футбол — это опера без готового сценария. Во время матча происходит обмен чистыми эмоциями между футболистами и зрителями.

Как актеры, футболисты развивают свои естественные способности за счет постоянной тренировки. Конечно, без таланта не обойтись, ведь это основа, на которой все зиждется. Если в тебе нет экспрессии, если ты не умеешь перевоплощаться, не можешь передать зрителям, что чувствует твой персонаж, ты не сможешь добиться успеха на сцене. Точно так же, как не станет успешным футболист, не умеющий контролировать мяч. Однако не стоит забывать, что без напряженной работы, без многих часов ежедневных тренировок не стоит рассчитывать на высокие результаты в какой бы то ни было сфере. Я видел, как сотни талантливых футболистов, по своим данным намного превосходивших игроков Премьер–лиги или Серии А, терпели неудачу, потому что не хотели или не могли заставить себя работать над собой. То же касается актеров.

Думаю, именно поэтому меня так привлекает сцена. Многие спортсмены становились актерами. Некоторые просто играли сами себя в кино, а другие, по настоящему достойные, усердно трудились и сумели выйти на качественно новый уровень. Возьмите, например, Вини Джонса и его достижения. Да, кто–то скажет, что роль в фильме «Lock, Stock and Two Smoking Barrels» не принесла ему такой уж большой славы, но если внимательно посмотреть эту картину, как это сделал я, можно увидеть, как тонко он изобразил своего героя, что под силу только профессиональным актерам. Благодаря этому, Джонс получил приглашение сняться в ряде других фильмов, и теперь его считают настоящим актером. Противоположность ему — Эрик Кантона. Возможно, он обладает харизмой и легко узнаваем всеми, но видели ли вы когда–нибудь фильмы с его участием? Он в них, как манекен, и не вызывает у вас совершенно никаких эмоций. Не знаю, потому ли это, что у него нет артистических данных, или он просто не нашел возможности как следует

освоить актерское ремесло. Так или иначе, надеюсь, я на экране выглядел иначе.

Летом 1998-го года, спустя двадцать один год после проб на роль Зорро, я, наконец, получил шанс сняться в кино. Парень по имени Лука Борри, молодой режиссер, желавший сделать себе имя в кинематографе, пригласил меня на главную роль в своем короткометражном фильме.

Лука прошел курс обучения у Карло Рамбалди, итальянского мастера по спецэффектам, снявшего фильм «ET» («Инопланетянин») и участвовавшего в создании «Дюны». Думаю, Лука волновался, когда делал мне свое предложение: на съемки фильма требовалось две недели, а это означало, что все это время я должен был провести в Терни, на съемочной площадке. Поэтому мне было довольно нелегко согласиться, однако я очень хотел сниматься в кино и поэтому дал Луке утвердительный ответ. Вероятно, где–то в глубине души я все еще лелеял мечту стать актером.

Картина называлась «Strade Parallele» или «Параллельные дороги». Это рассказ о двух друзьях, которые постоянно друг с другом соревнуются. Несмотря на тесные отношения, они все время пытаются доказать, что лучше другого в том или ином деле. Для них нет ничего определенного. Каждый день — это очередная возможность одержать победу в соревновании. Жизнь становится битвой за первое место, соперничество не знает границ.

Кульминация наступает, когда им приходится бороться за женщину. Друзья решают, что единственным способом разрешить конфликт и определить победителя в такой ситуации будет дуэль на пистолетах. Ничто больше не сможет положить конец соперничеству, вышедшему из–под контроля. Увы, в итоге оба парня погибают. Они убивают друг друга, пытаясь выиграть свое бесконечное соревнование.

Лука выбрал меня на роль одного из товарищей. Хотя я не имел актерского опыта, я сделал все, чтобы как следует подготовиться к съемкам, и, как мне кажется, я прекрасно подходил на ту роль. Во многом моя жизнь была похожа на жизнь моего экранного героя: как и ему, мне тоже приходилось бороться, я все время находился в напряжении, неустанно искал свой шанс. Иначе и быть не могло, ведь я вырос на улицах Квартиччоло. А там, если не научишься стоять за себя, не полюбишь драться и выигрывать, далеко не уедешь.

У тебя развивается менталитет жертвы, а это, в свою очередь, приводит лишь к одному: ты становишься жертвой. Кто–то однажды сказал, что на улицах есть два типа людей: жертвы и

хищники. Не знаю, так ли это. Я не хочу думать о себе, как о хищнике, но точно знаю, что я не жертва.

Мы снимались каждый день, пятнадцать дней подряд. Иногда съемочный день длился три–четыре часа, а иногда затягивался на целых семь. И все это для того, чтобы снять фильм продолжительностью в двенадцать минут.

Что меня больше всего поразило в процессе создания фильма — это необходимость повторять одни и те же сцены. Дубль следовал за дублем, пока режиссер не оставался доволен игрой актеров. В футболе, конечно, все тоже повторяется бесчисленное количество раз, ведь в этом и заключается тренировка. Но есть принципиальная разница. В футболе можно до игры практиковаться, сколько хочешь, однако на поле у тебя есть только один шанс сделать все правильно. Актеры же могут репетировать, сколько необходимо, что, надо сказать, забирает у них очень много сил. Но актеры сомневаются несколько иначе, чем футболисты. В какой–то момент они могут сказать: «Достаточно. Лучше уже не получится!» Максималистам по природе, как я, трудно с этим согласиться. Мой инстинкт заставил бы меня повторять один и тот же дубль бесконечно.

Я не волновался, когда меня снимали на камеру. Мне был интересен процесс поиска в себе эмоций для передачи их зрителю через своего персонажа. Как я уже сказал, проведя детство и юность на улицах, у меня без труда получалось раскрывать чувства своего героя, и поэтому роль давалась мне легко. Да, я действительно играл, но, по правде говоря, я давал волю своему гневу, сильным эмоциям, которые переживал с тех пор, как был еще совсем маленьким.

Наверное, самое странное, с чем я столкнулся за время работы над фильмом, произошло в его конце, когда мой персонаж и его соперник убивают друг друга на дуэли. Изображать смерть на экране было очень необычно и в некотором смысле неприятно. В конце концов, игра актера в основном заключается в том, чтобы вжиться в роль и повторять действия, которые он производит в обычной жизни, за исключением того, что ситуации в кино другие и актер смотрит на них глазами другого человека. Но смерть, конечно, это не то, что люди переживают каждый день. Ни один актер не знает лично, что это такое. Все что можно сделать — это сымитировать смерть, как я и поступил. Я вспомнил фильмы, которые видел раньше, пьесы, ситуации, когда был свидетелем боли и страданий людей, и просто представил, как что–то бесконечно мне дорогое вот–вот прекратит свое существование.

Да, это был не полнометражный голливудский фильм. Да, я не профессиональный актер. Но тогда я многому научился и

получил истинное наслаждение от съемок. Еще рано говорить, подходит ли мне профессия актера или нет. Но одно я знаю наверняка: я не перестану об этом думать.

Глава 2
«Король Куартиччьоло»

Для большинства итальянских детей лето — самое счастливое время года. Никакой школы, пустые улицы и бесконечные часы под лучами жаркого солнца. Можно делать все, что хочешь: гонять мячик или просто валяться на траве (ну, или как в моем случае — на асфальте). Летом, особенно в августе, итальянские города словно засыпают. Магазинчики закрываются, бизнес замирает, люди отправляются в отпуска — жизнь вокруг сбавляет скорость.

Конечно, Рим летом наводняют туристы, но они никогда не заглядывали в мой район. Нет, Куартиччьоло принадлежал только нам, «местным», а в июле и августе казалось, что детвора брала район под свой полный контроль. Взрослым все еще надо было ходить на работу, тогда как мы, выбравшись из ежедневных оков школьной рутины, были вольны делать все, что нам вздумается.

Я просыпался поздно, около 11, и брел вниз по улице к магазинчику на углу. Мы называли его «il fornaio» — «булочник». Владелец магазинчика, Эдоардо, делал мне бутерброд с моццарелла и наливал огромную колу. Потом он записывал весь заказ на наш счет. Казалось, на каждую семью у него была своя «кредитная книга» — обычная тетрадь, сродни тем, что были у нас в школе, в которую Эдоардо записывал все детские заказы, а потом в конце месяца, представлял ее родителям. Я не знаю, сохранилась ли такая практика по сей день. Сегодня, кажется, нельзя доверять никому — и никто не хочет верить тебе. Но тогда, в то время, все было проще, легче. Я и сейчас вижу, как Эдоардо аккуратно записывает мой завтрак в свою большую черную тетрадь, осторожно сжимая шариковую ручку своими грубыми пальцами.

Бутерброд и газировка в руке, я сижу на ступеньках перед входом в магазинчик и читаю Корриере Делло Спорт, римскую спортивную ежедневную газету. Каждый день — 30 широкоформатных страниц, полных новостей о Роме и Лацио. Она была нашей Библией. Многие иностранцы знают Газзетта Дело Спорт, газету на розовой бумаге, которую можно без труда встретить у продавцов прессы в Лондоне и по всей Британии. Головной офис Газзетта находится в Милане, и само издание известно во всем мире куда шире, чем Корриере, но у Корриере было главное: это была наша газета, она писала о наших клубах

— Роме, Лацио и, в меньшей степени, о Наполи. И не важно, что в те годы Лацио прозябал в Серии Б, Наполи постоянно был на грани вылета, а Рома оставалась вечной «подружкой невесты», держась в тени северных Милана, Интера и Ювентуса, которые доминировали в итальянском футболе тех лет.

Корриере была римской газетой. Она давала нам то, что нам было нужно: страницы, страницы, страницы (обычно от 4 до 6 каждый день) самой детальной, порой самой заурядной, информации о Роме и Лацио. Позже, став игроком и уже на своей шкуре ощутив это тотальное внимание газет ко всем, даже самым незначительным, аспектам, я порой немного удивлялся: неужели людям действительно так важно знать, кто из игроков не забил на тренировке пенальти, сколько ускорений мы сделали вчера или даже кто из игроков приехал на тренировку в рубашке в желтую клеточку… Но для 12-летнего мальчишки, влюбленного в Лацио, все эти мелочи были настоящей сказкой, и я жадно впитывал каждый сантиметр информации.

После чтения прессы я отправлялся в салон видеоигр на встречу с друзьями. Это было время юности видеоигр, мы обсуждали Pac Man, Space Invaders, Asteroids… По сравнению с современными играми, те игры были откровенно «страшными», но тогда они казались нам чудом. И еще пинболл–автоматы, каждый со своей «темой», со своим набором звуков. Почти все свое время мы проводили за болтовней, или смотрели, как играют другие: ни у кого из нас в ту пору не было «лишних» денег, а играть в игры «на вексель», как в магазине у Эдоардо, было нельзя. Зал видеоигр был для нас скорее местом встреч, укрытием от полуденного солнца.

Парой часов позже мы выходили на «сушилки» (stenditoi — ит. сушилки, места для сушки белья) — начинался наш футбол. Это были футбольные марафоны, которые продолжались до самого вечера, когда из домов выходили наши мамы и забирали нас с улицы. Около 8 часов вечера римские сумерки сотрясались от мальчишечьих имен:

«Паоло!»

«Эцо!»

«Стефано!»

Частенько все это заканчивалось тем, что взбешенная маман гонялась по всей бетонной «сушилке» за мальцом, упорно игнорировавшем ее бесконечные призывы отправляться на ужин — ему предстояло доиграть его собственный Финал Чемпионата мира в Куартиччьоло.

В 12 лет состоялась моя самая серьезная ссора с моим братом Джулиано. Как я уже говорил, я любил своего брата, но надо

признать: я был тем еще засранцем! Денег не было уже несколько недель, и мы с друзьями проводили который по счету день в салоне игровых автоматов, с тоской наблюдая за тем, как другие дети «кормят» автоматы пинболла и прочие игры. Тут что–то замкнулось в моей голове. Мне захотелось сделать что–то особенное для моих друзей, устроить им праздник, день «на широкую ногу», с видеоиграми, мороженным и бутербродами. Не самое смелое желание, я же не хотел Луны с неба! Я хотел всего лишь праздника.

Но денег у меня, разумеется, не было. И я задумался: как 12-ти летний ребенок в Куартиччиоло может быстро раздобыть нужную сумму?

Я постоянно просил деньги у своего брата Джулиано. Ему тогда было 18, он подрабатывал на случайных работах, у него водилось немного денег, так что логично ему следовало делиться ими со мной. Вот только Джулиано, памятуя обо всех моих выходках, не больно–то спешил делиться заработанным. Тем более он знал, что я все спущу на видеоигры.

Сей факт злил меня безумно. Мне нужно было как–то отомстить. У брата был старенький велосипед, из тех, где чтобы затормозить, нужно крутить педали в обратную сторону. Не ахти, конечно, но, по крайней мере, он работал.

И вот в один из дней я взял велосипед брата и отогнал его в магазин подержанных велосипедов, который располагался в паре кварталов от нашего дома. Владелец магазина, Пеппино, продавал и ремонтировал велосипеды и скутеры. Я предложил ему купить велик. Пеппино посмотрел на меня недоверчиво:

«Палокка, почему ты продаешь этот велосипед?»

«Потому что он мне не нравится, — ответил я. «Я собираюсь купить новый. Итак, ты берешь или нет? Сколько дашь за него?»

Он внимательно посмотрел на велосипед: «Чей это велосипед?»

«Да мой же! — ответил я с негодованием. «Чей это может быть велосипед? Конечно же он мой! Иначе с чего бы мне продавать его?»

«Мне этот велосипед знаком, вот только я никогда не видел на нем ТЕБЯ…»

«Ну так я ж и говорю: он мне не нравится, — огрызнулся я. «Итак, сколько я получу за него?»

Пеппино пожал плечами и почесал подбородок. Тот факт, что 12-тилетний малец продает ему велосипед, казался ему подозрительным. Но, в конце концов, это была не его проблема.

«Я дам тебе за него 10 000 лир», — сказал он.

По тем временам это было около 6 долларов. Наверное, не

самая лучшая цена за подержанный велосипед, но для меня это была просто неслыханная удача. Помните: это было 20 лет назад! О, да с такими деньгами я мог…. Дважды предлагать не пришлось, я взял деньги.

На следующие 36 часов я стал Королем Куартиччиоло. Друзья шли и шли, всем хотелось быть со мной. Мы не видели таких денег очень давно.

Я был похож на парня, который выиграл миллионы в лотерею и теперь угощает выпивкой всех в пабе. Деньги мы просадили быстро и «с умом»: во–первых, мы сыграли во все игры в игровом салоне. Затем я всех угостил ланчем: толстым бутербродом, огромной колой и мороженым на десерт.

Я всегда всем делился, такова моя натура Я даже не думал об этом. Есть старая поговорка «давать лучше, чем брать», и она — истина. На самом деле, если задуматься и копнуть глубже, за дарением кроется эгоизм. Тебе приятно от того, что ты делаешь кого–то счастливым. Ты делаешь это потому, что тебе самому становится от этого лучше. Возможно, это не совсем сознательный процесс, но отдавая кому–то что–то, ты делаешь это для себя, а не для других.

Как бы то ни было, деньги закончились быстро. Очень быстро. У меня остались чудесные воспоминания о прекрасном дне — это было тем, что имело для меня значение. Тогда я еще не знал, что последствия кражи велосипеда брата настигнут меня очень скоро.

Вечером того же дня Джулиано рвал и метал:

«Где мой велосипед? Кто взял мой велосипед? Ты видел мой велосипед?»

Словно заезженная пластинка, он повторял одно и то же — и его можно было понять. Тот велосипед, каким бы старым и ржавым он ни был, был не просто ценным имуществом. Он был транспортным средством, он был способом выбраться из Куартиччиоло, пусть всего лишь на время, он открывал брату весь Рим. Без него он застрял в нашем районе так же, как и все мы.

«Я не могу поверить! — кричал он в отчаянии. Мне было его действительно жаль. «Кто–то украл мой велосипед! Палокка, ты должен был хоть что–то видеть! Расскажи мне!»

«Извини, Джулиано, — я включил «дурака». «Я понятия не имею. Это мог быть кто угодно, наверное, кто–то из другого района. Должно быть, это цыгане его утащили!»

Джулиано был разбит, но я держал себя в руках. Мне казалось, я «отмазался». Сейчас я понимаю, какой же я был дурак: Куартиччиоло — маленький район, и рано или поздно брат все равно узнал бы что–то.

Именно так все и вышло. Несколько дней спустя он проходил

мимо магазина Пеппино и увидел перед входом свой велосипед с ценником на продажу: 20 000 лир.

«Какого хрена тут происходит? — орал он на Пеппино. «Это мой велик! Ты продаешь краденое! Я звоню в полицию, тебя упекут за решетку!»

По характеру Джулиано был спокойнее меня, но если он злился, то остановить его было невозможно. Но я думаю, что в подобной ситуации и у меня бы снесло крышу.

«Остынь, сынок, — сказал ему Пеппино. «Я не понимаю, о чем ты говоришь. Палокка продал мне этот велосипед. Он сказал, что это его велик, и у меня не было причин не верить ему»

«Это мой велосипед! Он не имел права продавать его! Верни его мне!»

«Извини, Джулиано, но я заплатил за него хорошие деньги. Если ты хочешь вернуть этот велосипед, тебе придется купить его. Иди–ка ты лучше потолкуй со своим братом…»

И Джулиано отправился на поиски меня. В такой ярости я не видел его никогда. Я увидел его издалека; я никогда не забуду выражение его лица. Гнев — это не то слово. Он был похож на персонажа из мультиков, и я почти мог видеть, как из его ушей валит дым.

Я не стал дожидаться, пока он подойдет ближе. Я пулей рванул прочь, бежал и бежал, а Джулиано гнался за мной.

Уже тогда я бегал очень быстро, но вот только у 12-тилетнего нет шансов удрать от 18-тилетнего. Мои ноги были короче его. Я бежал, спасая свою жизнь, его питал абсолютный гнев. Я забежал в дом в надежде, что мама, или Антонио, или Дино, или хоть кто–нибудь окажется рядом. Я буквально взлетел по лестнице, неистово надеясь встретить хоть кого–нибудь из родных.

Но на верху никого не оказалось. И что еще хуже, путь назад был отрезан. Я оказался приперт к стене в своей комнате.

Наказание началось почти без слов. Их и не требовалось. Мы оба знали, что я сделал. Он колотил меня до посинения, руками и ногами. Я отбивался, но что я мог ему противопоставить? Я сам напросился. Джулиано начал бить меня головой об стол: раз, второй, третий. Я орал изо всех сил.

В этот момент дверь распахнулась и в комнату влетела моя тетя Франка. В тот момент никого в целом мире я не хотел видеть так, как хотел видеть ее. Тетя Франка обожала меня. Она была большой, сильной и серьезной женщиной. Хардкор–болельщица Лацио, у нее не было детей, и я был для нее как сын. У нее все было серьезно, и я понимал, почему она с такой легкостью управляется с моим дядей Альваро. Если подумать, она была тем еще мужиком.

«Какого хрена ты творишь? — заорала она на Джулиано. Она схватила его за руку и отбросила в сторону.

Джулиано был большим, сильным парнем. Но тетя Франка могла с ним справиться. С легкостью!

«Оставь Паоло в покое! — прорычала она. «Только тронь моего племянника, и я тебя убью! Как ты смеешь!»

Джулиано остолбенел. Он не знал, что сказать. Я быстро разобрался в ситуации и развернул все в свою сторону. Я сделал то, что всегда делал в подобных ситуациях. Я начал плакать.

«Тетя Франка, он бьет меня! — рыдал я. «Джулиано набросился на меня без причины и начал меня бить. Он больной! Он ненормальный! И он бьет меня ни за что, я вообще ничего не сделал!»

Мой брат пытался доказать свою невиновность и рассказать свою часть истории, но тетя Франка не желала ничего слушать. Она вытолкнула его из комнаты, заперла дверь и обняла меня. Я выглядел довольно печально, у меня была пара синяков и порезов, но в целом ничего опасного для жизни.

Но самая сильная боль была болью внутренней. Я ненавидел сам факт того, что кто–то может прийти и физически подавить меня. Я начал планировать месть, хотя мне все еще предстояла беседа с родителями.

Тетя Франка была замечательным человеком. Она полностью приняла мою сторону даже узнав от Джулиано что именно я натворил. И она уговаривала моих родителей не наказывать меня слишком строго.

Мы все еще были на ножах с Джулиано. Отец положил конец этой истории. Он пошел в магазин и выкупил велосипед за 20 000 лир — Пеппино остался в плюсе. Отец отругал меня, но не стал перегибать палку. Я думаю, его шокировала столь агрессивная реакция Джулиано, и он решил, что мне уже и так порядком досталось. Либо так, либо тетя Франка уболтала его быть помягче со мной.

Я думаю, что Джулиано понял, что перебрал с физическим наказанием. В конце концов, он получил велосипед, воспользовался случаем выбить из меня лишнюю дурь, и был удовлетворен. Он спустил историю на тормозах.

Что касается меня, во мне все кипело. Я жаждал сатисфакции. И я ее получил. Примерно через неделю у нас была еще одна драка. На этот раз не было ничего серьезного. По крайней мере, для него. Он погонял меня немного, пользуясь своим превосходством в силе и размере. Он знал, что я ничего ему не сделаю.

Точнее он так думал.

Погоняв меня, он рассмеялся и повернулся ко мне спиной. Я выбежал на кухню и схватил самую большую вилку, какую смог найти. Я взял ее двумя руками, подкрался к нему сзади и вогнал ее ему в спину чуть пониже лопатки.

Он закричал так, что кровь застыла в жилах. Глаза его открылись так широко, что мне показалось, что они собираются выпасть из орбит. Спотыкаясь, он носился по всей комнате, судорожно пытаясь дотянуться до вилки и вынуть ее. Гнев ослепил его, он был похож на циклопа Полифема, которого ослепил Одиссей. Я смеялся: мой брат выглядел очень забавно, бегая по квартире и ломая все на своем пути, с огромной вилкой, торчащей из его спины.

На этот раз я был умнее. Месть свою я решил претворить в жизнь в тот момент, когда вся моя семья была дома. Я знал: они защитят меня от гнева Джулиано. Антонио вытащил вилку, на меня накричали, но в целом я избежал серьезных неприятностей. Я не помню, как в точности меня наказали, но что бы там ни было, оно того стоило. Что касается Джулиано, он был не столько зол, сколько ошарашен. Я не думаю, что он когда–либо ожидал чего–нибудь подобного.

Между тем, я начал выступать за местную детскую команду Про Тевере. Мы тренировались и играли после школы. Детская забава, ничего серьезного, но в тот момент большинство из нас верило, что однажды мы действительно сможем стать профессиональными футболистами. Наверное, каждый, кто любит Игру, в определенный момент думает или хотя бы мечтает об этом.

Уже тогда, в самом начале, я любил тренироваться. Я относился к тренировкам очень серьезно. Не поймите меня неправильно: я по–прежнему был тем еще паразитом, этакой занозой в заднице для всех тренеров, я проказничал и веселился вместе с другими ребятами. Но когда нужно было бежать, я всегда должен был быть первым; когда мы отрабатывали удары по воротам, я должен был бить точнее или сильнее, чем другие ребята. Я не останавливался до тех пор, пока не становился лучшим: как только в твоем мозгу поселяется мысль о том, что тренировки делают тебя лучше, ты инстинктивно принимаешь решение работать больше и упорнее. По крайней мере, так было со мной.

В 12 лет моя многообещающая карьера чуть было не прервалась самым нелепым из возможных образом. Помните, я рассказывал, как я любил колу? Так вот, я не просто любил ее — она была моим наваждением. Шипучая сладость, ласкающая мое горло — для меня она была наркотиком. Я выпивал по 2–3

литровые бутылки в день, и не мог остановиться.

Должно быть, это странно — слышать, что газировка может делать такое с людьми. Я не утверждаю, что это плохой или опасный продукт, но если пить ее в немыслимых количествах (как я в то время), она может очень сильно навредить здоровью. В газировке содержатся химические компоненты, которые суть кислоты по своему эффекту. Попробуйте на ночь положить монетку в стакан с колой, и вы увидите, что из этого выйдет. А теперь представьте, что она делает с вашим желудком.

Как результат, моя печень начала увеличиваться в размерах. Этот факт очень сильно обеспокоил докторов, и они сообщили моим родителям, что если я не перестану пить газировку в таких количествах, повреждение органов может стать необратимым. Моя печень была повреждена настолько, что остальное тело должно было выполнять двойной объем работы только для того, чтобы продолжать функционировать! Это привело к ослаблению костных тканей. И я должен был завязать не только с колой — я должен был перестать играть в футбол. Нагрузки, которые я получал на футбольном поле, были очень опасными для моего и без того ослабленного тела.

Взамен футбола мне прописали плавание. При плавании нагрузки на тело менее интенсивны. А матери моей было сказано четко и ясно: «Синьора, больше никакой колы. Иначе мы не несем ответственность за последствия».

Сначала мама ввела полный запрет на колу в доме. Эта на первый взгляд хорошая идея на деле обернулась сущим кошмаром. Без колы я стал еще более капризным и раздражительным. Вне дома я каждую секунду искал, где бы попить колы. По настоянию моей матери, Эдоардо колу мне не наливал. Я умолял друзей купить мне газировки, или искал понемногу деньги — все что угодно, лишь бы «поправиться», утолить мое желание. По всей квартире у меня были «нычки» и тайники, в которых я прятал колу и надеялся, что ни брат, ни родители не обнаружат мои незаконные запасы.

Это был настоящий ад. Мне было всего 12, но я вел себя как настоящий наркоман. Мать с пониманием относилась к моей «страсти». Она разбавляла колу водой или выдавала мне строго лимитированные порции — не больше чем полстакана, и только за едой. Мне было сложно. Я должен был признаться самому себе в том, что у меня действительно были проблемы, и должен был заставить себя побороть свою слабость. Плавание помогло мне. Часы, проведенные в бассейне, давали мне передышку, отдых от моего наваждения. И вновь, моя инстинктивная тяга к тренировкам подстегнула меня. Я хотел оставаться в форме,

чтобы быть готовым снова начать играть в футбол. А поскольку плавание было единственным разрешенным видом физических нагрузок, я полностью посвятил себя плаванию. Запах хлора преследовал меня везде. Пары хлорки и все сопутствующие: физические нагрузки, бесконечные круги в бассейне… Я был обессилен, но становился сильнее. Плавание заменило мне колу.

Через несколько месяцев я получил «добро» на возвращение в футбол. Опухоль в печени исчезла. Доктора посоветовали мне держаться от колы подальше. К тому времени я научился воспринимать ее как угрозу, но все еще «принимал» 3–4 раза в неделю — вместо 3–4 кол до обеда, как было раньше. Я продолжал пить колу до Рождества 1998 года. В тот день я поклялся полностью «завязать» с ней, и с того самого дня я «чист». Это вряд ли похоже на серьезный поступок, но мне было очень тяжело решиться на этот шаг, и я горжусь тем, что я сделал.

Когда мне исполнилось 13, меня пригласили на просмотр в Лацио. Про Тевере был одним из дочерних клубов Лацио, и каждый год они отбирали самых талантливых 13-ти летних игроков для своей молодежной системы. Их человек, Вольфанго Патарка, сразу же указал на меня. Я был первым номером в его списке уже через несколько минут.

Тренироваться в Лацио означало для меня совершать длинные, очень длинные переезды каждый день. После школы я садился на трамвай, потом пересаживался на автобус, потом — на другой автобус. Так я добирался от Куартиччиоло до тренировочного поля в Сан Базилио. Дорога занимала от полутора до почти двух часов в одну сторону. Если сложить все время, что я провел в общественном транспорте Рима, получится что–то около года. Но в том возрасте это — не проблема. Одной лишь мечты о небесно–голубых цветах Лацио было достаточно для того, чтобы каждая поездка на автобусе казалась веселым путешествием на лимузине.

Вольфанго стал моим куратором. Я всегда любил тренироваться, работать, но именно он вывел мою любовь на новый уровень, объяснив, что качество тренировки столь же важно, как и ее интенсивность. Он же посоветовал мне полагаться на мои футбольные инстинкты.

«Давай, делай! Обыгрывай соперника. Никто не знает, что случится в следующий момент. Не бойся идти в обыгрыш. Ты видишь ворота, и чувствуешь, что пойдет — ну так бей!»

Я считаю, что мне очень повезло работать с таким человеком. Большинство других тренеров в работе с ребятами даже моего возраста ставили во главу угла результат, тактику и командные взаимодействия. Они требовали от игроков играть по позиции,

просто и надежно, но прежде всего — сохранять у себя мяч. То есть уже тогда, в наши 13–14 лет, нас учили играть «по–взрослому». А в Италии играть по–взрослому означает ставить тактику над изобретательностью, а результат — над мастерством.

Всем хочется знать, почему итальянские клубы столь сильны тактически и технически, но зачастую столь неизобретательны, прямолинейны. Да потому что некоторые идеи буквально вбиваются игрокам в головы с самого раннего возраста. Игроки становятся роботами, теряют индивидуальность. И когда ты — профессионал, а тренеру надо совместить в единый организм 11 человек, это нормально. Но когда ты — всего лишь ребенок, ты должен иметь право свободно искать свою футбольную индивидуальность. Ты должен быть напористым, изобретательным, ты должен иметь право учиться на собственных ошибках. И все это мне дал Вольфанго. Признаюсь честно: будь у меня другой тренер, я не знаю как бы все обернулось.

Даже на уровне юношеских команд от итальянских тренеров ждут только побед. Когда команда начинает вести в счете 1:0, они дают указания футболистам закрыться в обороне, прямо как во взрослом футболе. Играя таким образом можно добиться ряда побед и воспитать хороших защитников, но эта тактика не приносит пользы с точки зрения развития игроков, особенно нападающих и полузащитников. Итальянские тренеры учат молодежь, что победа — превыше всего. Часто такой подход заставляет футболистов симулировать. Никто никогда не советовал мне «нырять» (хотя я не удивлюсь, если узнаю, что где–то давались подобные инструкции), однако некоторые из моих тренеров (но не Вольфанго) действительно рекомендовали падать, если чувствуешь контакт с соперником и считаешь, что есть шанс заработать пенальти или штрафной удар. Более того, много раз они выражали недовольство, если на тебе нарушали правила, а ты все равно оставался на ногах, а не валился на газон.

Неприятно обсуждать такие вещи, но хочу сказать, что мне повезло, что моим первым тренером стал Вольфанго. Он никогда не старался ограничить мою творческую натуру или контролировать мои инстинкты. Думаю, он сразу понял, что имеет дело с талантом, и решил, что мне следует развивать свои способности вместо того, чтобы стараться вписаться в тактические схемы команды. Для этого, думал он, еще будет время. В тринадцать лет, в первую очередь, нужно учиться играть. А в тактических схемах можно разобраться позже, намного позже.

В «Лацио» я получил несколько важных уроков. Во–первых, уже в том возрасте, кто ты и откуда часто имеет такое же значение, как и то, что ты делаешь. Юные футболисты «Лацио»

проходили обучение в двух школах — «Сан Базилио» и «Монте Марио». Я был определен в первую, где в основном тренировались дети из рабочих семей. «Монте Марио» посещали мальчишки из более престижных районов города. Как ни странно, «Монте Марио» располагала лучшими условиями для тренировок.

Кроме того, мальчишек из «Монте Марио» постоянно брали на домашние матчи «Лацио» на «Стадио Олимпико» подавать мячи. В воскресенье мы все участвовали в отборе. Из обеих школ тридцать пять человек соревновались за двадцать мест. Окончательное решение принимал тренер из «Монте Марио», которого мы все называли «Тополино» или «Микки Маус», потому что это был коротышка с большими ушами.

Я до сих пор помню его напутствия: «Ну что, парни, на самом деле все просто. Если «Лацио» ведет в счете, не торопитесь возвращать мяч в игру. Не надо бежать. Идите медленно, можете несколько раз уронить мяч. Тяните время как можно дольше. Если же «Лацио» проигрывает, вы должны делать все как можно быстрее. Сразу возвращайте мяч в игру. Я все вижу, так что не заставляйте меня нервничать!»

Уже тогда нас учили всем тонкостям ремесла. Такие уж мы, итальянцы. Мы сделаем все для победы. Мне не нравился Тополино, потому что он всегда отбирал своих из «Монте Марио». Из–за этого нам приходилось бороться за оставшиеся два–три места.

Это казалось мне вопиющей несправедливостью. Ведь мы тоже были лациале, как и они. Так почему же все лучшее доставалось только им? Однажды в присутствии всех детей и некоторых родителей я не сдержался, подошел к Тополино и сказал ему прямо в лицо: «Довольно! Мы из «Сан Базилио» и мы не второй сорт. Я не стану больше этого терпеть!» Затем я демонстративно вышел из комнаты, хотя в тот день попал в число счастливчиков, отобранных подавать мячи. Тополино покраснел от ярости и побежал вслед за мной. Шум привлек внимание некоторых работников клуба, которые захотели выяснить, что произошло. Они отвели Тополино в сторону и что–то ему сказали. Я не знаю, что именно, но с того дня количество ребят из обеих школ, которые подавали мячи во время матчей «Лацио», стало одинаковым.

Даже в «Сан Базилио» было несколько парней, к которым проявлялась особенная благосклонность, либо потому что их родители сами работали в клубе и знали нужных людей в руководстве, либо потому что являлись родственниками игроков или функционеров. Этим любимчикам всегда было гарантировано место в основном составе. Их никогда не отсеивали и не просили

уйти, не важно насколько хорошо они играли и как усердно трудились.

Я был просто коротышка из Куартиччьоло. У меня не было покровителей. В Италии таких людей называют «Santi in Paradiso», что значит «святые в раю» — влиятельные люди, которые тебя оберегают и двигают вперед. У меня не было «святых в раю» там, откуда я пришел. Скорее, я имел дело с «чертями в аду».

И все же рядом со мной был Вольфанго. По правде говоря, он не обладал большим влиянием, но всегда мне помогал. Он тоже был родом из Куартиччьоло, поэтому знал, в какой мир я возвращался каждый вечер после тренировки. Он часто выходил из себя, но я могу с уверенностью сказать, что это был гнев во благо.

Никогда не забуду вечер, когда сборная Италии выиграла чемпионат мира 1982-го года, переиграв в финале команду Западной Германии со счетом 3:1. Тогда мне только что исполнилось четырнадцать лет, и я с огромным интересом следил за испанским турниром. Мы с моим двоюродным братом Альваро купили немного зеленой, белой и красной материи и, сшив эти куски вместе, сделали огромный итальянский флаг. Мы потратили уйму денег на ткань, потому что не хотели, чтобы наш флаг выглядел дешевым или старым. После финального свистка мы просто сошли с ума от радости.

Наш план был проехаться по Риму на принадлежавшем другу Альваро ФИАТе 100, размахивая флагом из окна машины. К сожалению, через сто метров наш флаг попал между колесом и осью и порвался на мелкие кусочки (наверное, это произошло потому, что мы намного превышали допустимую скорость). Нам было жаль флаг, но эта неудача не испортила нам настроение. Италия стала чемпионом мира после сорока четырех лет ожидания, и мы не могли позволить, чтобы какой–то порванный флаг помешал нам отпраздновать это событие как следует.

Раз уж нам не суждено было размахивать флагом из окна, мы придумали кое–что не хуже. Мы опустили стекла в окнах, залезли с Альваро на крышу и попытались удержаться наверху, цепляясь руками за края. Но если вы когда–нибудь видели ФИАТ 100, то знаете, что это очень маленький автомобиль, и двум человекам на его крыше никак не уместиться. Поэтому я придумал кое–что другое. Я встал на капот, нашел равновесие и так и поехал. Это было здорово, как серфинг, в стиле Квартиччоло. И не страшно, что, увлекшись, друг Альваро поехал со скоростью более тридцати километров в час. Я не обращал на это внимания. К тому времени улицы заполонили фанаты, которые дудели в рожки, размахивали флагами и горланили песни. Я был на

седьмом небе от счастья. Помните, как Леонардо Ди Каприо в «Титанике» кричит: «Я король миииира!» Подобные эмоции переживал и я.

Естественно, что последним человеком, которого я хотел бы видеть в тот момент, был разъяренный Вольфанго. Я увидел его лицо в толпе, когда мы катались по Куартиччьоло. Из всех людей на улице не улыбался только он. Мы завернули за угол, я оглянулся и увидел, как Вольфанго пробирается сквозь толпу. У него было недовольное выражение лица.

Наконец, когда мы проехали еще несколько метров по улице, он нас догнал, схватил меня за руку и сдернул с капота. Затем он толкнул меня на тротуар и гневно посмотрел на меня.

«Что это ты, черт возьми, делаешь!? — прорычал он. — Ты что, хочешь себя угробить?»

Думаю, в тот момент, он был единственным недовольным итальянцем на земле. Я уставился на него в замешательстве. Я знал, что он злится, потому что мой поступок был довольно глупым. Танец на капоте ФИАТ-100 — идиотская затея даже для обычного парня. А уж если ты подающий надежды футболист, то сломанная берцовая кость может поставить крест на твоей карьере прежде, чем она начнется. Я решился прикинуться дурачком.

«Вольфанго, мы выиграли Кубок Мира! — закричал я, пытаясь подняться. — Это надо отпраздновать!»

Он толкнул меня обратно на землю.

«Ты, ты сумасшедший! — заорал он. — У тебя есть будущее! Ты талантлив, у тебя есть то, чего нет у других! Ты можешь добиться успеха! А ты хочешь все это потерять из–за своего идиотского поведения!»

Он был просто в ярости. Я видел боль в его глазах. Боль при мысли, что такой парень, как я, может загубить свой талант, разрушить свою карьеру.

«Ну почему, почему ты такой?» — спросил он почти жалобным тоном.

Я медленно поднялся и принес ему свои извинения. Он, вроде бы, успокоился, видя, что я искренне сожалею о случившемся.

Оглядываясь назад, я понимаю, что тот поступок был одним из самых глупых, которые я когда–либо совершал. Моя карьера могла закончиться, даже не начавшись. И мне кажется, я догадываюсь, почему Вольфанго был так зол. Он знал, как я люблю футбол, и понимал, что у меня на руках были все козыри. Дело было не только в физических данных (у моего брата Антонио они тоже были на высоком уровне), но и в отношении,

желании преуспеть, напористости. Многие парни мечтают стать профессионалами. У меня для этого было все. И я рисковал все это попросту пустить по ветру. Ради чего? Ради глупой юношеской забавы. И все.

Я никогда не узнаю, спас ли Вольфанго мою карьеру, сдернув меня тогда с машины. Но я уверен, что, если бы не он, я бы вообще мог бросить футбол. Мне исполнилось пятнадцать. К тому времени я перешел из школы «Сан Базилио» в главную юношескую школу «Лацио». У меня теперь появились новые тренеры, но я переживал очень непростой период. Все вокруг говорили, что я один из самых одаренных молодых футболистов, но когда дело доходило до определения основного состава, я часто оказывался на скамье запасных. Или, что хуже, выходил на поле с первых минут, а затем меня меняли. Вольфанго позволял мне делать все, что я хотел, а теперь я был загнан в рамки строгой тактической схемы. Если я пробегал на пять метров дальше, тренер приходил в бешенство и грозил снять меня с игры. Это был ад.

Однажды на тренировке я решил, что с меня довольно. Мы только что проиграли со счетом 1:3, и я просидел весь матч на скамье запасных. Никто никогда не объяснял мне, почему меня не выпускают на поле. Думаю, какая–то причина все–таки была. Снова и снова тренеры обещали мне, что я буду играть, но я и дальше прозябал в запасе. Создавалось ощущение, что они надо мной просто издеваются, уверяя меня, что мой черед придет, и при этом упорно продолжая меня игнорировать.

После тренировки в трамвае по дороге домой я размышлял о своей горькой судьбе, с трудом сдерживая слезы. Когда я вышел на своей остановке, рядом притормозила машина и передо мной предстал Вольфанго с шестимесячным сыном на руках. По стечению обстоятельств он как раз проезжал мимо. Вольфанго видел, что я чем–то огорчен.

«Палокка, в чем дело?» — спросил он.

Я не ответил. Я просто смотрел себе под ноги.

«Что случилось? — повторил он вопрос. — Ты злишься? Скажи мне, в чем дело».

Я больше не мог себя контролировать. Я просто взорвался.

«Они не дают мне играть! — стал жаловаться я, всхлипывая. — Им плевать на меня. Они заботятся только о своих любимчиках! Мы проиграли 1:3. Я бы мог помочь, но они просто не хотят видеть меня на поле!»

Вольфанго положил руку мне на плечо.

«Палокка, Палокка, — сказал он, пытаясь меня успокоить. — Я знаю, это очень тяжело, но тебе нужно научиться быть

терпеливым. Твое время придет. Просто помни, что терпение и труд…»

«Нет!!!» — закричал я, окончательно потеряв контроль над собой. Я схватил свою клубную сумку и швырнул ее на середину улицы Пальмиро Тольятти — главной улицы Квартиччьоло. Так как она была открыта, все, что там было, вывалилось наружу: бутсы, щитки, футболка, трусы, полотенце … все оказалось либо на мостовой, либо на машинах, припаркованных и двигавшихся.

«С меня хватит! Пошли они все…!!!!» В отчаянии я убежал.

Оставшись один, Вольфанго спокойно вышел на дорогу и собрал мою форму, лавируя в потоке транспорта. Потом он сел в машину и отправился к моему дому.

Придя домой, я обнаружил свою сумку на обеденном столе. Вольфанго на машине приехал раньше меня и теперь стоял рядом с Антонио. Его глаза налились кровью и казалось, своим взглядом он сейчас прожжет дырки в моей голове. Он тут же на меня набросился.

«Как ты смеешь? — взревел он. — Как ты смеешь так бросать сумку? Как ты смеешь зарывать свой талант в землю?»

Он попытался добраться до меня, но Антонию с трудом удалось его сдержать.

«Ты ничтожество. Ты понимаешь это? Ничтожество! Ты не имеешь права так себя вести, ты не заслуживаешь таланта, который тебе подарен!»

Он вырвался из рук Антонио и бросился в мою сторону. Я был страшно напуган. Я никогда не видел его таким рассерженным. Я спрятался под стол. Он бы вытащил меня оттуда, если бы не Антонио. Так как он не мог меня схватить, Вольфанго стал меня пинать.

«Ты не можешь так поступать! Ты не имеешь права плевать на талант, данный тебе свыше!»

Я опять расплакался, в этот раз потому что не на шутку испугался.

«Нет, тренер, нет!» — умолял я, всхлипывая. «Пожалуйста, не надо, пожалуйста! Я вернусь. Я сделаю все, что вы говорите. Извините! Извините!»

Он успокоился только тогда, когда окончательно убедился, что я по–настоящему раскаялся. Думаю, я отказался от своего намерения бросить футбол именно тогда, когда почувствовал на себе его разъяренный взгляд. Мне было достаточно того, что этот человек поднял мою футболку и грязные бутсы с римской улицы, принес их ко мне домой, а потом пригрозил меня убить только потому, что действительно переживал за меня и хотел, чтобы я вернулся в футбол.

Конечно, я не знал, что все это было подстроено. После того, как я выбросил сумку и убежал прочь, Вольфанго поспешил ко мне домой и рассказал Антонио обо всем, что произошло. Затем он попросил мою мать присмотреть за его малышом, и они с Антонио решили, что меня нужно хорошенько припугнуть. Вот почему он притворялся, что хочет меня побить, в то время, как Антонио делал вид, что пытается его сдержать. Все должно было получиться как можно более естественно.

К тому времени я ходил во второй класс средней школы, благодаря «Лацио». Если бы все зависело от меня, я бы сосредоточился исключительно на футболе (в то время в Италии можно было уйти из школы в четырнадцать). Я посещал электромеханический техникум под названием «Duca D'Aosta». Сначала мне нравилось, что у меня так много книг, и я получал удовольствие, когда узнавал что–то новое об электронике. Очень скоро, правда, мне все это показалось скучным и бессмысленным, и, кроме того, неудобным, так как у меня уходило еще больше времени, чтобы добраться до стадиона на тренировку.

Я связался с компанией шестиклассников. У меня почти всегда были друзья старше меня. Будучи более взрослыми, 18 или 19 лет, они еще меньше уделяли внимания занятиям в школе, чем я, и частенько пропускали уроки, чтобы посидеть в баре, играя в бильярд или читая газету. Я стал постоянно проводить с ними время, что не очень радовало моих учителей. Однажды они вызвали моих родителей и сообщили им, что я прогуливаю. Меня отстранили от занятий на неделю.

Я пребывал в счастливом неведении относительно этого, когда однажды вечером около восьми пришел домой с тренировки. Я ввалился в квартиру, довольный как слон, улыбнулся во весь рот и поздоровался с отцом: «Привет, папа, как прошел день?»

Его ответом стал удар рукой по моим губам. Я сразу понял, что всплыла вся правда. Меня полностью разоблачили, выхода не было. Или был? Я сделал то, что часто делал ребенком. Я разрыдался и стал выдумывать оправдания. Помните, как кто–то сказал: «Чем наглее ложь, тем больше шансов, что ей кто–нибудь поверит»? Такой была моя стратегия.

«Папа, извини! — рыдая, начал оправдываться я. — Но ты должен понять. Я могу все объяснить. В школе неспокойно. Подрались ученики–коммунисты с учениками–правыми. Некоторые принесли пистолеты, началась перестрелка… Я, я испугался, папа… Мне пришлось спасаться, пистолеты, пули и…»

Большая ошибка.

«Довольно этой чепухи! — взревел отец. — Довольно этой

глупой, глупой лжи! Ты обязан посещать школу!»

У меня душа ушла в пятки.

«Я потратил 150 000 лир на твои книги, 150 000 лир на твои глупые учебники по электромеханике! Ты понимаешь, сколько это денег?»

Вот что по–настоящему дошло до моего сознания. Деньги. Думаю, многие, услышав это слово, скривятся и скажут, что «Образование ценно само по себе, и неправильно, что Паоло должен был посещать школу, только потому, что его отец купил ему учебники».

Ну что же, каждый имеет право на собственное мнение. Но чего эти люди не понимают — это насколько важны для нас были деньги. Когда растешь в такой среде, в которой вырос я, не вспоминаешь о высоких идеалах и моральных ценностях. Для тебя главное — добыть хлеб насущный, а для этого нужны деньги. Я знал, что для нас значила сумма в 150 000 лир (80 фунтов в то время), и чувствовал себя отвратительно.

«Но знаешь что: если не хочешь ходить в школу — не ходи, — сказал он, немного смягчив тон. — Не надо».

Я посмотрел на него с удивлением.

«Не надо?»

В тот момент я подумал, что школу и правда лучше бросить. Что угодно, кроме школы, особенно если это избавляло меня от наказания. Я сказал отцу, что сделаю все, что нужно. Я был готов работать.

На следующее утро отец поднял меня в 5 часов.

«Паоло, вставай! — сказал он бодро. — Время идти на работу».

Я еще до конца не проснулся, и моя кровать казалась мне самым теплым и уютным местом на свете. Мне ужасно не хотелось вставать.

«Нет, пожалуйста, — простонал я умоляющим тоном. — Нет…»

После произошедшего накануне он не мог позволить мне остаться в постели. Я сполз с кровати и оделся. Шел дождь. Было холодно. В то утро Рим, самый красивый город в мире, казался последним местом на Земле, где бы мне хотелось находиться. Мне было так холодно, я чувствовал себя таким несчастным, что надел джинсы и свитер прямо на пижаму. По крайней мере, так сохранялась иллюзия, что я по–прежнему в постели.

Еще не рассвело, когда мы вышли из дома. Сначала мы сели в трамвай, затем пересели в автобус, потом — еще в один автобус. Дорога до стройки заняла больше часа. Мой отец все время молчал. Приехав на стройку, мы поздоровались с остальными

рабочими. Они тоже почти ничего не говорили. Они просто сказали мне относить мешки с цементом с одного конца стройки на другой. Мне было тяжело даже поднимать те мешки, не то что нести. К середине утра у меня просто отваливались руки. Вместо спины я чувствовал пульсирующий кусок мяса, а мои ноги казались тяжелее, чем цемент, который я носил, и, наверное, настолько же мягкими. В голове засела одна мысль: «Мне пятнадцать лет. Я просто хочу играть в футбол, а вместо этого мне приходится таскать мешки с цементом».

Две недели работы с отцом открыли для меня совершенно иную реальность. Шататься по улицам Квартиччьоло было одно. До того времени это была моя реальность, и, возможно, могла бы таковой оставаться еще пять, десять лет. Рано или поздно, однако, если я хотел нормальную жизнь с семьей и детьми, мне пришлось бы искать работу. И если бы я не стал профессиональным футболистом, моя жизнь мало бы отличалась от жизни моего отца. Подъем на рассвете, тяжелая работа в течение следующих пятидесяти лет, а потом десять лет пенсии, прожитых в мучениях от артрита и болей в спине. И, наконец, смерть. Я мог не идти таким путем. У меня был дар. Я мог стать профессиональным футболистом и посвятить себя игре, которую любил.

Понять это помог мой отец. Когда я думаю о том, что он для меня сделал, на какие жертвы пошел ради меня, я вздрагиваю и на глаза наворачиваются слезы. В моей памяти всплывают воспоминания — фотоснимки прошлых событий. И я плачу, потому что часто не понимал, что делал отец, и показывал свой норов.

Когда меня отдали в аренду в «Тернану», я зарабатывал очень мало. Каждые две недели отец полтора часа ехал ко мне поездом из Рима. Я встречал его на перроне. Он выходил из поезда, мы немного стояли обнявшись, а затем он давал мне конверт со 100 000 лир (около 45 евро). И все это в полной тишине. Потом он бежал на другой перрон, чтобы успеть на поезд в обратном направлении. И снова у меня мурашки по телу, когда думаю о том, что он делал. Он тратил три часа своего единственного выходного дня на то, чтобы привезти мне немного денег, которые он зарабатывал, вставая в пять часов утра и идя на работу. У него было о чем беспокоиться: чтобы прокормить четверо детей, он работал шесть дней в неделю. И, тем не менее, он делал это для меня. Диву даешься, что родитель может сделать для ребенка. Своим успехом я обязан отцу, который научил меня всему. Но он учил не словами, а примерами. И именно такие уроки откладывались в моем сознании лучше всего. Он никогда не

рассказывал, как надо делать, он просто показывал.

Для меня это высшее искусство, которым должен владеть отец. В этом вся суть: уметь передать семейные ценности своему ребенку, готовя его или ее к реальной жизни. Кто–то, посмотрев на мою жизнь со стороны, скажет, что мы с отцом не были близки, поскольку не проводили вместе часы, занимаясь тем, чем обычно занимаются нормальные отцы со своими сыновьями.

Он тоже болел за «Лацио», но мы с ним никогда не говорили о футболе и не ходили вместе на стадион. Он никогда не приходил посмотреть, как я играю, он никогда не стоял возле поля, подбадривая меня, как делали многие отцы моих партнеров по команде в юношеской академии.

Он никогда не спрашивал меня «Ну что, сын, как прошел день? Что вы сегодня учили в школе?» Он никогда не запрещал мне есть конфеты и не заставлял делать уроки, и еще многое из того, что делают родители в фильмах. Он просто показывал нам, как нужно поступать. Нам не требовалось, чтобы он всегда был рядом. Нам не нужно было, чтобы он нас обнимал. Мы знали: его нет рядом, потому что он работает. Мы знали, что если он не хочет с нами разговаривать или делать что–то для нас, это потому что он устал или нервничает, или то и другое.

Я стараюсь делать для своих дочерей Людовики и Лукреции то же, что мой отец делал для меня. Конечно, я не могу повторить абсолютно все. Наши жизненные пути кардинально отличаются друг от друга. В сравнении с моим отцом у меня, как и у моей семьи, легкая жизнь.

Научить детей ценить тяжелый труд становится все сложней. Я тружусь не покладая рук, чтобы заработать деньги, и получаю достойное вознаграждение за свои старания. Но не стоит забывать, что мне, все–таки, повезло: Бог наградил меня талантом. Без труда и жертв я бы, конечно, не добился того, что имею, но это не так очевидно.

Как ни странно, когда у тебя есть деньги, приходится прилагать еще больше усилий, чтобы передать определенные моральные ценности своим детям. Нельзя просто показать пример и все, потому что, скорее всего, их судьбы будут отличаться от твоей. Возьмем, например, Людовику. Уже сейчас, в восемь, она понимает, что не такая, как другие девочки. Она знает, что не у всех есть столько игрушек, как у нее, и что не каждая может похвастаться бассейном в доме. Но я не думаю, что она ощущает себя другой, нежели ее сверстницы. Она знает, что вещи не даются от рождения и не падают с неба. Такое понимание — результат упорного труда, моего и Беллы, потому что без моей жены мы бы мало чего добились.

Я стараюсь привить своей дочери ценность и важность тех возможностей, которыми она располагает. Она поездила по миру, выучила иностранный язык, у нее есть родители, готовые для нее на все.

Помню, когда она была совсем маленькой, она хватала игрушку и кричала: «Моя!»

Я сразу же забирал у нее эту игрушку и наставлял: «Нет, эта игрушка общая. Когда ты играешь, ты должна делиться с другими детьми. Эта игрушка принадлежит всем».

Я пожинаю плоды такого воспитания каждый день. Людовика — одна из самых щедрых людей, которых я знаю. Порой она даже слишком щедра. Она постоянно отдает свои игрушки друзьям. Например, она может пригласить их к себе и сказать: «Мама, Келли очень нравится эта кукла. Можно она возьмет ее поиграть?»

Через несколько дней кукла бесследно исчезает, а Людовика заявляет: «Келли так понравилась кукла, что я решила ей ее подарить. Мама, ты бы видела, как счастлива была Келли!»

Это очень приятно, хотя иногда мне приходится сдерживать свою дочь. Иначе я должен буду покупать игрушки половине девочек в Британии. И все же, я рад, что Людовика поняла, насколько важно делиться тем, что у тебя есть.

Я также считаю очень важным научить своих детей осознавать, что вещи не даются легко. Лукреции только два, а Людовика ведет довольно активный образ жизни для ребенка восьми лет. С сентября по май она посещает английскую школу. В то же время она записана в школу в Терни, и каждый день ее итальянский учитель высылает ей домашнее задание, которое она выполняет и отправляет назад в Италию. Затем, в конце мая, после окончания сезона, она проделает то же самое в обратном порядке. Она ходит на занятия в Терни и выполняет задания, присланные из Лондона. В общем, ей приходится делать двойную работу по сравнению с обыкновенными школьниками.

Это тяжело, это требует усилий. Думаю, у меня бы так точно не вышло. Но это дает ей преимущество перед другими, она будет чувствовать себя комфортно в обеих образовательных системах. А мне нравится, что это тяжело, что это борьба. Мне нравится, что ей приходится упорно трудиться, чтобы оставаться на высоте как в Италии, так и в Англии.

Мне кажется, что дети, у которых есть все, рискуют потерять такое преимущество, у них может пропасть желание преуспеть. Может быть, им не хватает той жесткости, которую привили мне в Квартиччоло. Слишком много детей богатых родителей считают, что поскольку у них есть все, им не нужно прилагать никаких

усилий.

Я могу дать своей дочери стартовую площадку, все необходимое для успеха в жизни. Но я не могу привить ей это страстное желание стать достойным человеком. Все, что в моих силах — это ставить перед ней задачи, следить за тем, как она с ними справляется, и надеяться, что у нее появится желание добиться успеха в жизни.

Она росла на моих глазах. Кажется, только вчера ее держали на руках крестные отец и мать — Эннио и Леда Биноччи. День крестин стал одним из самых счастливых в моей жизни. Мне хотелось быть с дочерью вечно. Но я знаю, что однажды она пойдет дальше своим путем, и все, что я могу ей дать — инструменты, необходимые для выживания в этом мире.

Глава 3
Лацио и Ирридучибили

Мое детское увлечение «Лацио» развилось в пышный любовный роман. Я впервые узнал о клубе, когда мне было шесть лет. Они только что выиграли свое первое (и единственное вплоть до сезона 1999–2000) скудетто, и эхо этого триумфа настигло меня в Квартиччьоло. Я знал: местная команда выиграла, и понимал, что это большое событие, поскольку еще два сезона тому назад «Лацио» играл в Серии Б. Тем не менее, это казалось чем–то, что расстраивало многих в окрестности.

Все потому, что я рос во владениях «Ромы». Квартиччьоло был целиком желто–красным районом. Болельщики «Лацио» были там словно ложка дегтя в бочке меда. Кроме моего кузена Альваро и тети Франки, было мало болельщиков «Лацио» там, где я жил. Поддерживать их означало идти другим путем, плыть против течения. Не говоря уже о факте, что я любил их символ — орла «Лацио».

Кроме того, я думаю, что всегда чувствовал влечение по отношению к угнетенным, неблагоприятным, нелюбимым. И правда, после завоеванного титула 1974 года «Лацио» попал в черную полосу. Во время сезона 1979–80 некоторые игроки и функционеры клуба были вовлечены в скандал о договорных матчах, и, как следствие, Футбольная Ассоциация Италии жестоко наказала клуб, отправив в Серию Б.

Это произошло приблизительно в то время, когда я начал ходить на «Стадио Олимпико» смотреть их игру. Я посещал матчи вместе с одноклубником из «Про Тевере» — Паоло Скотти и его отцом. Паоло был одним из счастливчиков — он также профессионально занимался футболом. Последний раз я слышал, что он играл за Триестину в Серии «С». Синьор Скотти всегда удостоверялся, чтобы мы добирались на стадион за несколько часов до начала игры. Предвкушение, долгое ожидание стартового свистка было чем–то вроде наслаждения.

Футбол можно любить по–разному. Конечно, я люблю играть в него. Это нечто, что я делаю так давно, насколько могу вспомнить. И пока футбол моя работа, он также является единственным величайшим источником радости и удовлетворения, который я знаю. В то же время, есть еще один путь: не просто любить, но жить футболом. И это значит быть фанатом.

Есть нечто, что связывает суппортеров повсюду. Объединяет

тех, кто идет на жертвы, кто тратит деньги и подстраивает свою жизнь, чтобы видеть свою команду. Это бремя объединяет тех, кто переживает, потому что переживание суппортера очень реально и, в некоторой степени, трагично. Ты отчаянно переживаешь о том, над чем не имеешь контроля. И твои переживания — от любви, сильной и безоговорочной.

Возможно поэтому фанаты команд, за которые я выступал, всегда были особенными в моем понимании. Я знаю, на что они идут, знаю их переживания, потому что сам прошел через все это вместе с «Лацио». Я не думаю, что есть много футболистов, которые тоже были фанатами, по крайней мере, не такими, как я. Наверно, суппортеры могут ощущать это, когда следят за моей игрой, и, вероятно, поэтому они ценят меня по–особому.

Для двенадцатилетнего мальчишки «Стадио Олимпико» был будоражащим, волшебным местом. Меня завораживала атмосфера внутри. Даже сегодня, двадцать лет спустя, я могу почувствовать звуки и запахи, гул и огни, праздную болтовню и страстные обсуждения.

К тому времени, когда мы добирались на наши места на «Курве Норд» (северная трибуна «Стадио Олимпико», на которой собираются ультрас «Лацио», — прим. переводчика), стадион, наверное, наполнялся на одну четверть. Мы были на ближней стороне «Курвы Норд», середина же была территорией ультрас «Лацио», хардкора. Они были заняты вывешиванием баннеров, флагов и установкой барабанов. У всех у них были шарфы. Они смеялись и шутили, готовили дымовые шашки и огни. Ультрас выглядели сильными и сплоченными, воинами, готовыми сражаться за «Лацио».

Они были настоящими фанатами, потому что страстно переживали. Они любили «Лацио», который находился в Серии Б, разбитый и униженный после выигранного скудетто. Но ультрас всегда оставались с командой. Я мечтал, что однажды смогу быть среди них, жечь огни, бить в барабан или просто растянуть шарф и напрячь легкие ради «Лацио». Этого я хотел почти так же, как стать профессиональным футболистом. И, конечно же, спустя несколько лет оба мои желания осуществились.

Тогда «Лацио» был наказан. Два наших лучших игрока Лионелло Манфредония и Бруно Джордано получили большие дисквалификации за договорные матчи. Перед этим оба играли за национальную сборную Италии, и казалось, что у них долгие и успешные карьеры.

Мы все чувствовали, что футболисты не заслуживали такого строгого наказания. Паоло Росси также был втянут в скандал, но его дисквалификация была уменьшена во время чемпионата мира

1982 года, где он стал лучшим бомбардиром и национальным героем. С другой стороны, Джордано и Манфредонию пригвоздили к позорному столбу. Их футбольные карьеры были почти завершены скандалом, несмотря на то, что они были еще молоды.

Для меня они были героями. Я закрываю глаза и вижу Джордано, врывающегося в штрафную площадку, наносящего резкий удар мимо голкипера и наблюдающего колыхание черной сетки ворот (в то время сетка ворот была черной по каким–то причинам). Или я могу ощутить силу и индивидуальность Манфредонии, выстраивающего защиту или выигрывающего добрую половину единоборств.

Они были настоящим вдохновением, но что сделало их особенными, так это то, что они не упивались своим статусом легенд «Лацио». Они могли сдаться после дисквалификаций. Они могли просто смириться со своей участью. Но вместо этого они продолжали биться и достигли невероятных успехов.

Манфредония позже ушел в «Ювентус», где выиграл скудетто и чемпионат мира среди клубов. Что касается Джордано, он добился большой славы. Бруно выступал за «Наполи» с Антонио Карекой и Диего Марадоной вместе в одной из величайших передних линий в истории. Их атакующий треугольник был известен как «Ма — Gi-Ca» (Maradona — Giordano-Careca), и они прервали гегемонию северных клубов, выиграв для «Наполи» два чемпионских титула в конце 80-х.

Моим другим героем в это время был датчанин Микаэль Лаудруп. На него смотрели как на огромную перспективу в мировом футболе. «Ювентус» купил его, рассчитывая, что со временем датчанин сможет заменить легендарного Мишеля Платини, и на короткий срок отдал его в аренду «Лацио». Лицезреть его игру было настоящим удовольствием. Позже он поменял амплуа и стал центральным полузащитником, плеймейкером, но в то время он был форвардом, с чутьем и креативом, почти как у меня. Я наблюдал за его дриблингом по воскресеньям и затем посвящал следующую неделю имитации его движений на тренировках.

К тому времени мне исполнилось 14. Я ходил на матчи вместе со своим кузеном Альваро, который жил напротив меня в Квартиччьоло. Когда я был моложе, я всегда гулял с ним и его братом Эцио. В дальнейшем эти двое пошли по жизни абсолютно разными дорогами. Эцио стал священником, в то время как Альваро бросил школу в 13 лет. Не удивительно, что Альваро потянул меня на крышу «Фиата», после того, как Италия выиграла чемпионат мира 1982 года. Альваро был для меня одним из

примеров для подражания. Он был старше, крепче, имел мотоцикл, прошел военную службу в «Brigata Folgore» («Сверкающий отряд»). «La Folgore», как его еще называли, представляет собой элитную парашютистскую часть. Я знаю, люди подшучивают над итальянскими военными силами, но «Brigata Folgore» регулярно завоевывает награды на соревнованиях НАТО. Они что–то вроде SAS (Special Air Service — особенная воздушная служба Британской армии, которая стала образцом для многих стран, — прим. переводчика), только лучше. И они одни из лучших сил в мире, так и есть.

Альваро был не просто крутым, он был сверх крутым. Он хорошо одевался по последней римской моде, у него была популярная тогда камуфляжная куртка, волосы, зачесанные назад, солнечные очки, мотоциклетные ботинки, и он пользовался большим успехом у девушек. Рядом с Альваро я всегда чувствовал себя в безопасности, когда начал кататься на выездные матчи.

В моей жизни было немного событий, которые по своему накалу и возбуждению можно было бы сравнить с поездками вместе с ультрас «Лацио». Традиционно у «Лацио» были две основные группировки ультрас: «Eagles» и «Vikings». Группировка «Викингов» была старше и начала распадаться, и «Орлы» перехватили первенство. Мы были частью «Орлов», но спустя почти год появилась на свет отдельная «фирма» — «Irriducibili». Слово «Irriducibili» с итальянского языка означает «неуступчивые», «несгибаемые». Была такая старенькая песенка: «Нас не сдвинуть, нас не сдвинуть! Нас не сдвинуть, нас не сдвинуть!». Это и было основной философией.

«Орлы» стали слишком многочисленными, им стало тяжело сохранять изначальную идентичность. Их лидеры постарели, многим было за тридцать, а кому–то даже за сорок. Они сделали многое для «Лацио», но их приоритеты поменялись. Старики обросли семьями, обязательствами. И хотя они продолжали следовать за командой повсюду, им уже не хватало задора, характерного для «Ирридучибили».

Естественно, я вынужден был сохранять в тайне от клуба свои путешествия. Если бы они узнали, что я провожу свои воскресенья с «Ирридучибили», катаясь по уголкам Италии, они, вероятно, вышвырнули бы меня из юношеской академии. Руководство знало, насколько опасным это могло быть. Только один раз я попался с поличным, но мне удалось избежать неприятностей. Игрок «Лацио» получил повреждение возле гостевого сектора. Наш физиотерапевт, старик Дориано, подбежал к нему. Когда он возвращался обратно на лавочку, наши глаза встретились в толпе. Я немедленно спрятал свое лицо, надеясь, что он не узнает меня.

Но было слишком поздно.

На следующий день, на тренировке, он схватил меня и припер к стенке. «Ты идиот, Паоло!», — он сказал. — «Я видел тебя вместе с Ирридучибили в Бергамо. Не попадайся больше мне! Ты же знаешь, что клуб сделает с тобой, если узнает? Тебя поджарят. Вышвырнут отсюда за полсекунды!». Действительно, это сыграло бы плохую службу для клуба, если бы стало известно, что его молодая звезда является также активным членом «Ирридучибили». Я знал, что рискую, но не мог все так бросить. Возбуждение было слишком большим.

Альваро и я были среди первых, кто присоединился к «Ирридучибили», сразу после их создания. Мы знали многих основателей. Расскажу о нескольких чертах, отличавших «Ирридучибили» от «Eagles», да и от многих других итальянских ультрас. «Орлы», как и большинство итальянских «тиффози», придерживались латинского, или южноамериканского стиля суппорта. Если ты знаком с бразильской или аргентинской «торсидой», то поймешь, о чем я говорю. Красочность, флаги, баннера и огни. На большие матчи, вроде римского дерби, изготавливаются огромные плакаты со слоганами или карикатурами на игроков. «Ирридучибили», напротив, были воодушевлены английскими фанатами. Они пели и хлопали в унисон на протяжении всего матча, их песни были дольше и содержательнее. Они считали себя особенными, были моложе, бесшабашнее, злее. К тому же «Ирридучибили» стали первыми, кто начал производить собственные шарфы и баннера со своими эмблемами.

Но больше всего мне нравилось в «Ирридучибили» то, что они всегда путешествовали ночью. Обычные болельщики просыпались рано утром в день матча, иногда на рассвете, чтобы успеть приехать в дальний городишко. Но «Несгибаемые» всегда выезжали в субботу в одно время, сразу после 23:15. Таким образом, если мы отправлялись в далекие уголки Италии, например, в Пулью или Сицилию — на юге, в Удине или Триесту — на севере, мы приезжали туда к 11 часам утра, за несколько часов до начала матча. Но если мы ехали в города вроде Перуджи или Флоренции, то были на месте примерно к 3–4 часам ночи, что оставляло нам массу времени, чтобы бродить по улицам и будоражить местное население. Иногда такие поездки запоминались больше, чем сами матчи.

Альваро и я покидали дом в субботу примерно в 10 вечера, чтобы успеть в Термини (главная Римская железнодорожная станция) к 11 часам. Юношеская команда «Лацио» играла по субботам, так что у меня было всего несколько часов, чтобы

отдохнуть после игры. Ближе к Термини возбуждение росло. Можно было видеть машины, припаркованные как попало — на тротуарах, у дороги — везде, где можно и где нельзя. Завтра воскресенье, а значит, некому выписать парковочный билет.

За несколько сотен ярдов от станции можно было увидеть прибывающие группы суппортеров. Кто–то начинал петь: «Dove stanno i Laziali?» («Где же Лациали?»). Другая группа фанов поблизости отвечала: «Siamo qui, siamo qui!» («Мы здесь, мы здесь!»). Голоса слышались из темноты, раздавались эхом из коридоров, гудели в тоннелях.

На станции мы покупали пиво, напитки, сэндвичи и занимали свои места в вагонах. Мы ехали на специальных поездах, подаваемых исключительно для фанатов. Полиция организовывала их для нас, иначе мы бы катались на обычных рейсах, и «копам» было бы сложнее уследить за нами. Таким образом, мы все оказывались в одном месте и были, более–менее, под контролем.

Но нельзя сказать, что они полностью нас контролировали. Мы могли делать почти все, что вздумается в этих поездах, это была непрерывная вечеринка. Танцы, песни, громкая музыка, никаких ограничений! Поезда были нашими, мы были «Лацио», и мы ехали сражаться. Это было самым лучшим ощущением в мире!

Я отнюдь не наивен и не хочу притворяться, что вместе с хорошими моментами, здесь не было плохих. Ультрас имеют скверную репутацию, некоторые из них судимы. Здесь были люди, вооруженные ножами и цепями — аргументами, способными калечить и убивать. Другие принимали наркотики, в основном, марихуану, но иногда и кое–что потяжелее. Это было страшно и опасно. В идеале, большинство 14-летних детишек не должно иметь дело с подобными вещами.

Рассказав об этом, я должен подчеркнуть, что наркотики не пленили меня. Я рос в Квартиччьоло — в месте, подобном джунглям. Здесь нельзя было отменить наркотики, нельзя было спрятать голову в песок и притворяться, что их не существует. Каждый, кто живет в Квартиччьоло, лично знает наркомана или драг дилера. Каждый. И когда я говорю «наркоман», я подразумеваю именно наркомана, а не парня, выкуривающего один косяк в неделю.

Находясь в таком окружении, ты можешь какое–то время держать себя в руках, но, в конце концов, ты либо сдаешься, либо превращаешься в изгоя. Если ты отказываешься принимать наркотики, в конечном счете, ты начинаешь чувствовать себя дураком. Конечно, ты идешь гулять со своими друзьями, проводишь отлично время, но в один момент все они

накуриваются или закидываются «колесами». И что ты делаешь? Ты остаешься в трезвом уме, а они — в другом измерении. Ты не можешь не отреагировать на это. После того, как это происходит раз, второй, третий, ты перестаешь общаться с ними. И теряешь своих друзей.

Это и есть проблемой кампаний вроде «Скажи Нет». Кажется, они не понимают, что просят детей не просто сказать «Нет» наркотикам, а просят сказать «Нет» своим друзьям. И с этим трудно бороться.

Когда я думаю о прошлом, я почти удивляюсь, что не подсел на наркотики. Я полагаю, есть две причины, почему это не произошло. Одна — простая и бытовая, вторая — более сложная.

Первая причина заключается в том, что я просто не люблю курить. Когда я первый раз попробовал «траву», она не произвела никакого эффекта на меня, и это нормально. Я не думаю, что каждый одурманивается в самый первый раз. Но что действительно запечатлелось мне с того раза, так это отвращение, которое я почувствовал от ощущения дыма во рту. От вкуса дыма внутри мне стало дурно. Вот почему я никогда больше не курил сигарет. Я просто не мог заставить себя курить, что в значительной степени отдалило меня от марихуаны. Также выручило то, что я был упрямым. Не счесть, сколько раз после этого мне предлагали наркоту, но я всегда говорил «нет». И не потому, что это меня не искушало, а потому, что вкус дыма был свеж в моей памяти.

Другой причиной, благодаря которой я держался вдали от наркотиков, были прекрасные образцы для подражания в лице, конечно же, моих родителей и братьев. Я никогда не видел, чтобы они принимали наркотики или имели малейшее отношение к ним. Это был как другой мир. Я всегда знал, что когда возвращаюсь домой, я попадаю в «драг–фри» зону.

Для меня наркотики никогда не были важной частью выездов, в отличие от некоторых парней из «Ирридучибили». В поездах с нами всегда была полиция, но они не докучали нам. Всегда были одни и те же «копы», которые уже знали нас, и они смотрели на нас сквозь пальцы, лишь бы мы совсем не выходили из–под контроля.

Как только мы приезжали во вражеский город, мы начинали проявлять свое присутствие там. Как правило, полицейские следовали за нами повсюду, так что нельзя было делать все, что захочется. Но само острое возбуждение от похода по вражеской территории в составе моба, с песнями, с флагами — как будто мы захватили город — тяжело описать людям, никогда не имевшим подобного опыта.

Когда находишься в толпе, в составе моба, чувствуешь себя непобедимым. Любой страх или опасение, которые могли быть у тебя, улетучиваются, так как ты чувствуешь силу моба, пронизывающую тебя. Какие бы опасные «траблы» ни происходили, мы никогда не пугались. В меня бросали камни и кирпичи вражеские фаны, меня колотила и травила слезоточивым газом полиция, я видел вещи, которые не хотел бы видеть. Я жил жизнью ультрас и рад этому.

Я помню, как наш поезд направлялся в Бергамо и остановился, не доезжая несколько сотен ярдов до главной железнодорожной станции. У нас была игра с «Аталантой», и мы знали, что их фанаты были в числе самых ярых и буйных в Италии. Так что мы были начеку. Но у нас не было никаких мыслей по поводу того, почему наш поезд остановился.

Скоро мы поняли. Послышались громкие удары по крышам вагонов, затем звук битого стекла. Ультрас «Аталанты» устроили нам засаду! Они заблокировали рельсы и обрушили на наши вагоны град кирпичей, камней и всего, что можно было схватить. Битое стекло было повсюду.

Позже наши парни взяли реванш под стадионом. Везде происходили стычки. Я был, наверное, в пяти ярдах от бергамского шефа полиции, когда его подрезали. До сих пор помню его, бегущего через толпу с окровавленной рукой над головой и кричащего от боли.

В следующем году полицейские не давали нам спуску. Всю дорогу наш поезд ехал в сопровождении полицейского эскорта. Мы прибыли к 10 часам утра и нас отвели прямо на стадион. Наверное, на каждого суппортера приходилось по два полицейских. Мы добрались на стадион к половине одиннадцатого и оставались там под палящим солнцем в течение пяти часов. Мы не могли покинуть отведенное нам место. Вообще ничего нельзя было делать. Мы не могли даже взять чего–нибудь попить, потому что продавцы пугались нас, когда мы приближались. Забавно, что мы даже не переживали. Было неприятно, но поскольку мы оставались вместе и были по–прежнему «Ирридучибили», нам это казалось забавным.

В наши дни много разговоров о футбольном насилии. Преимущественно об этом говорят люди, которые никогда не ездили со своим клубом и вообще не понимают, о чем говорят. Безусловно, среди фанатов есть малая доля явных психопатов — тех, кто в движении только для того, чтобы совершать насилие, но большая часть — это все–таки страстные болельщики, которые получают удовольствие.

Нужно помнить, что когда находишься в толпе, все меняется.

Внезапно происходит психологическая трансформация — и ты уже другой человек. Я видел спокойных, кротких парней, превращавшихся в отъявленных головорезов. Есть точка отсчета, момент, когда сила и мощь толпы овладевает тобой, и ты теряешь понимание, что есть «правильно», а что «неправильно». Или вернее, ты определяешь новый смысл для этих понятий.

Это совсем не то, о чем я говорю с удовольствием. В конце концов, мне 32 года, я отец двух дочерей и должен быть примером для них. Но я не могу отвернуться от своей юности, потому что она внесла вклад в формирование меня таким, каким я есть сегодня. Я не живу с сожалением, а мирюсь со своим прошлым. Я был с ультрас и не раз переступал рамки.

Я помню один случай в Падове. Мы проиграли 0:2 и выходили со стадиона. Когда едешь на выезд поддерживать свою команду, есть две вещи, которые сделают тебя счастливым. Одна, естественно, — это победа, другая — добыча какого–нибудь трофея, сувенира у вражеских фанатов. Поскольку ничего не вышло с первой целью, мы сконцентрировались на второй.

Нас было трое и мы были охвачены идеей присвоения флага или шарфа «Падовы». Мы наблюдали за площадкой перед стадионом, подыскивая подходящих парней, чтобы атаковать их. Внезапно мои товарищи побежали к группе из пяти фанатов «Падовы». Я не знаю, почему они выбрали именно этих парней, ведь те были старше нас и превосходили количеством — пять против троих. Но за нами были эффект неожиданности, и, к тому же, «Ирридучибили» никогда не боятся, даже в меньшинстве.

Мы полагали, что все произойдет очень быстро: несколько ударов, схватим шарф и ретируемся. Однако фанаты «Падовы» стали ожесточенно сопротивляться и явно не желали расставаться с шарфом. Все перемешалось, кулаки мелькали в воздухе. Мне нужно было помочь своим друзьям. Я повалил парня с шарфом на землю, а мой друг по–прежнему держал шарф за другой конец. Даже будучи на земле фанат не хотел потерять шарф, свои цвета. Вот это дух ультрас!

Я знал, что мой товарищ также не упустит шарф. Это тоже дух ультрас. Так что я ударил противника, лежащего на земле. Два или три раза, точно не помню. Он выкрикнул от боли и перевернулся на живот, отпустив шарф. Мы получили то, чего хотели, поэтому бросили все и ретировались, веселясь всю дорогу до встречи с остальными «Ирридучибили». Думаю, что мой товарищ не расставался с шарфом вплоть до самого приезда домой.

Я был перевозбужден от притока адреналина. У меня не было никаких сожалений относительно того, что я сделал. Да, я

причинил боль другому парню, унизил его, ударил его лежачего на земле. Но у меня было оправдание. Я говорил себе, что сделал это для того, чтобы защитить своего товарища, побратима по «Ирридучибили». Уверял себя, что нас было меньше и у меня не было возможности избежать случившегося. Более того, я сказал себе, что, будучи частью моба, это было моей обязанностью перед товарищами.

Я рассказываю эту историю не потому, что я горжусь своим поступком. Насилие плохо по определению, особенно насилие на футбольных матчах. Мне никогда не стоило делать то, что я сделал. Но я рассказываю это сейчас, так как хочу, чтобы люди знали, что я кое–что понимаю в околофутбольном насилии. Не потому, что я имею докторскую степень по социологии, а потому, что я жил этим. Я был там, на переднем крае.

Так много разговоров о хулиганизме в наше время, о жертвах среди фанатов, к примеру, история о двух болельщиках «Лидса», трагически погибших в Турции во время матча Кубка УЕФА с «Галатасараем». Это другое дело. Драки и стычки на долгое время стали неотъемлемой частью футбольного фанатизма. Отец рассказывал мне истории о римских дерби, которые заканчивались «махачами» между фанатами. Что–то вроде здоровых кулачных боев. Когда же это выходит из–под контроля, когда начинает затрагивать 50–60 человек, несущихся друг на друга с ножами или бутылками, причиняя травмы невинным прохожим, вот тогда это становится проблемой.

Это не простой вопрос, здесь есть нюансы. И хотя насилие плохо по определению, физическая конфронтация может быть полезной. Или вернее, если это случается, то в этом нет трагедии.

Возможно, это особенность того места, где я рос, но я не раз получал пинков от людей, которые были больше, сильнее или хитрее меня. Драки — это обычное проявление жизни. Я не призываю людей бить друг друга, только говорю, что драки так или иначе случаются и могут действительно научить тебя некоторым вещам. Я говорю о злости, о жесткости. В Квартиччьоло есть поговорка: «Chi mena primo, mena due volte», что означает: «Кто бьет первым, тот бьет дважды». По сути, смысл в том, что если ты бьешь другого парня первым, то и в следующий раз преуспеешь.

Так было в Квартиччьоло. Ты должен был ударить прежде, чем ударят тебя. Это было что–то вроде выживания, и эту философию я взял с собой на поле. Футбол не должен быть битвой, но если ты рассматриваешь его именно так и ты боец, то взойдешь на вершину. На поле тебе нужна та самая злость, жажда, которая позволяет тебе добраться до мяча первым. Ты

должен быть наготове, быть первым и жестким, борешься ли ты за мяч или идешь в стык. Это — настрой.

Как по мне, так это и есть то, что называют британским духом бульдога. Быть первым, быть твердым, никогда не сдаваться. Мне не хочется поднимать обычный стереотипный образ Уинстона Черчилля и все такое, но у меня глубокое и искреннее восхищение британским духом и британским народом. Наверно потому также, что я рос в Квартиччьоло и усвоил схожие ценности.

Эта ментальность, которая также отражена на британских футболистах. Великобритания ценит сильных, жестких, крепких работяг больше, чем талантливых. Не счесть, сколько раз люди подходили ко мне и говорили: «Паоло, ты великолепен! Я не могу поверить, что ты никогда не играл за сборную Италии! Я считаю, что ты и Газза самые талантливые игроки, которых я когда–либо видел!»

Это льстит, но думаю, что это также много говорит о британском футболе. Сколько неповторимых талантов мирового класса взрастил британский футбол за последние сорок лет? Я не имею в виду просто игроков мирового класса: от Бобби Мура до Бобби Чарльтона, от Гари Линекера до Брайна Робсона — таких было много. Я говорю о действительно неповторимых талантах мирового уровня с великолепно отточенной техникой и видением, чутьем и творчеством.

Я думаю, что два: Кевин Киган и Джордж Бест. Мог быть Гаскойн, если бы не его проблемы. Более того, Британия не взрастила слишком много артистов, парней с уникальными способностями. Вот почему Киган и Бест остаются недосягаемыми даже сегодня.

А если вспомнить Италию, то парень вроде Бруно Конти, который играл на трех чемпионатах мира, и без которого мы ни за что бы не выиграли титул в Испании, практически забыт. И со всем уважением, Конти был достоин трех Киганов.

Игроки, которые слишком искусны, рассматриваются в Британии почти с подозрением. Вспомним Глена Ходдла и, в меньшей степени, Стива МакМаннамана или Дэвида Бэкхема. Напротив, британцы ценят бойцов, людей с духом и преданностью. Билли Бремнер — это король «Лидса». Сегодня к британским героям относятся парни вроде Денниса Вайза, Дэвида Бэтти, Пола Инса и Роя Кина. Дети обожают их.

В Италии все наоборот. Не думаю, что очень много итальянских детишек боготворят Деметрио Альбертини или Джиджи Ди Бьяджо. И я не уверен, что это хорошо. Ведь они достойные футболисты, сильные и работящие, но вы не можете

сравнить их крутизну, их жажду с теми же качествами британских игроков.

Вот почему в Италии так мало игроков, которые по–настоящему круты и преданны. Сразу на ум приходят двое, и в обоих случаях есть хорошее основание для этого. Чиро Феррара напоминает меня, он тоже вырос на улице, только не в Риме, а в Неаполе. А также Паоло Мальдини, в виде исключения. В его случае, я думаю, он стал невероятно заводным, потому что, будучи юным и шагая по ступеням «Милана», его постоянно сравнивали с отцом. В итоге, он стал одержимым победами, и его ментальность «добиться успеха любой ценой» не слишком отличается от ментальности, скажем, Роя Кина.

Но эти футболисты — исключения. И заметьте, оба они защитники. На других позициях слишком мало крутизны, чтобы о ней говорить. Посмотрите на парня вроде Кристиана Вьери. Он больше и крепче большинства защитников. Он должен обладать такой же большой крутизной, желанием. В конце концов, немногие могут сравниться с ним, как физически, так и технически. Тем не менее, в сравнении, например, с Аланом Ширером, он выглядит хрупким.

Я думаю, что британцы понимают, что если ты отдаешь все, что имеешь, если борешься до конца, то тебя признают, даже если тебе не хватает мастерства или силы, чтобы преуспеть. Не все британские герои были победителями, но все они были бойцами, людьми, которые никогда не сдавались. Я чувствую родство по отношению к этому, каждый день я ощущаю, как больше и больше впитываю в себя этот дух бульдога. Мне предстоит долгая дорога перед тем, как я смогу стать кем–то наподобие Джулиана Дикса (Бывший игрок «Бирмингема», «Вест Хэма» и «Ливерпуля». Культовая личность для фанатов «Молотобойцев». Четырежды признавался футболистом года в составе «Вест Хэма». Был известен прежде всего своей жесткой игрой, за которую получил прозвище «Терминатор», — прим. переводчика), настоящего гладиатора и искреннего вдохновителя, но я стараюсь.

Вот, что нужно, чтобы господствовать, чтобы биться и никогда не сдаваться. Вот, что позволило Великобритании построить империю. У них не было величайших полководцев или ученых или государственных деятелей, они просто отказывались уступать. Это идет рука об руку с неким высокомерием, потому что ты поставишь свою жизнь на кон только в том случае, когда в глубине души веришь, что можешь преуспеть; что ты лучший. Это ощущение, которое говорит: «Я лучше тебя. Сейчас я тебе покажу». Это то, что позволило им колонизировать весь мир, грубо говоря. Причем не имеет значения, на самом ли деле ты

лучший или нет. Важно лишь то, что после того, как тебе врезали, ты собираешь себя в кулак и снова поднимаешься.

Теперь сравните с Италией. Мы имели величайшую империю, которую когда–либо видел мир — Римскую Империю. Мы подарили миру искусство, культуру, законы — все! И затем все потеряли. Почему? Потому, что у нас нет духа, который есть у британцев.

В Италии, пока у нас есть наша пицца, наша Кока — Кола, наши женщины, мы счастливы. Это все, что нам нужно. Я был одним из исключений, потому что был бойцом. Спросите кого угодно в Италии: я всегда отдавал всего себя на поле. Даже когда я не играл каждый тур, даже когда меня отправляли «на банку», фанаты всегда любили меня.

Вот почему Английская Премьер — Лига — лучшее место в мире для меня. Я в стране, которая ценит бойцов, которая любит преданность и дух. И вот почему есть времена, когда я вообще не хочу возвращаться в Италию.

Глава 4
Обезболивающие, психиатры и целители

К этому времени я прошел молодежные секции в Лацио и прогрессировал настолько, насколько мог. В сезоне 1985–86 я был частью команды Лацио, которая выиграла Итальянский молодежный чемпионат, одолев «Чезену» на «Стадио Олимпико». В то же время первая команда боролась в низах Серии Б, однако наша молодежная система произвела несколько талантливых игроков. Я играл вместе с парнями вроде Антонио Риццоло, нападающим, который выступал на чемпионате мира Under-21, и Джиджи Ди Бьяджо, который сейчас в миланском «Интере». Ирония судьбы: не раскрывшись полностью в Лацио, после блужданий в низших дивизионах, он в конце концов очутился в «Роме». Именно там он сделал себе имя и стал игроком Национальной сборной (вы можете помнить его по промазанному решающему пенальти в ворота Франции на чемпионате мира в 1998 году, но это уже другая история).

Как бы то ни было, Лацио в тот год финишировал на 12-м месте, то есть всего за 4 места до зоны вылета в Серию С 1. Руководство делало обещания, говорили о новых инвестициях в клуб с тем, чтобы вернуть нам законное место в Серии А. Я отчаянно желал быть частью возрождения Лацио. Однако очередной скандал договорных матчей потряс итальянский футбол до основания. Опять Лацио был замешан в этом. Через несколько недель после окончания сезона 1985–86 Итальянская Футбольная Ассоциация обнародовала свои заключения. Лацио лишили 9 очков перед сезоном 1986–87.

Это означало, что клуб начинал новый сезон с очковым штрафом-9. Это был огромный дефицит; вспомните, что тогда давали 2 очка за победу. Клуб обещал нам, молодым, что мы получим шанс проявить себя в этом сезоне, но это было сказано до девятиочкового штрафа. При новом раскладе здесь не было места для экспериментов, не было места для детей. Команда нуждалась в матерых ветеранах, игроках, которые могли бы сражаться в окопах Серии Б и спасти клуб от немыслимого вылета в третий дивизион. Нас разослали по арендам. Я должен был подписать свой первый в жизни профессиональный контракт с Тернаной, что в серии С 2 (четвертый дивизион).

Мой отец и я были вызваны в штаб Лацио. Поскольку отец не имел водительских прав, Лацио прислал за нами машину. Когда мы зашли в офис генерального менеджера Феличе Пуличи, рядом

с ним сидел мужчина в темном костюме хитрой наружности. Пуличи представил его как Доменико Мильюччи, главу Тернаны.

«Паоло, настало время, чтобы ты получил кое–какой опыт», — Пуличи обратился ко мне. — «В первой команде нет места для тебя в наступающем сезоне. Но Тернана является хорошим местом для твоего дальнейшего футбольного развития. Играй хорошо и ты непременно вернешься к нам».

Я знал причину, по которой меня вызвали, и я согласился с тем, что мне придется покинуть Рим. Неожиданным было предложение Мильюччи: он собирался мне платить зарплату 350 000 лир в месяц. Именно в месяц, а не в неделю. 350 000 лир было эквивалентом 150 фунтов в то время. Конечно, клуб обеспечивал бы меня пропитанием и жильем, но ради 150 фунтов мне не хотелось далеко уезжать. Вмешался мой отец.

«Я не агент и не слишком разбираюсь в футболе», — сказал он решительно. — «Но я кое–что знаю о цене денег. И, поверьте мне, мой сын не сможет выжить на 350 000 лир в месяц».

Мильюччи опешил. Он полагал, что мой отец был просто невежественным рабочим, но вместо этого перед ним предстал человек, который не позволяет собой помыкать.

Он согласился платить мне 750 000 лир в месяц, что, по крайней мере, было близко к справедливой заработной плате.

Тернана находился в Серии С 2, но это было большое событие. Я сделал первый шаг к своей мечте стать профессиональным футболистом.

Я поселился в Терни достаточно неплохо. Команда была невысокого уровня, поэтому мне сразу дали шанс, и я завоевал себе место в стартовом составе. Я был счастлив и полон надежд. Единственно, я скучал по моей семье и выездам за Лацио вместе с «Ирридучибили».

Прошло несколько месяцев моего пребывания там, прежде чем моя жизнь изменилась навсегда. Я встретил Бетту. Жилье Тернаны находилось в Сан Джелмини, около 5 километров от города. Меня расположили в местном отеле Дуомо. После тренировок я коротал время в кабинете менеджера отеля, смотря телевизор.

Я был на обычном своем посту в этом кабинете, водрузив ноги на стол (я сразу подружился с менеджером, так что он не был против), когда увидел знакомое лицо в фойе. Это был мой товарищ по команде Ромуальдо, и он был с девушкой. Не просто обычная девушка, а такая, что заставляет каждого обратить на себя внимание, когда заходит в комнату.

Ромуальдо был родом из Терни и все еще посещал школу. Так получилось, что в тот день, по случайному совпадению, школа

устроила прогулку класса в Сан Джельмини. Ромуальдо с девушкой ускользнули из коллектива, и он привел ее в отель Дуомо, чтобы показать, где живут игроки.

Я сразу понял, что в этой девушке было нечто, заслуживающее пристального внимания. Я вышел в фойе с видом небрежности, насколько я мог притвориться, и сказал «Привет». Ромуальдо представил ее как Бетту. Когда она первой улыбнулась мне, я был смущен. Я должен был произвести впечатление.

«Ребята, давайте не будем торчать в отеле, это же скучно!» — произнес я. — «Давайте уйдем отсюда и съедим по мороженому. Я знаю здесь одно местечко».

Ромуальдо был обеими руками «За», но Бетта сказала: «Ты уверен? Может быть, нам стоит вернуться обратно, возможно, нас уже хватились. Мы не хотим проблем с учителями, не так ли?»

Уже тогда Бетта была ответственной. Но я продолжал гнуть свою линию. Я не мог позволить ей просто уйти отсюда. Так что я настоял, и она согласилась. Если бы она отказала, наверное, я бы не был там, где нахожусь сегодня.

Мы втроем отправились за мороженым. Я был словно ребенок в ночь перед Рождеством. Я никогда не нервничал из–за женщины, но с Беттой все обстояло иначе. Мне отчаянно хотелось понравиться ей, думаю, я был тогда гиперактивен.

На следующий день я начал выпрашивать у Ромуальдо ее номер. Он хотел прикинуться дурачком с целой серией оправданий: мол, он никогда не знал его, потерял или даже, что у нее совсем нет телефона.

Намного позже я узнал, что он позвонил ей спустя несколько дней: «Привет, помнишь моего друга из Рима? Представь, он просил твой номер! Но не переживай, я не сообщил ему. Тебе ведь не нужно, чтобы этот парень беспокоил тебя…»

«Что? Ты с ума сошел?», — ответила Бетта. Думаю, я тоже произвел на нее впечатление. — «Ты должен был ему сообщить!»

Я полагаю, Ромуальдо немного ревновал, наверняка ему Бетта тоже нравилась. Так получилось, что на следующей неделе я все еще не знал ее телефона. Он дал его мне по дороге на игру в Галатине, городишке на краю итальянского сапога. Я не мог дождаться, когда автобус остановится, чтобы я мог позвонить ей. Мне всего лишь хотелось услышать ее голос еще раз.

Когда мы добрались до отеля, я первым выскочил из автобуса. Я побежал по лестнице в свою комнату в поисках телефона.

Здесь не было телефона. Из всех отелей в Италии мы остановились там, где нет телефонов! Сжимая номер ее телефона, я побежал в фойе. Мои товарищи смотрели на меня, как на

безумца.

«Где у вас телефон?», — кричал я в приемной. «Мне нужен телефон!»

Администратор посмотрел на меня с пренебрежением, будто я был назойливой мухой.

«У меня есть телефон прямо здесь», — сказал он. «Но не для клиентов».

Ругаясь я выскочил на улицу. Там нигде не было общественных телефонов. Я побежал в один ресторан, затем в бар, в еще один ресторан. Безуспешно. Либо у них не было таксофонов, либо они были неисправны, либо мне просто не разрешили ими воспользоваться.

Я был в отчаянии. Я думал, что моя голова скоро взорвется. Я бежал по улицам Галатины, думая: «Что это за Богом забытое место? У них нет ни одного телефона!»

Я уже был готов ворваться в клубный автобус, завести двигатель и направиться поближе к цивилизации, когда наконец нашел телефон. Не знаю, как долго я бегал в поисках его, но это казалось вечностью, и я полностью выдохся.

Трясущимися руками я набрал ее номер. Она была дома. И она была счастлива слышать меня! Должно быть, я закинул двадцать монет в тот телефон. Мы говорили несколько часов обо всем на свете. Я влюбился.

Мы не виделись до Новогоднего вечера. Спустя несколько дней я попросил своих родителей приехать из Рима, чтобы они познакомились с ее родителями. Кому–то это могло показаться преждевременным, ведь мы были знакомы всего несколько месяцев, а друг с другом мы были несколько дней. Но мои разум, сердце и душа подсказывали мне, что Бетта была той единственной.

Четырнадцать лет спустя мы по–прежнему вместе. И каждый день открывает что–то новое в ней. Или, правильнее сказать, в нас, так как едва ли можно думать о себе отдельно от нее. Когда мы познакомились, мы были все еще детьми, мы взрослели вместе, в полном смысле этого слова. Она была вовлечена во все мои переживания, а я — во все ее.

Во многих отношениях мы идеально дополняем друг друга. Я не из самых спокойных, легко подчиняемых, мягких парней (сюрприз, да?). Бетта, напротив, всегда спокойна, всегда смотрит на вещи в перспективе. Она знает, как обращаться со мной, как успокоить меня, как сгладить острые углы.

Я думаю, мы весьма традиционная пара. Я играю мужчину, она играет женщину. Это означает, что она знает, как управляться со мной, как вести себя со мной. Ей не нужно подрываться и

кричать на меня. Я могу кричать и орать, но она устойчива в отношениях. Она может общаться одним взглядом, одним жестом, вместо того, чтобы кричать два часа, как это могу делать я. Ее молчание — это ее сила. Не думаю, что есть еще в мире человек, который может так относиться ко мне, как она.

Я сразу понял, что наши отношения станут такими. Не могу объяснить почему, но я понял, что это сработает между нами. Я был никем. Ни денег, ни успеха, только масса грез — то же, что и у тысяч начинающих профессионалов. Бетте было все равно. Она всецело любила меня, и, что не менее важно, она готова была расти со мной, развиваться вместе со мной. Когда вы берете на себя обязательство по отношению к кому–то, вы отдаете частицу себя. Взамен вы строите что–то новое с другой личностью. С самого первого дня я знал, что она будет моей супругой. С тех пор мы не переставали расти вместе.

Я не могу представить, какой бы была моя жизнь без нее. Не знаю, смог ли я перенести мою травму или длительную дисквалификацию в «Шеффилд Уэнсдэй». Она сохраняла мой баланс, помогала мне оставаться «спокойным». Заметьте, я взял слово «спокойным» в кавычки, потому что знаю, что я далеко не эталон спокойствия. Но поверьте, без Бетты я был бы гораздо, гораздо хуже. У меня бы не было ясности разума, которая есть сейчас. У меня бы не было воли бороться дальше после каждой неудачи.

Сейчас я трачу много времени на размышления о любви, и что она означает. Возможно, я смотрю на жизнь сквозь розовые очки, но я твердо верю, что естественный инстинкт человек — любить. Конечно, есть разные степени интенсивности, высшие и низшие, есть разные пути ее проявления, но любовь есть внутри каждого из нас.

Думаю, самая сильная любовь на свете — любовь к своим детям. Она ничем не обусловлена, не ограничена временными рамками. И это понятно. Ведь дети — твоя плоть и кровь, твое продолжение. Клянусь перед Господом: Лукреция и Людовика — частичка меня, и наша любовь — огромная, всепоглощающая. Я готов без колебаний отдать жизнь за дочерей. Может, я не уникален в этом отношении: любой отец ставит жизнь своих детей выше собственной. Но когда я думаю о своих девочках, то переживаю такие сильные эмоции, что вполне естественно, что мне на ум приходят подобные сантименты.

Чувства, возникающие у меня, когда я их касаюсь, когда они меня обнимают, когда я смотрю на них или просто представляю их лица в своем воображении, не похожи ни на какие другие. Я не тот, кто беспокоится по поводу прошлых ошибок, но больше всего

в жизни я жалею, что не мог находиться дольше рядом с Людовикой, когда она только родилась. Мне было тогда двадцать четыре года, и я переживал непростой период в «Ювентусе». Я раздражался и нервничал по любому поводу, у меня была куча проблем. Тогда я был еще ребенком, и, наверное, в полной мере не осознавал, какую любовь я могу получить от своей маленькой дочери. Иногда я виню себя за произошедшее. Думаю, именно поэтому сейчас я отдаю Людовике и Лукреции всю свою нежность и заботу. Я стараюсь проводить с ними как можно больше времени, помогая Людовике с домашним заданием или играя с Лукрецией. Каждое мгновение с ними — подарок судьбы, который нужно ценить.

Хотя любовь родителей к детям так сильна, то же самое нельзя сказать о любви детей к родителям. Конечно, ты любишь своих родителей, но это совсем другая любовь, ты не показываешь ее так, как они. Дети не ценят то, что делают для них отец с матерью, и порой родительская любовь не так очевидна. Происходят конфликты. От этого не уйти. Если хочешь стать независимым, свободно мыслящим человеком, даже полезно в какой–то момент вступить с родителями в спор. Иногда они становятся твоими врагами, с которыми нужно драться, чей авторитет нужно постоянно оспаривать. Иногда ты их даже ненавидишь, по крайней мере, какое–то время. Ты по–прежнему их любишь, но начинаешь замечать, что они совсем не безгрешны. Наверное, именно поэтому возникает эта ненависть, ведь каждый мальчик считает, что его папа самый сильный и умный, а мама — самая красивая и нежная. Наступает время, когда понимаешь, что это не так. Ты видишь, что это просто два обычных человека, и, возможно, подсознательно чувствуешь себя обманутым. И тут просыпается ненависть.

Но, повзрослев, ты перестаешь ненавидеть, и тогда понимаешь, что на самом деле сделали для тебя твои родители. Я очень часто вспоминаю о наших отношениях во времена моей юности и спрашиваю себя: «Зачем я себя так вел? Зачем я так к ним относился? Почему я не мог проявлять к ним больше любви?» И тогда я себе противен.

Моя любовь к Бетте — совсем другое дело. Любовь к спутнику жизни — это любовь к человеку, с которым вместе переживаешь радости и горести, делишь супружеское ложе, к человеку, которому ты сознательно отдаешь всего себя без остатка. С течением времени, в некоторых отношениях, вы становитесь единым целым. Выбрав спутника жизни, нельзя пойти на попятную. Узы уже не разорвать, даже когда вы вдали друг от друга, ведь этот человек знает вас лучше, чем кто–либо

другой во вселенной.

Но самое главное — ваш спутник выбрал вас, потому что любит. Когда речь идет о родителях или детях, от вас мало что зависит. Любовь здесь нечто естественное. Но когда выбираешь спутника жизни, берешь на себя определенные обязательства. Конечно, чувства здесь тоже присутствуют, однако их нужно постоянно поддерживать. В некотором смысле это сочетание трезвого расчета и чувств. Вот что делает эти отношения такими особенными.

Но выполнять взятые на себя обязательства нелегко. В моем случае дело осложнилось тем, что из Терни я переехал в Рим, а потом в Турин. Все это время Бетта оставалась на месте. Долговременные отношения — очень сложная вещь. Мы начали встречаться в январе 1987-го, но после того лета я вернулся в «Лацио», и кроме периода, когда я залечивал травму, мы виделись только по выходным. Это было серьезное испытание, а летом 1990-го, когда я перешел в «Ювентус», стало еще хуже.

Мы много ссорились, и думаю, оба понимали, что рано или поздно придется решать: создавать семью или идти дальше по жизни отдельно. Это был непростой выбор, поскольку мне тогда исполнилось только 23, до этого я не имел опыта серьезных отношений, и, по сути, все еще оставался ребенком.

Да, я любил Бетту, но жить вместе до конца дней своих — это нечто совершенно иное. После очередной ссоры я позвонил ей и сказал: «Мы женимся».

Я знал, что это прозвучало не очень романтично, но я также понимал, что рискую потерять женщину, которую любил. Поначалу она не восприняла мои слова всерьез.

«Паоло, нет, ты же сам не веришь тому, что говоришь. Опять ты за старое. Это просто слова».

Однако я был настроен решительно, и через несколько недель, когда мы снова встретились, я попытался убедить ее, что не шучу.

«Ну?» — спросил я.

«Что, ну?»

«Я серьезно. Мы женимся».

Выражение ее лица изменилось.

«Ты просто так это говоришь, — сказала она с дрожью в голосе. — Ты не шутишь? Ты уверен?»

Я лишь кивнул в ответ. В тот момент мы оба знали, что отныне будем вместе. Мы рассказали родителям о своем решении, и в следующем июле состоялась свадьба.

Было время, когда я много раз спрашивал себя, готов ли я к семейной жизни. Но как понять, действительно ли ты готов? И

что значит быть готовым? Некоторые утверждают, что если ты готов, ты это просто чувствуешь. Здесь нет никакой логики. Я не совсем согласен. Как в любом другом деле, решая связать свою жизнь с другим человеком, ты рискуешь, ведь речь идет не только о любви, но и о доверии человеку, с котором ты хочешь стать одним целым.

Ее родители Фаусто и Франка обрадовались, когда узнали о нашем намерении. К этому времени они стали для меня почти родными. В тот год в Терни они относились ко мне, как к собственному сыну. Как–то в феврале я сильно простудился, и Франка настояла на том, чтобы я провел ночь у них и она могла за мной ухаживать. Мне выделили кровать в одной комнате со старшей сестрой Бетты Стефанией, и я сразу ощутил себя членом семьи.

Я многим обязан родителям Бетты, потому что тогда я был никем: тощий подросток с мечтой добиться успеха в футболе, который только–только начал встречаться с их дочерью. Они всегда заботились о других людях. Фаусто мог угостить обедом четырех бездомных, которых случайно встретил на улице. Он просто приводил их домой и говорил Франке: «Они голодные, мы можем угостить их чем–нибудь горячим. Ведь это не сложно, да?»

И Франка всегда соглашалась с мужем, потому что хорошо его знала. Он фактически усыновил парнишку по имени Витале, сироту с Виргинских Островов, и воспитал его как собственного сына. Витале пятнадцать лет жил в одной комнате с Беттой, а когда уходил из семьи навсегда, Фаусто подарил ему машину. Отец Бетты даже оплатил свадьбу брата Витале.

Вот такие люди родители моей жены. Когда ты привык помогать людям, ты не можешь остановиться.

Приблизительно в то время, когда я познакомился с Беттой, я повредил сухожилие. Занимавшиеся мной врачи сказали, что ничего страшного нет. Мою травму можно вылечить, и они мне помогут. Лучшим методом лечения, на их взгляд, были уколы обезболивающего. Этот метод мог стоить мне не только карьеры, но и ноги.

Дело в том, что мне делали уколы не только для того, чтобы я мог выходить на поле в матчах чемпионата. Мне давали обезболивающее и перед тренировками, почти ежедневно, а это совсем другое дело. Пять месяцев подряд они втыкали иглу в сухожилие и закачивали туда анальгетики.

Мне было безразлично. Все, что я знал — без уколов я не смогу бегать. А если я не смогу бегать, то не смогу тренироваться и не смогу выйти на воскресную игру. Я понятия не имел, что хуже такого «лечения» была только ампутация. Ведь

обезболивающее устраняет симптомы, а не причину. Разрыв сухожилия никуда не исчез, и врачи ничего не делали, чтобы его вылечить. Уколы только помогали снять боль. Через какое–то время рана начала гноиться, инфекция расползлась по мышечной ткани и достигла первых костных слоев. Я об этом даже не догадывался: благодаря анальгетикам, я совершенно ничего не чувствовал.

Рана не заживала. Можно сказать, что у меня в ноге была дыра. Стоило посветить туда фонариком, и вы увидели бы кость. И, тем не менее, я продолжал слепо верить своим врачам.

Я узнал, насколько опасной была ситуация, только в конце сезона, когда прошел медицинское обследование в военкомате (все здоровые мужчины в Италии должны год отслужить в армии). Врач осмотрел мою ногу и сказал, что, наверное, освободит меня от службы. Сначала я не понимал, как это серьезно. Я знал, что у меня травма. Но поскольку она позволяла мне избежать службы в армии, я обрадовался. Я не сомневался, что врачи «Лацио» помогут мне вылечиться. Хотя для спортсменов предусмотрены некоторые поблажки, служба в армии, тем не менее, очень мешает футболистам, так как им приходится разрываться между казармой и тренировочной базой. «Лацио» удалось избежать вылета в Серию С 1, несмотря на девять штрафных очков, и президент в очередной раз пообещал, что в следующем сезоне клуб будет бороться за выход в Серию А. Отыграв год за «Тернану», я надеялся, что помогу «Лацио» достичь поставленной цели.

Однажды я случайно встретился с Вольфанго и сообщил ему, как мне тогда казалось, радостную новость.

«Знаешь, мне, наверное, не придется идти в армию!»

«Что? — удивился он. — Почему? Как такое может быть?»

«Помнишь травму ноги? — ответил я. — Ту, которую лечили уколами? Так вот, врач сказал, что из–за нее я не годен к службе!»

Вольфанго сразу понял, насколько это было опасно. Он отвел меня к профессору Карфаньи, клубному врачу «Лацио». Я рассказал ему об уколах кортизона. По мере того, как доктор осматривал мою ногу, его вид становился все мрачнее. Когда он закончил, на его лице было такое выражение, словно он присутствует на похоронах.

Затем моя мама и Вольфанго зашли в кабинет, и Карфаньи сообщил нам свой вердикт.

«Синьора, буду с вами откровенен, — сказал он. — Прежде всего, вашему сыну придется навсегда забыть о футболе. Все, что мы можем сделать, это постараться помочь ему избежать ампутации. Это будет нелегко, и вы должны быть к этому готовы.

Вам надо понимать, что, возможно, он никогда больше не сможет ходить».

У мамы началась истерика.

«Доктор, мне плевать на футбол, — рыдая, говорила она. — Если бы я знала, что все так закончится, я бы не позволила ему и раз ударить по мячу. Я только хочу, чтобы он мог ходить, как нормальный человек».

Итак, все было кончено.

За сорок восемь часов я превратился из беззаботного, перспективного молодого футболиста, который был вправе рассчитывать на успех в карьере и который только что узнал, что ему не придется терять год в армии, в девятнадцатилетнего инвалида с риском никогда больше не ходить самостоятельно.

Я был в состоянии шока. Моя жизнь закончилась.

Оглядываясь назад, я понимаю, что винить нужно моих врачей. Им было на меня плевать, они просто заливали в меня анальгетики, чтобы решить проблему.

Думаю, они были скорее глупы, нежели порочны. Хочу надеяться, что с их стороны это было просто невежество, недостаток знаний. Бог свидетель: в то время я и сам мало что понимал. Я просто чувствовал, как уходит боль после уколов, и был счастлив, что снова могу играть. Я понятия не имел, что страшнее методов, применяемых моими врачами, ничего нет.

В том возрасте, в котором был я, просто слепо исполняешь все, что тебе говорят, и радуешься, что играешь в футбол. Если тренер или врач просят принять таблетки или сделать укол, ты даже не думаешь спорить. Интересно, сколько футболистов поплатились карьерой, доверившись таким некомпетентным, невежественным врачам, как мои? Об этом мало кто говорит, но это очень серьезная проблема, заслуживающая большего внимания.

Сегодня я не подпущу к себе врача на пушечный выстрел, если не доверяю ему безоговорочно. Я лучше стану играть, превозмогая боль, нежели позволю вколоть себе кортизон. Помню, как в «Шеффилд Уэнсдэй» мне однажды попытались дать обезболивающее, но я от него категорически отказался. Меня жестоко обманули в юности, и я не собирался наступать на те же грабли.

Конечно, если предстоит важный матч и я очень нужен команде, я приму обезболивающее. Но это не должно становиться нормой. И я больше никогда в жизни не буду принимать анальгетики ради участия в тренировках. Никогда.

Следующие несколько месяцев стали самыми тяжелыми в моей жизни. Мне прописали большую дозу антибиотиков для

борьбы с инфекцией. Их следовало вводить непосредственно в сухожилие с помощью иглы длиной в три с половиной дюйма. Было больно и страшно, но со временем я привык. Каждые несколько недель я ходил на прием к профессору Карфаньи и двум его ассистентам — Агостине Туччароне и Андреа Билли. Профессор осматривал мою ногу. За три недели кожа затягивалась, и создавалось впечатление, что рана зажила. Но профессор протыкал кожу, и взору открывалась все та же дыра, доходившая до самой кости. Инфекция никуда не исчезла и медленно расползалась по телу.

Это был просто кошмар, и, как часто случается в подобных ситуациях, свою злость я вымещал на окружающих. Я нервничал, был раздражителен, и набрасывался на всех без разбору. Достаточно было какой–то мелочи, чтобы вывести меня из себя. Хуже всего было отчаяние, полное бессилие перед болезнью. Моя семья была рядом. Рядом была и Бетта. Но это ничего не меняло. Я ощущал полное одиночество, я был истощен, раздавлен.

Руководство «Лацио» устроило мне осмотр у нескольких специалистов, но все они сходились в одном: антибиотики уничтожали бактерии, вызвавшие инфекцию, но последние размножались намного быстрее. Так проходили месяцы.

Однажды профессор Карфаньи позвал меня к себе и сказал: «Паоло, я договорился о встрече с одним бельгийским специалистом. Он первопроходец в своей области и его методы довольно сильно отличаются от традиционных. Но, честно говоря, Паоло, я не вижу альтернативы. Этот врач может стать твоей последней надеждой. Инфекция распространяется по организму. Вскоре у тебя может не остаться ни единого шанса на излечение».

Я согласился без раздумий. В таком положении, в котором находился я, люди становятся настоящими зомби, упивающимися своим горем. Я превратился в комок нервов, злобное, раздражительное существо. Но я также цеплялся за любую соломинку в надежде выздороветь.

Чтобы встретиться с бельгийцем, мы с Туччароне поехали в Кортину Д'Ампеццо — лыжный курорт на севере Италии. Этот врач немного говорил и ничем не отличался от других докторов, с которыми мне приходилось иметь дело. Но мое мнение о нем изменилось, как только он достал гигантскую иглу, напоминавшую отвертку. Ее вид навел на меня ужас.

«Господи, да он шаман! — воскликнул я про себя. — Или мясник».

Он воткнул эту иглу в мою ногу, объясняя, что хочет вытянуть из нее бактерии. Через несколько минут, когда все было закончено, он дал мне вакцину, говоря, что она позволит

помешать оставшимся бактериям размножаться. Но мне по–прежнему нужно будет выводить жидкость из ноги, когда я вернусь в Рим.

На процесс выведения жидкости ушло около месяца, и это, пожалуй, можно считать самым сложным периодом болезни. Я целыми днями не вставал с постели. Мне нечего было делать, кроме как портить нервы всем вокруг. И это у меня получалось великолепно.

Все это время Бетта ежедневно навещала меня. После окончания рабочего дня она садилась в поезд и ехала полтора часа, только чтобы побыть рядом со мной.

И чем я отплатил ей? Кричал на нее, игнорировал и унижал. Я был таким раздражительным, любая мелочь могла вывести меня из себя. Так как она была всегда рядом, то становилась легкой мишенью. Она начинала плакать, и я говорил ей возвращаться назад в Терни. Мне трудно об этом говорить. Когда я вспоминаю те времена, я начинаю себя ненавидеть за то, что обращался с ней подобным образом. Я мучил ее, а она по–прежнему любила меня. Вот как я начал понимать, что есть настоящая любовь.

Она всегда была рядом, и мне потребовалось долгое время, чтобы полностью оценить, что она сделала для меня тогда и продолжает делать сегодня. Когда я был на рубеже 25-летия, то полагал, что я есть центр вселенной. Я считал, что мои заботы, мои опасения были больше и серьезнее, чем у других. Я был кормильцем семьи, поэтому нуждался и заслуживал всеобщего внимания.

Даже когда Бетта была беременна Людовикой, я не понимал, через что ей нужно пройти. Она могла жаловаться, или чувствовать себя просто не в духе, на что я отвечал криками. Мои проблемы всегда были важнее, чем ее. Когда я вспоминаю это, мне становится смешно. Тот факт, что я оставался на скамейке запасных в каком–либо футбольном матче казался более важным, чем то, что она вот–вот подарит жизнь новому человеку, нашей дочери, плоду нашей любви. Больно признавать, что я относился к ней подобным образом. Если что–то хорошее можно вынести из этого, то это факт, что теперь я ценю и благодарю ее намного больше, чем тогда. Она биение моего сердца. Я обожаю ее каждый день моей жизни.

Спустя три месяца посещений бельгийского специалиста я должен был вернуться, чтобы встретиться с профессором Карфаньи. После того, как инфекция была вытянута из моей ноги я провел первые несколько дней в разглядывании раны, в поисках признаков исцеления. Кожа начала снова зарастать, прикрывая

дырку, но я понимал, что это ничего не значит. Как и прежде, это была всего лишь кожа. Проткни ее — и отверстие будет видно вплоть до кости.

Наверно поэтому мой взгляд безучастно блуждал, когда я лежал на столе у профессора Карфаньи в то время, как он обследовал мою ногу. Я был уверен, что ничего не изменилось, поэтому я пытался не думать об этом. Он ощупывал место вокруг раны несколько минут, а затем шлепнул меня по спине.

«Сынок, одевайся», — сказал он. «Отверстия больше нет. Ты начинаешь реабилитацию во вторник и тебе надо быть готовым».

Моя челюсть отвисла, как в тех старых мультфильмах Уорнер Бразерс. Если бы она не была прикреплена к моей голове, то наверняка упала бы на пол с грохотом. Я задрожал. Пытался заговорить, но не смог.

У меня появился еще один шанс в футболе, еще одна возможность в жизни. Я начал плакать, мне стало тяжело дышать, я размахивал руками в попытках заглотнуть воздух. Я схватил профессора и упал вниз. Чувство облегчения, чувство надежды сделали этот момент одним из величайших и наиболее эмоциональных в моей жизни.

Я должен поблагодарить Лацио за то, что не оставили меня во время моей травмы. Они могли легко бросить меня. В конце концов, я был всего лишь ребенком, чья карьера была под угрозой.

С точки зрения бизнеса, учитывая, что было 2 процента на то, что я заиграю вновь, на самом деле не было смысла тратить все эти деньги на мое лечение и реабилитацию. Да, они были связаны контрактом, но это никогда не останавливало большие клубы от того, что они хотят делать, особенно когда речь идет о 19-летних ребятах.

Напротив, они поверили в меня. Может быть, они сделали это из–за лояльности, или потому, что я казался достаточно перспективным, чтобы выбрасывать на свалку. И, возможно, они не сделали бы этого для менее талантливого подростка. Как бы то ни было, без поддержки Лацио я бы не смог сегодня самостоятельно ходить.

К тому времени, как я прошел курс реабилитации, сезон 1987–88 почти закончился и Лацио почти достиг повышения в Серию А. У меня даже было время встречаться со старыми друзьями из Irriducibili и ездить с ними на несколько выездов, однако теперь я старался избегать проблем.

Тренер, Еудженио Фашетти, вызвал меня на ковер перед ключевой игрой с Таранто. Победа давала нам право играть в Серии А в следующем сезоне, при поражении или ничьей нужно

было оглядываться на соперников.

«Сынок, я хочу чтоб ты знал, что независимо от исхода воскресной игры с Таранто, безотносительно того поднимемся мы или нет, ты будешь с первой командой в будущем межсезонье», — сказал он мне. «Знаю, что ты прошел через ад, и хочу убедиться, что ты ко всему готов».

Я был вне себя от счастья. Вот он шанс! В то воскресенье мы «раздели» Таранто 3:1. Меня с Беттой пригласили в ложу, и мы смотрели игру с женами футболистов и теми, кто не попал в заявку. Я сходил с ума: Лацио, мой Лацио возвращался в элитный дивизион. И я должен быть частью команды.

После окончания сезона, всей командой мы поехали в монастырь Терминильо, в нескольких часах от Рима. Это было традицией, благодарить Бога и отмечать повышение в классе. В тот день Фашетти написал имя на клочке бумаги и положил в конверт. Подчеркнув, что этот игрок станет лучшим молодым футболистом Серии А следующего сезона.

Лишь год спустя я узнал, что начертано там было «Паоло Ди Канио».

Не мог дождаться нашей совместной работы с Фашетти, но буквально два дня спустя после Терминильо узнал, что его уволили. Неожиданным и сомнительным решением президент Джанмарко Кальери заменил Фашетти на Джузеппе Матерацци, приверженца жесткой дисциплины.

Шокирующую смену многие крупные лациале восприняли в штыки. Я был растерян и не знал что и думать. Матерацци был немногословен и успокаивал меня: «Предсезонку ты будешь с нами. В сентябре пойдешь в аренду, но шанс тебе еще предоставится».

Он был честен. Я рвал задницу на тренировках и думал что это не останется незамеченным. Тем летом мы играли товарищеские на Фламинио, младшем брате Олимпико, на котором итальянские регбисты выступали на Кубке Шести Наций.

Как обычно в летних товарищеских матчах, были сотни замен и мне постоянно предоставлялся шанс показать, что я могу в футболке Лацио. В Англии кажется никому нет дела до летних втягивающих игр, но в Италии и, особенно, в Риме это предмет немалого интереса. Первая возможность мельком увидеть что из себя будет представлять команда.

В Лацио никто себя даже не утруждал написанием моего имени в неофициальных протоколах. Я просто был буковкой «Х». У меня не было ни должной футболки, ни номера на ней. Первый раз, выходя на замену минут за двадцать до конца, я услышал, что на стадионе меня анонсировали как «Мистера Х». Это вызвало

смешки у некоторых тифози. Не прошло и двух минут, как я убрал финтами трех защитников и попал в перекладину. Смех прекратился, уступив место овациям.

Я знал, что игры такого сорта — это, прежде всего, шанс показать себя, и я играл вдохновенно и авантюрно: финты, «каблуки», подрезки. Хотел, чтобы видели весь мой джентльменский набор и знали, что с этим я прозябаю на банке.

Вскоре фанаты раз за разом скандировали: «Мистер Х! Мистер Х!»

Немногие знали, кто такой Мистер Х, но это и не было важно. Мистер Х развлекал их. Мы сыграли три игры на Фламинио тем летом. Каждый раз я выходил в середине второго тайма. Каждый раз над стадионом раздавалось «Мистер Х» и тиффози страстно кричали.

Несколько недель спустя, перед Кубком Италии против Кампобассо, Матерацци вызвал меня и сказал: «Чтоб ты знал, ты выйдешь во втором тайме».

Потребовалось немного времени, чтобы меня заявить, но когда это случилось, я был в экстазе. Я получаю шанс, в официальной игре. Кубок Италии стартовал перед Серией А, в основном команды играли в пол ноги вплоть до более поздних стадий, но тем не менее — это официальное важное соревнование. Все шло к моему дебюту.

Уверенный в себе, я был брошен в бой с началом второго тайма. Матерацци доверял мне, и я отплатил ему сумасшедшим голом. Получив мяч справа близ штрафной, я «раздел» двух защитников, проскользнул мимо третьего и расправился с вратарем. Мой официальный дебют и я забиваю, не просто гол, а после которых публика рукоплещет!

Это еще не осознавалось. Неделю спустя, находясь в Чезене, мы готовились к открытию сезона. Я рассчитывал хотя бы попасть на скамейку. Мой приятель Антонио Риццоло, старый друг по примавере, сидел рядом со мной пока Матерацци говорил установку. Мы с Антонио были неразлучны, втихаря трепались о чем–то, не обращая особого внимания на Матерацци, стоящего во главе комнаты и чертящего нашу расстановку с обычным бонусом из «куда бежать, кого держать».

Неожиданно Риццоло одергивает меня: «Мужик заткнись, тебе завтра играть!»

Я было подумал Антонио травит, но он продолжал: «Серьезно, он сказал Мистер Х планируется в основе, и помолчи, наконец, нам его в любом случае нужно слушать». Будучи гиперактивным 19-летним юнцом, я не был особо расположен слушать иногда бубнящего Матерацци. Но когда он начал

перечислять каждого, разбирать что тому делать, номер один то–то, внимательней на втором этаже, второй номер то–то и то–то, следи за прорывами их вингера, и так вплоть до девятого номера.

«Девятый, Паоло, ты правого хава… не пыли лишнего, не проваливайся…»

Я замер. Просто окаменел, я больше не слышал его голоса, просто смотрел на него, что–то произносящего, и ничего не слышал. Когда закончили, я выбежал как угарелый из раздевалки поделиться с Беттой новостями. Я не мог сдержать счастья!

В тот день, когда уже стоял на поле, я долго и пристально посмотрел на партнеров. Среди них были Оливейро «Gus» Гарини, лучший бомбардир Серии В. Там был Джулиано Фьорини, элегантнейший хавбек. Миммо Казо, хитрый ветеран. Оглянувшись на гостевой сектор, я увидел своих друзей из Irriducibili. Каких–то 4 месяца назад я стоял с ними плечо о плечо. Тогда мои одноклубники были просто идолами для меня, выкрикивал их имена до осиплости в голосе. Сейчас мы равны и по одну сторону баррикад.

Я играл не только среди своих героев, но и с закордонными звездами. Видел двух уругвайцев, Рубена Соса и Хосе Гутьереса, которые не так давно играли на Кубке Мира. И я был там, среди них, на одном поле, в идентичных футболках, это было нечто!

Играл я неплохо, на правой бровке, даже босс итальянской молодежки приезжал посмотреть на меня. Спустя два месяца в девятом туре грянуло величайшее испытание из всех — римское Дерби.

Мне выпадала возможность играть в пяти Дерби. Туринское имеет глубокие исторические корни, тогда как миланское, Интер против Милана, возможно, лучшее по содержанию и качеству игры. В Вест Хэм мы играли таких 4–5 за сезон, поэтому это не такое уж и событие, но в играх против Арсенала, Челси или «шпор» мы все равно сгорали дотла на поле.

Римское же Дерби, «Дерби Купола» или Дерби Большого Собора (Святого Петра) — уникально! Разговоры начинаются недель за шесть, предвкушая, приготовления начинаются задолго. Ставки высоки, ничто более не важно. И это правда, что тиффози Ромы и Лацио больше переживают за исходы Дерби, нежели за итоговое место в Серии А.

Большинство из них, конечно, проходили на фоне общего доминирования северных клубов, Рома и Лацио выиграли на двоих лишь четыре чемпионства. И если нет строгой нацеленности на Скудетто, не так уж важно пятым ты закончишь или десятым, в то время как ты можешь взять Дерби и превознестись над «кузенами».

Даже сегодня, когда оба клуба узаконили свои чемпионские амбиции (Лацио защищает Скудетто), накал неумолимо растет. Помню события трехлетней давности, когда мы шли с Ювентусом нос к носу за чемпионством. Юве играл на выезде с Ромой, и что вы думаете, лациале поддерживали злейших врагов? Как бы ни так! Рукоплескали голу Ювентуса! Для многих поражение романистов важней чемпионских притязаний.

Я старался оставаться спокойным, но это было невозможно. Мое сердце выскакивало, когда я выходил на поле. Было так громко, что я мог почувствовать, как шум веса давит на мои плечи. Мой товарищ по команде Рубен Соса был в нескольких метрах от меня, и я мог видеть, как двигаются его губы, но ничего не мог расслышать. Будучи ультрас, я знал, какими громкими, какими страстными могут быть фанаты, но у меня не было и мысли, какой эффект они производят на игроков!

Фанаты Лацио накрыли полностью Курву Норд гигантской мозаикой. Она изображала белое сердце на небесно–голубом фоне. Цвета Лацио, на 100 %. Это отзеркаливало то, что находилось у меня в груди. Я просто уставился на фанатов, даже во время жеребьевки. Мне чудилось, что мое место там, среди Irriducibili. В тот момент я был фанатом на поле, я переживал величайшую мечту, которой любой футбольный фанат мог грезить. И это было даже круче.

Прошло 25 минут, когда наш плеймейкер Антонио Элиа Асербис получил мяч от защитника, Паоло Беруатто, на половине Ромы. Асербис приблизился к середине, справа налево, и отдал диагональный пас Рубену Соса, который находился прямо в штрафной площади, слева от ворот. Соса принимал мяч спиной к воротам, и казалось, что он собирается контролировать его, а вместо этого он сразу же прострелил через штрафную. Я начал бежать сразу, как осознал это. Когда я ворвался в штрафную справа, то наблюдал, как мяч скользит по земле мимо голкипера, Франко Танкреди, и защитника, Себастьяно Нела. К тому времени, как я добежал туда, мяч уже пересек штрафную. Я сильно ударил его, в одно касание. Мяч ускорился от моей ноги, Танкреди вытянул обе руки по направлению к нему, но мощь и неистовство моего выстрела не оставляли шансов отбить мяч. Я наблюдал около секунды за колыханием сетки ворот, а затем я забылся.

Я просто бежал и бежал, прямо по направлению к Курве Суд, где стояли фанаты Ромы. Рев за моей спиной, с Курвы Норд, подстегивал меня. Я пробежал прямо под фанатами, с поднятым пальцем, мое лицо исказилось от смеси экстаза, облегчения и ярости.

Это не было спланировано заранее, это просто было спонтанное извержение. Когда забиваешь гол, подобный этому, в ситуации, которая так много значит для тебя, то не думаешь — все происходит естественно. А если ты страстный и эмоциональный человек, как я, то такой момент даже усиливается и преумножается. Я счастлив, что никогда не выкинул ничего подобного на «Айброксе», когда играл за Селтик. Иначе меня наверно уже не было бы в живых.

Только один игрок в истории подбегал к фанатам Ромы и показывал им однопальцевый жест. Это случилось годами ранее, когда центрфорвард Джорджо Киналья сделал подобный салют в сторону романистов, спровоцировав национальный скандал. Разница была в том, что Киналья являлся ветераном Национальной сборной Италии, в то время как я был двадцатилетним парнем, играющим всего девятый матч за Лацио.

Киналья затем уехал в команду «Нью — Йорк Космос» из Северно — Американской Соккер Лиги, где играл бок–о–бок с Пеле и Францом Бекенбауэром. Позже он даже стал президентом Лацио. Он живая легенда, человек, который навсегда останется в сердцах фанатов Лацио. Забив тот гол, я сразу понял, что тоже останусь навсегда в их сердцах.

Даже сейчас у меня пробегают мурашки по коже, когда думаю об этом. Забить победный гол в Римском дерби значило нечто неописуемое словами, особенно для меня, ребенка, который провел свое детство, путешествуя по стране, чтобы поддерживать свой клуб.

Признаюсь, если бы я закончил с футболом прямо в тот момент и в том месте, я бы все равно чувствовал себя счастливчиком. Радость была так велика, что мне было все равно, прикоснусь ли я к мячу еще раз в моей жизни.

После победы 1:0 все стало иначе. В течение многих месяцев я должен был сохранять бдительность каждый раз, когда выходил из дому. Пока я оставался в Куартиччьоло, я был в безопасности. Район кишел романистами, даже представителями хардкора ультрас Ромы, но я был на своей территории. На самом деле, некоторые из них были моими друзьями, но даже в противном случае я знал, что помощь всегда под рукой.

Совсем другое дело обстояло в остальных районах Рима на протяжении долгого времени. Я подвергался оскорблениям и нападкам несколько раз. Никто не забыл мой гол и, прежде всего, мой способ отмечания.

Это был единственный гол, который я забил в том сезоне, но пресса превозносила меня. Что более важно, так же относились ко мне и поклонники. У меня установилось мгновенное

взаимопонимание с ними, что вполне логично, ведь совсем недавно я был одним из них. Я был героем родного города, местным парнем, который шел вверх и любил эти цвета так же, как и они.

Мы закончили тот год на десятом месте. Неплохо для клуба, который только что вернулся. Сезона 1989–90 начался хорошо, я забил несколько мячей, но к январю дела пошли на спад. Я начал осознавать, что наш президент, Каллери, несмотря на все разговоры о восстановлении Лацио и возвращении былой славы, не имел намерения вкладывать серьезные деньги. На самом деле, он не только не собирался усиливать команду, а наоборот, собирался продать лучших игроков.

Я был достаточно зол от этого, но что вывело меня из себя, заставило почувствовать, как будто кто–то залез мне в грудь и вытащил сердце, стало понимание того, что я и был одним из игроков на продажу. Я ждал всю жизнь шанса играть за Лацио, сражаться с орлом на груди и теперь, спустя всего два года, я должен был уйти.

Мой агент, Морено Роджи, сказал, что мной интересовались несколько клубов, но Каллери уже достиг договоренности с Ювентусом. Официальная цена была 3 миллиона фунтов за трансфер, однако я теперь знаю наверняка, что реальная цифра была близка к 5 миллионам. Это было чертовски много денег в то время! Для сравнения, трансферный рекорд Британии составлял тогда 2.3 миллиона фунтов за Гари Палистера. Тем не менее, я желал остаться в Лацио. Я спросил Морено, что можно сделать в этой ситуации.

«Паоло, ты должен понять, что сейчас ты футболист», — сказал он. «Лояльность к своему клубу — это прекрасная вещь, но ты не можешь быть одновременно и фанатом, и профессионалом. Ты решил стать футболистом, а значит, твой контракт может быть куплен и продан».

Его слова не переубедили меня. Я не хотел покидать клуб. Но было ясно, что Каллери жаждет продать меня. Он нуждался в деньгах. То, что он затем проделал было совершенно нелицеприятным.

Каллери знал, что рано или поздно он добьется своего. Но также знал, что фанаты никогда не простят ему, если узнают, что я был продан против своей воли. Он понимал, что если я выйду и расскажу правду, что верен Лацио и не имею намерения покидать клуб, но Каллери выставил меня на продажу, то дело примет скверный характер. Особенно потому — он был хорошо осведомлен об этом — что у меня были особые отношения с фанатами, и многие лидеры Irriducibili и Eagles являлись моими

личными друзьями.

Тогда он решил сыграть на опережение. Помните старое правило Куартиччьоло: «Бей первым, бей сильно»? Что ж, это именно то, что сделал Каллери. Он заявил через своих людей в прессе, что я недоволен условиями контракта.

В действительности дело обстояло совсем иначе. Мой первый контракт с Лацио должен был закончиться в конце следующего сезона. Моя зарплата была несколько выше, чем у других молодых игроков; это была моя первая надлежащая сделка. Мы пошли поговорить с Каллери, и сразу стало ясно, что у него нет намерения заключать со мной новый контракт. Он уже решил, что продаст меня, поэтому все, что он теперь делал, было направлено на то, чтобы сделать невозможным мое дальнейшее присутствие в клубе.

Для этого он сказал, что моя зарплата должна быть урезана. Его предложение было оскорблением, больше чем оскорблением. Я уже играл за мизерные деньги, и он хотел урезать их еще сильнее. Даже тогда, сказав «Нет», мне пришлось нелегко. Фанат внутри меня готов был играть за Лацио бесплатно, благодарствуя небесам за возможность носить футболку. Но как человек я был унижен. Он даже имел наглость сказать мне, что я не играл хорошо, что клуб недоволен моей отдачей. И это после сезона, в котором я выигрывал свои первые матчи за Under-21 и был героем Curva Nord.

Я отказывался ставить подпись. Я не собирался быть одураченным. Я надеялся, что фанаты сплотятся вокруг меня, и Каллери будет вынужден оставить меня в клубе. Было ошибкой считать, что это получится у меня. Он уже заключил сделку с Ювентусом, а Ювентус всегда получает то, чего хочет. Не говоря уже о том, что игроки редко, очень редко, выигрывают судебные дела против клубов. Игроки приходят и уходят, а клуб остается.

Чтобы избежать волнений, Каллери начал давление. Ему удалось убедить болельщиков, что я попросил выставить себя на трансфер, что я требовал продать меня. Я отбивался. Многие из фанатов стояли на моей стороне, они знали, что я никогда бы не отвернулся от Лацио по доброй воле, и многие из них помнили меня по временам в Irriducibili.

Однако намного проще контролировать общественное мнение, если ты президент большого клуба, нежели просто 21-летний футболист. Давление усилилось, я начал слышать первые оскорбления от некоторых поклонников. Большинство из них по–прежнему были на моей стороне, они отказывались верить тому, что говорилось обо мне, но это становилось делать все труднее.

СМИ не помогли. Давление, особенно в Риме, может быть

огромным. Мне смешно, когда я слышу, как определенные футболисты, особенно иностранцы, жалуются на давление, играя в Премьер–лиге. Очевидно, что эти люди никогда не играли в Италии. По сравнению с Серией А, Премьер–лига — это отдых. Аглийские СМИ могут быть ксенофобскими и агрессивными, но с точки зрения подхода, они далеко позади Италии. В Риме есть дюжина теле– и радиостанций, которые предоставляют всеобъемлющее покрытие Ромы и Лацио. Возьмите в руки Corriere Dello Sport, римское издание, и вы найдете страницы и страницы историй, каждый божий день.

Естественно, ситуация с моим контрактом была выдающейся историей. Каждый хотел знать, что же происходило. Может показаться забавным, но в этом нет ничего ненормального, когда речь идет о римской прессе. Были станции, которые вели живой комментарий с нашей тренировки.

Это было примерно так: «В 10:33 утра Паоло Ди Канио только что припарковал свою машину на стоянке игроков. На нем коричневые брюки и черная рубашка. Он направляется к раздевалке сейчас…»

С такими людьми вы не можете избежать разногласий. Только представьте себе нечто подобное в Англии. Это другой мир.

Каждый день становился более напряженным, приносил все большие испытания. Я начинал нервничать, наступала паранойя. Казалось, что куда бы я ни пошел, везде были слухи, шепот, злословие. В этом не было никакого смысла. Все что я хотел, было желание играть за Лацио, а теперь, из–за богатых и влиятельных людей и их закулисных сделок, моя мечта уходила от меня.

Моя голова начинала кружиться, были времена, когда я чувствовал тошноту, думал, что мир вот–вот раздавит меня. Болельщики Лацио разделились из–за моей истории, и я был ответственен за этот раскол в сердце клуба. Я знал, что это не было моей виной, но я все еще был катализатором, и это убивало меня изнутри.

Я начал страдать обмороками и приступами паники. Я приходил в ужас, и я понятия не имел, что же происходит. Однажды утром я проснулся и просто не мог встать с постели. Просто не мог двигаться. Я остолбенел от страха.

Мама страшно переживала.

«Паоло! — умоляла она меня. — Пожалуйста, вставай, вылезай из постели. Скажи мне, что с тобой, что случилось?»

Мои губы двигались, но я не произносил ни звука. Я просто ничего не мог с собой поделать. Бедная женщина. Прошло меньше двух лет с тех пор, как я получил травму, едва не

стоившую мне ноги. И вот новая беда. Она видела, как страдает ее ребенок, но знала, что не в силах мне помочь.

А я думал, что скоро умру. Мне и вправду так казалось. Я никогда не знал, когда случится следующий приступ паники. Когда это происходило, у меня начинала кружиться голова, я чувствовал, как из легких выходит воздух, в глазах темнело. Я был полностью разбит физически и морально.

В «Лацио» тоже беспокоились за меня. Я превратился в развалину, мои действия были непредсказуемы. В любой момент я мог упасть в обморок, и я потерял много веса. Я всегда был худым, но сейчас у меня был изможденный, болезненный вид, и я был не просто худой, а костлявый, как будто последние шесть лет провел в концлагере.

Клуб направил меня к психотерапевту, но безрезультатно. Затем они попробовали еще один вариант — врача, специализировавшегося на нервных срывах. Он работал в Трастевере, на другом берегу Тибра. Я помню, как мы с братьями Антонио и Джулиано ездили к нему. Это был сущий кошмар. В машине я почувствовал приступ клаустрофобии, мне хотелось кричать, я не мог дышать. Как только машина остановилась, я выскочил из нее и со всех ног побежал по улицам Трастевере. Не понимаю, почему я так сделал. Наверное, потому что в состоянии стресса бег иногда помогал моему сознанию очиститься. Я бежал и бежал, пытаясь избавиться от дурмана и демонов в голове, от слухов, заполонивших Рим, мой город, и особенно «Лацио», мой клуб.

Я понятия не имею, куда бежал, я только знаю, что моим братьям понадобился почти час, чтобы меня отыскать. Мы опоздали на прием к врачу, но это не имело значения. Он осмотрел меня, но это тоже оказалось пустой тратой времени. Он сказал, что у меня сильная депрессия, хотя это и так было понятно, и прописал еще больше таблеток, от которых не было никакого толку. Ничто не могло мне помочь.

Моим спасителем стал Фаусто, отец Бетты. Он нашел для меня экстрасенса. Я об этом раньше никогда не рассказывал. Я не верил в силу гипноза в то время, и по–прежнему не верю. Мне кажется, что все эти чары, колдовство и внушения — просто глупость.

Мне не хотелось бы делать той женщине–знахарке какую–то рекламу, потому что я не знаю, как она добилась нужного эффекта, и сработает ли ее метод на других. Я только знаю, что эта женщина избавила меня от всех моих проблем и, можно сказать, спасла мою карьеру.

Ее звали Лучана и она жила в большом доме в деревне в

нескольких милях от Терни. Ей было чуть больше пятидесяти, и у нее было три ребенка–подростка. Когда я приехал, она отвела меня в комнату в задней части дома и уложила на кровать.

Она сразу сказала мне: «Паоло, не думаю, что ты болеешь. Ты только весь пропитан негативной энергией».

Не касаясь меня, она поместила свою руку ладонью вниз где–то десять сантиметров над моей правой рукой. Я мгновенно почувствовал слабость в правой части тела. Это напоминало карточный домик, когда из него извлекают нижнюю карту, или полную воды ванну, когда открывают слив. Все как будто рухнуло, как будто ничего и не было. Я чуть не свалился на пол, и мне пришлось сделать усилие, чтобы не потерять равновесие. Затем я без сил упал на кровать.

Она стала прикасаться к моему лбу, груди, другим частям тела. Я чувствовал, что что–то происходит. Не стану говорить, что это выходила негативная энергия из моего тела, потому что эта фраза из лексикона новомодных астрологов и экстрасенсов звучит как–то смешно и нелепо. Лично я не верю во все эту чушь.

Все, что я знаю — это действительно сработало. Месяц приема пилюль и посещений психотерапевта прошел впустую. А вот один визит к этой женщине сразу принес мне пользу.

Я еще раза четыре или пять к ней ездил. Каждый раз все повторялось точь–в–точь и длилось полчаса. В последнее посещение она заявила, что я теперь здоров, однако мне нужно сделать еще один важный шаг.

«Паоло, представь свою комнату в Риме, — попросила она меня. — У тебя должна быть некая вещь, сделанная из шерсти, с рисунком в клеточку. У тебя есть еще одна вещь с рисунком автомобиля на ней, и третья — в виде металлического шара».

Я представил себе свою квартиру в Риме, мысленно окинул взглядом спальню, и кровь застыла в моих венах. У меня действительно была шерстяная шляпа с рисунком в виде красных и черных квадратов, которую я купил несколько лет до того в Вероне. На моем одеяле действительно было изображение гоночного автомобиля, а в спальне стоял кубок в виде футбольного мяча, которым меня наградили в детстве.

Откуда эта женщина могла знать об этом? Она никогда не была в доем доме. Родители Бетты также не могли ей ничего рассказать о том, что было в моем доме в Риме. Бетта даже не знала ее. Как такое возможно?

Мне неудобно размышлять об этом, потому что, как я сказал, я не верю в магию и мистицизм. Однако она не только исцелила меня, но также знала обо мне вещи, которые никто кроме меня не знал. Жуть.

«Паоло, ты должен сжечь шляпу и одеяло, — сказала она мне. — Что касается трофея, принеси мне его — и я позабочусь о нем».

Я сделал, как мне было велено. Она не попросила у меня и лиры в качестве оплаты. Все это она сделала бесплатно, сказав, что у нее дар, которым она хочет поделиться. Во всяком случае, это единственная вещь, которая заставляет меня верить ей. А также тот факт, что после посещения ее сеансов я стал чувствовать себя намного, намного лучше.

Хотя моя депрессия прошла, дела в Риме не стали лучше. На самом деле, все только ухудшилось. Из–за болезни я пропустил три матча, но когда вернулся в команду, позиция Каллери не изменилась. Он рассказал мне, что дело сделано, я был продан Ювентусу, и у меня нет шансов что–то поменять. Мне оставалось смириться с реальностью рано или поздно. Но результат не изменится.

Я был мужественен, но у меня не было выбора. Он сыграл жестко, настроив некоторых фанов против меня. В глубине души я знал, что нельзя оказать влияние на менеджмент и надеяться выиграть, особенно в ситуации, когда хочешь остаться. Есть способы потребовать трансфер, но принудить клуб оставить тебя, когда они этого не хотят, практически невозможно. Нехотя я смирился с судьбой.

Однажды ночью, через некоторое время, я был на площади Piazza di Spagna, на Испанских ступеньках, с двумя друзьями, Бруно и Антонелло, которые были, по иронии судьбы, фанами Ромы. Было около полуночи, мы находились в машине Бруно, пытаясь проехать по узким улочкам вокруг площади, когда люди из машины впереди узнали меня. Они притормозили неподалеку от нас и высунулись из окна, чтобы оскорбить меня.

«Эй, ублюдок!», — они прокричали. «Ты, гребанный лациали! Вылазь из машины, и мы тебя проучим!»

Так продолжалось в течение несколько минут. Мы не могли куда–то свернуть, не было поворотов на нашем пути, и было слишком тесно, чтобы объехать их. К тому времени все, за исключением водителя, повысовывались из окон, делая непристойные жесты и угрожая нам.

Дело принимало скверный характер. Я знал, что, если они выскочат из машины и атакуют нас, последнее место, где мы бы хотели застрять, была машина Бруно. Надо было придумать что–то получше, немедленно. Я вспомнил урок, заучивший в Куартиччьоло: «Бей первым. Бей сильно».

Так мы и сделали. Бруно нажал на тормоза, мы выскочили и бросились на машину впереди нас. Мы вытащили оппонентов из

их машины — и началось. Их там было четверо, но они не ожидали от нас таких решительных действий. Полетели кулаки, и я был в гуще событий.

Мы хорошенько поколотили друг друга, как вдруг прозвучали полицейские сирены.

«Убирайся отсюда, Паоло!», — заорал Бруно.

Я заколебался. Мне не хотелось оставлять товарищей в середине драки.

«Кому сказал, убирайся!» — Бруно прокричал еще раз. «СВАЛИ ОТСЮДА!»

Я повернулся и убежал. Бруно был прав. Я был связан с Ювентусом. Если бы инцидент как этот просочился в прессу, я бы пропал. Ювентус был чересчур жесток в этом плане. Они не хотели никаких споров и сплетен вокруг своих игроков. Если бы стало известно, что Паоло Ди Канио был арестован за нападение на кого–то в центре Рима, со мной было бы покончено.

Я спрятался в ресторане за углом и ждал вестей. Полицейские арестовали Бруно, Антонелло и тех парней, забрав в участок. Бруно и Антонелло были готовы взять мою вину полностью на себя. Так получилось, что этого не понадобилось.

Как только они были схвачены, те парни прокричали: «Паоло Ди Канио, футболист, был с ними! Он напал на нас, но скрылся! Вы должны найти его!»

Они были в истерике, и полицейские посмотрели на них, как на сумасшедших.

«Я не видел Ди Канио нигде, поэтому не собираюсь его арестовывать», — сказал один из копов. «Но если у вас есть что сказать, расскажите в участке, когда мы будем оформлять бумаги. А пока ЗАКРОЙТЕ РТЫ!»

Бруно и Антонелло были помещены в камеру вместе с теми парнями, с которыми мы дрались, и сразу же начали обрабатывать их. Мои товарищи не стали ходить вокруг да около: они были не теми людьми, с которыми вам хотелось бы связываться.

Они схватили одного из парней и ударили его об стену.

«Полагаю, вы хотите выйти отсюда живыми, поэтому предупреждаю, что вам лучше забыть о Паоло Ди Канио», — Бруно пригрозил. «Вы не видели его. Его там не было. На самом деле, вам лучше забыть о выдвижении обвинения или вообще о сегодняшнем инциденте. Сделайте, как вам говорят, и мы все сможем вернуться домой и забыть об этом. Выдвинете обвинение, упомяните Паоло Ди Канио — и вас вывезут отсюда в мешках».

Как я сказал, Бруно и Антонелло выглядели людьми, которые могли осуществить свои угрозы. Никаких обвинений выдвинуто

не было, они просто сказали, что это было недоразумение, небольшая перепалка, ничего более. Спустя несколько часов их освободили, и они пришли за мной к ресторану. Я сидел все это время там, весь на нервах.

Учитывая этот инцидент и обстановку в Лацио, я пришел к выводу, что, вероятно, переход не был таким плохим событием. В конце концов, Ювентус был крупнейшим клубом Италии, если не Европы. Я бы получил больше денег и перешел на ступень выше. Кто знает, возможно, однажды я смог бы вернуться в Лацио. Я не был в восторге, но смирился.

Глава 5
«Тебе конец, Ди Канио!»

Иногда распадаются даже династии, и тогда их приходится восстанавливать. «Ювентус», с которым я подписал контракт летом 1990-го года, был именно таким клубом.

Из всех итальянских команд туринцев можно смело называть королевским клубом. Известный как «Vecchia Signora» или «Старая Синьора», он завоевал титулов больше, чем любая другая итальянская команда. В восьмидесятых «Ювентус» выиграл четыре скудетто, стал обладателем Кубка Италии, Кубка обладателей кубков, Кубка УЕФА, а также победил в клубном чемпионате мира. Грандом владеет семья Аньелли, которой принадлежит крупнейшая итальянская компания — «ФИАТ». Одним словом, «Ювентус» — синоним мощи, власти, которой могут похвастаться только сильные мира сего.

Но времена изменились, и, несмотря на выигрыш в 90-м Кубка УЕФА, удовлетворения от выступления клуба не было и в помине. Требовалось обновление на всех уровнях. Лука Кордеро ди Монтедземоло, человек, прославившийся удачной организацией чемпионата мира 90-го года (сейчас возглавляет «Феррари»), назначили вице–президентом, предоставив ему практически полную свободу для создания новой команды. Его первым шагом стало приглашение экстравагантного Джиджи Майфреди на пост главного тренера.

Майфреди был необычной личностью во всех отношениях. Бывший торговец шампанским, он воспринимался многими как футбольный мечтатель. Этот тренер произвел настоящий фурор в итальянском футболе, выведя «Болонью» в Серию А, а затем два сезона подряд удерживая ее на достойном месте в середине турнирной таблицы. Но самое большее впечатление производили не столько результаты, которых ему удалось добиться, сколько то, как играли его команды. Это было нечто фантастически захватывающее: Майфреди исповедовал исключительно зонную защиту, где каждый игрок мог свободно подключаться к атаке, ему не требовались полузащитники, и все футболисты могли принимать участие в атакующих действиях.

За таким футболом было очень интересно наблюдать, но главное — подобный стиль полностью шел вразрез с итальянскими футбольными принципами. Традиционно для итальянцев результат важнее всего прочего. Лучше играть плохо и выиграть 1:0, забив на 93-й минуте с пенальти, заработанном

при помощи симуляции центрфорварда, чем провести прекрасный матч и завершить его вничью 3:3. У Майфреди было собственное мнение. Он считал, что команда должна атаковать с первой до последней минуты, чтобы на ее игру было приятно смотреть. Атака для него была превыше всего.

Я все еще скучал по «Лацио». В глубине души я спрашивал себя, не могло бы у меня все–таки что–то получиться с ними. Но я понимал, что дело зашло слишком далеко, что римский воздух по–прежнему оставался для меня чересчур грязным.

Помню дождливый вечер в августе, в Турине. Я еще не нашел квартиру и жил в гостинице. Бетта приехала ко мне на несколько дней. Мы заказали еду в номер, включили телевизор и стали смотреть предсезонный товарищеский матч между «Лацио» и «Миланом». Во мне проснулся болельщик, я начал кричать, подбадривать, как вдруг что–то заставило меня замолчать.

Сначала я думал, что мне просто почудилось. Но потом я прислушался, и даже среди шума на стадионе разобрал слова, которые распевали фанаты.

«Pezzo di merda! Di Canio, pezzo di merda! Pezzo di merda!»

Они пели хором «Кусок дерьма! Ди Канио — кусок дерьма! Кусок дерьма!» на мотив знаменитой песни «Guantanamera».

И это были мои фанаты. Мои фанаты! Мои друзья, братья. Если бы я не стал футболистом, я бы мог сидеть рядом с ними на трибуне!

А сейчас они смешивали меня с грязью. Каллери удалось убедить их в том, что я предатель, что я повернулся к ним спиной.

Чувства переполнили меня, я разрыдался, как ребенок. Я плакал и плакал, не в силах остановиться. Если бы только они знали правду, если бы только я мог сказать им, как хочу быть там, с ними.

Это была настоящая истерика. Бетта пыталась меня успокоить. Не будь ее рядом, не знаю, что бы я сделал. Тот вечер стал одним из самых мрачных моментов в моей жизни. Раньше каждый раз, когда я чувствовал боль, я одновременно ощущал и гнев. Как бы сильна ни была боль, гнев был сильнее, и он помогал мне справиться с болью. Сейчас же я ощущал только боль, чистую боль.

На следующий день я позвонил лидерам ультрас «Лацио»: главам группировок «Irriducibili» и «Eagles». Они объяснили, что песню распевала всего кучка фанатов, хотя их и было хорошо слышно. Это были люди, поверившие Каллери на слово. Лидеры группировок заверили меня, что подобное больше не повторится.

Хотя я по–прежнему переживал, я понимал, что нужно

двигаться дальше. Приближался новый сезон, который мне предстояло провести в величайшем итальянском клубе, и я просто не имел права упускать такой шанс.

«Ювентус» сильно нуждался в обновлении, и перемены обещали быть радикальными. Майфреди получил абсолютную свободу в выборе игроков, и долго не думая, стал налево и направо тратить выделенные ему средства.

Кроме меня, тем же летом был приобретен Роберто Баджо, прекрасно отыгравший на только что закончившемся чемпионате мира 90-го года; Массимо Орландо, выступавший за сборную футболистов до 21 года, которого многие сравнивали с легендарным бразильцем Зико; и звезда немецкой сборной на чемпионате мира Томас Хеслер. По амплуа мы все являлись игроками атаки, и должны были присоединиться к группе форвардов, в которую входили сборники Тото Скилачи, лучший бомбардир чемпионата мира, и Пьерлуиджи Казираги.

С последним мы жили в одной комнате, и это самый добрый, отзывчивый человек, которого я когда либо встречал в мире футбола. В первый год мы были неразлучны. У меня мурашки по телу, когда вспоминаю, что произошло с ним потом. Он только что переехал в Лондон и готовился начать карьеру в английском футболе, когда, спустя каких–то два месяца, всему внезапно пришел конец.

Опасность получить травму существует постоянно. Если ты профессионал, с этим нужно смириться. Хуже всего, когда больше не можешь делать то, что делал раньше. Подумайте. У футболистов жизнь не такая, как у обычных людей. Начиная с четырнадцати лет (а иногда даже раньше) у нас одна цель — стать профессионалом. Мы многим жертвуем, нам часто не хватает времени на общение с друзьями, на учебу, семью. Все подчинено главной цели. И вот, едва достигнув ее, мы в одночасье теряем все, чего добились.

Кроме психологических проблем, страдает и материальная сторона. Это может показаться смешным, ведь некоторые игроки зарабатывают миллионы фунтов в год. Но на самом деле таких футболистов единицы. Многие из нас ушли из школы в раннем возрасте, чтобы сделать карьеру в футболе. Не все могут похвастаться школьным аттестатом, а закончивших университет можно пересчитать на пальцах одной руки. После ухода из футбола у нас остается минимум возможностей заработать себе на жизнь.

Как бы там ни было, Казираги повезло. Он сделал успешную карьеру, у него прекрасная семья, и ему, наверное, больше не придется беспокоиться о том, как обеспечить своих родных и

близких. А как же другие? Как же футболисты из низших лиг, которым приходится заканчивать карьеру в 23 или 24? Что ждет их?

Я думаю, что знаю цену деньгам, если учитывать мое происхождение. Я знаю, что футболисты невероятно счастливы уже только потому, что могут зарабатывать, посвящая себя игре, которую любят. И все же стоит помнить, что неспособность обеспечить свою семью — самое худшее, что может произойти с мужчиной. Подобное случается и с футболистами.

Мы живем в материальном мире. Нас оценивают по тому, что у нас есть, чем мы владеем. Возможно, это неправильно, но это правда. Почему медсестра, работая по двенадцать часов шесть ночей подряд, зарабатывает в год меньше, чем поп–звезда или модель за день?

Материальные ценности важны. Это мерило, по которому общество определяет, чего ты стоишь как человек. Если ты мужчина, твой главный инстинкт — завести семью. Насколько хорошо ты можешь ее обеспечить, становится критерием для оценки того, как хорошо ты справляешься со своими отцовскими обязанностями. Может, это не единственный критерий, но он важен. Несчастен тот отец, дети которого голодают, или не имеют того, что имеют их соседи. Достоинство и уважение — ценности, которые обычно важнее в сто раз, в таком случае просто утрачивают свое значение. А для футболиста, чья карьера внезапно обрывается в двадцать лет, это просто смертельный удар. С другой стороны деньги, которые ты зарабатываешь, делают жизнь комфортной. Они открывают перед тобой двери, дают тебе возможности, позволяют тебе окружить себя прекрасными вещами.

Было бы лицемерием с моей стороны утверждать, что футболисты зарабатывают слишком много. Мы получаем столько, сколько люди готовы нам платить. Мне бы очень хотелось жить в совершенном мире, где люди находятся в гармонии друг с другом, где они счастливы, делятся всем друг с другом, и не покладая рук трудятся для всеобщего блага. Но это был бы коммунистический мир, а история доказала всю несостоятельность коммунизма. Мы живем в капиталистическом обществе, и я думаю, правильно, что тот, кто обладает способностями, много работает и дает результат, получает за свои старания материальное вознаграждение. Если говорить о недостатках нашего общества, наверное, стоит признать, что многие не имеют возможности показать, чего они стоят, и не получают шанс добиться успеха. Но это уже другой вопрос, который не имеет отношения к заработку футболистов.

Конечно, многие привыкли к определенному стилю жизни, и иногда теряют связь с реальностью. Я знаю иностранного футболиста в Премьер–лиге, машину которого задержали на таможне, когда он приехал в Англию. Не хочу раскрывать его имя, чтобы не ставить его в неловкое положение. Ему нужен был автомобиль, так как на свою машину он мог рассчитывать только через три месяца. Наш общий знакомый предложил напрокат свой «Фольксваген Гольф» на это время, но его предложение было категорически отвергнуто.

«Черт возьми, что я буду делать? — сказал мне этот футболист. — Разъезжать в крошечном «Гольфе»? Да надо мной смеяться будут. Я же профессиональный футболист. Я не могу допустить, чтобы меня видели в «Гольфе».

И парень предпочел потратить тысячи фунтов на аренду «Мерседеса». Мне такой подход кажется просто глупым. Это пощечина для обычного человека.

У меня «Ягуар», что, возможно, кому–то покажется излишеством. Но я купил его, потому что он мне нравится, а не потому, что я хочу, чтобы люди видели меня в нем. Если бы я захотел покрасоваться, я бы выбрал «Феррари» или «Ламборджини». Я могу их себе позволить, но эти машины не вызывают у меня таких чувств, как «Ягуар». Я купил его, потому что автомобиль для меня — нечто, чем следует восхищаться, как женщиной, это произведение искусства или памятник. Машины это тоже памятники, памятники, построенные людьми.

Конечно, все это было далеко от моих размышлений в первый мой сезон за Ювентус. Я лишь беспокоился о том, как мы будем выступать в Серии А. Команда была высококлассная, заостренная на атаку, мы знали, что будет весело. Даже наши защитники любили атаковать. Чтобы укрепить оборону, Майфреди приобрел игрока бразильской сборной Жулио Сезара и двух игроков из своего старого клуба Болоньи Марко Де Марки и Джанлуку Луппи. Все идеально укладывались в его систему, поскольку им нравилось бежать вперед и пасовать, и это было полностью в стиле Майфреди.

Он был большим, забавным мужиком, для которого веселье было на первом месте. Футбол — это игра; воспринимать его как игру, значит, по его мнению, идти к успеху. Он не стеснялся ставить на игру в одно время Казираги, Баджо, Скилаччи, Хасслера и меня — это было шоу. Представьте себе «Ньюкасл» Кевина Кигана в энной степени.

Были времена, когда мы разрывали соперника, который просто не мог добраться до мяча. Проблемы случались, когда мы плохо оборонялись. Это просто не являлось частью менталитета

тренера. Я играл на правом фланге. В теории, все атакующие игроки должны были принимать на себя часть оборонительных функций; на практике же, так как я был самым молодым, угадайте, кому приходилось постоянно бегать назад и забирать мячи?

Тем не менее, я не возражал, потому что Майфреди удавалось все делать с удовольствием. Мы обогнали конкурентов в первой половине сезона и шли на первом месте в Декабре. Ни один топ–клуб Италии не играл таким образом, а попросту говоря, никто не знал, что с нами поделать.

В середине сезона я также стал невольным героем одного из самых леденящих и широко обсуждаемых инцидентов в итальянском футболе. Мы играли с Болоньей, бывшим клубом Майфреди, и Тото Скилаччи имел несколько стычек с полузащитником Болоньи Фабио Поли. Это не было чем–то из ряда вон выходящим, обычная борьба за мяч, но Скилаччи необычайно был напряжен в тот день. Незадолго перед перерывом был еще один случай, когда оба пошли на свободный мяч.

Скилаччи поднялся и оскорбил Поли, который также закричал в ответ. Пока они оба уходили с поля на перерыв, угрожали и оскорбляли друг друга.

Вдруг Скилаччи повернулся и выкрикнул: «Я убью тебя! Ты понял? Я застрелю тебя! Застрелю прямо здесь на поле!»

Поли замер как вкопанный. Он был потрясен. Я был рядом со Скилаччи, схватил его и потащил прочь.

«Что ты нах…й сказал!» — закричал я. «Заткнись к чертям! Ты понимаешь, что ты только что сказал?»

Поли не стал молчать после матча. Он был искренне расстроен.

«Если бы он просто сказал, что собирается меня убить, я бы смирился», — рассказывал он СМИ. «Но он сказал, что собирается пристрелить меня. Это совсем другое! Я не мог поверить своим ушам!»

Действительно из уст Скилаччи эта фраза приобретала угрозу. Это может быть не справедливо по отношению к нему, но все знали, что он родом из Палермо, столицы Сицилии и, к сожалению, мафии. Его слова прозвучали тогда, когда двое видных судей по борьбе с мафией были убиты. Напряжение было высоким. Фаны–соперники регулярно называли его мафиозо, что не было правдой, но инциденты как этот не оказали ему услуги.

СМИ обезумели. Я также был шокирован и огорчен. Бог его знает, я наверно угрожал убить немало людей в свое время, но Поли был прав: есть разница между тем, чтобы говорить, что собираешься убить кого–то, и тем, чтобы говорить, что ты

застрелишь его. Меня расстроило то, что даже в 1990х парень вроде Скилаччи мог сказать нечто подобное. Меня опечалило то, что он не смог уйти от своих корней, перерасти ментальность мафиозо.

В Италии существует напряженность между Севером и Югом. Север видит Юг ленивым и коррумпированным, Юг считает Север надменным и подлым. Будучи римлянином, я оставался посередине. Я мог понять обе точки зрения, хотя наверно имел немногим больше лояльности по отношению к Югу просто потому, что он был слабее. Может быть, именно поэтому угрозы Скилаччи так сильно ранили. То, что он реально говорил, означало: «Я родом с юга Италии, я мафиозо, остерегайся».

Так или иначе, вместе с Майфреди мы были частью величайшего тактического эксперимента, когда–либо видимого в Серии А, и мы ощущали себя подобно новаторам, пионерам. Увы, все развалилось. Возможно, это было неизбежно, что рано или поздно соперники найдут решение, как остановить нас. Нельзя играть всегда по мнимой схеме 4–1–5 (или 2–3–5 на самом деле, поскольку наши защитники, по сути, играли крайних беков), и мы понесли расплату.

Мы вошли в штопор и не смогли вывернуться. Майфреди пытался что–то придумать в конце сезона, но было слишком поздно. Все стало понятно. Ювентус закончил чемпионат 7-м. Это был четвертый худший результат команды в истории, и, что более важно, впервые за 29 лет команда не квалифицировалась в Европу.

Для многих других клубов это был бы просто ужасный сезон. Для «Ювентуса» же это был тотальный провал и настоящая трагедия. Великий эксперимент Майфреди пошел коту под хвост. Вместо того, чтобы смотреть вперед, клуб сделал поворот на 180 градусов и смотрел в прошлое.

Легендарный Джованни Трапаттони был приглашен в качестве тренера. Трапаттони не просто успешный тренер — он национальное достояние. Будучи игроком, у него была долгая и славная карьера в «Милане», он стал известным по встречам с Пеле. Но именно как тренер он достиг бессмертия.

Его первое пребывание в «Ювентусе» длилось 10 лет, до 1986 года. За эти десять сезонов он выиграл скудетто шесть раз и дважды становился вторым. Он также выиграл Кубок Чемпионов, Кубок Обладателей Кубков, Кубок УЕФА, Суперкубок Европы, Чемпионат мира среди клубов и два итальянских кубка. Покинув Ювентус, он провел 5 лет в «Интере», выводив команду в Топ-3 четыре раза, выиграв Кубок УЕФА, а в сезоне 1988–89 завоевав скудетто с рекордным количеством очков.

Сейчас он тренирует сборную Италии. Проще говоря, он был живой легендой и остается ею до сих пор. Только Джок Стейн и Сэр Алекс Фергюсон выиграли больше трофеев, чем он, и, при всем уважении, большинство из них они оба взяли в Шотландии, чей чемпионат не идет в сравнение с итальянским.

Я знал, что должен был внести корректировки в свою игру, чтобы заиграть у Трапаттони. Во многих отношениях он и Майфреди были диаметрально противоположны. Трапаттони принадлежал к старой школе, он верил в защиту, в использование слабых мест соперника, в выжидание своего шанса. Если Майфреди был стритфайтером, который бросается вперед, то Траппатони больше похож на бойца дзюдо, который использует силу оппонента против него.

Трапаттони откинул наступательный стиль Майфреди. Он подписал всего двух игроков, и оба они были немецкими защитниками: Юрген Колер и Штефан Ройтер. Это говорит о многом.

Мне отводилось мало места в его построениях, поскольку он уже согласовал своих трех звездных нападающих. Баджо, Казираги и Скилаччи — все они были игроками итальянской сборной. Я начинал на лавке 23 матча из 34. Трапаттони не принимал идею, чтобы добавить в полузащиту талантливого игрока, когда у него уже были три форварда на поле. Так что мне оставалось подменять кого–то из нападающих, как правило, на пол–игры. Такое случалось 16 раз за тот сезон.

Расстраивало то, что, когда я выходил на замену, у него был длиннющий список тактических обязанностей для меня. По сути, он хотел, чтобы я играл защитника в середине поля. Это типично для итальянских тренеров, они считают, что техническая возможность и тактическая дисциплина — это все. Только позже, когда я перешел в Селтик, я по–настоящему осознал ценность страсти и преданности. Я всегда был страстным и преданным, но в Италии эти качества воспринимались как негативные черты, и только в Британии я понял, насколько решающими они могут быть.

Все было иначе в Италии. В «Ювентусе» Трапаттони выпускал меня на поле с очень подробными инструкциями. Я был привязан к маленькому квадрату справа на поле. Я отвечал за него, и не дай Бог мне выйти на шаг из него! Ассистенты Трапаттони следили за каждым моим движением; в момент, когда я отходил со своей позиции, даже если мяч был на другой стороне поля, они сразу сигнализировали начальнику. Тогда Трапаттони подзывал меня, обычно с помощью свиста. Это был один из его фирменных приемов: он мог свистеть громко и пронзительно. Так, что ты не

можешь не услышать. Он привлекал внимание игрока и яростно жестикулировал, после чего тот понимал, что ему лучше вернуться. Это заставляло чувствовать себя похожим на собачку.

Я не был против возвращения назад, чтобы помогать защите. На самом деле это подхлестывало меня. Я заметил, что фаны в Англии, особенно Вест Хэма, любят, когда нападающий вроде меня, потеряв мяч, бежал назад через все поле, чтобы отыграть его обратно. Это вводило их в исступление и производило на меня такой же эффект. Я не против напряженно работать и защищаться, но в «Ювентусе», а позже в «Милане», дело обстояло абсолютно иначе. Я был органичен, скован кандалами и смирительной рубашкой тактических догм. Оглядываясь назад, я не понимаю, как здравомыслящий тренер может относиться подобным образом к подлинному таланту, каким был я. Я был принесен в жертву богу тактики, и, если бы я не уехал за границу, моя карьера могла быть разрушена.

Мы закончили сезон на втором месте, но отстали от «Милана» на целых 8 очков. По крайней мере, мы поднялись на 5 позиций по сравнению с прошлым сезоном и вернулись в Европу. Не говоря уже о том, что вышли в финал Кубка Италии.

Режим Трапаттони начал приносить свои первые дивиденды, но по–прежнему предстоял долгий путь. Он сказал мне, что у меня будет больше возможностей в следующем сезоне, но мне надо стать сильнее.

«Сынок, у тебя не будет каникул этим летом», — сказал Трапаттони. «Ты будешь рвать задницу и станешь больше и сильнее».

Он отправил меня работать со специалистом, бергамским профессором, на три недели. Интенсивность нагрузок была запредельной, этот человек был жестоким. Я тренировался самостоятельно утром, возвращался на высокопротеиновый ланч (всегда стейк и яйца), а затем запирался в тренажерном зале и поднимал тяжести в течение 4–5 часов. Было очень тяжело, но я не возражал. Я знал, что должен стать сильнее, и я мог видеть результаты. Перед тем, как меня сюда отправили, я был худым и долговязым. Сейчас я по–прежнему худой, но весь в жилах и мышцах. Я не знаю, смог бы прежний Ди Канио выжить в Премьер–лиге, но новый Ди Канио любит физические аспекты английской игры.

Моя новая физическая форма была не единственной темой для разговора в тренировочном летнем лагере «Ювентуса». Воодушевленный нашим успехом в прошлом сезоне, клуб побежал на летний трансферный рынок, скупая таких игроков, как Дино Баджо, Дэвид Платт, Фабрицио Раванелли, Энди

Меллер и, прежде всего, Джанлуку Виалли.

В общей сложности в команде находилось двенадцать действующих или потенциальных игроков итальянской сборной вдобавок к двум немцам–чемпионам мира — Келеру и Энди Меллеру. А еще за тот «Ювентус» выступали Платт, Хулио Сезар и я. Конечно, конкуренция за места в основном составе предстояла нешуточная, но я был в отличной форме и готов был принять вызов.

Мы с Виалли сразу поладили, хотя двух настолько разных людей, как мы, сложно было отыскать. Виалли — сын зажиточных родителей из Кремоны, богатого городка на севере Италии. Я — парень из рабочего квартала Квартиччьоло. Ему — 28, и он уже добился признания в футбольном мире. Мне — 24, и я все еще пытался реализовать свой потенциал. Он привел скромную «Сампдорию» к чемпионскому титулу, а я до сих пор переживал поражение от «Барселоны», которое мы потерпели в дополнительное время в финале Кубка Чемпионов. Мне еще предстояло выиграть что–нибудь значительное. До сих пор моим самым серьезным достижением в футболе был забитый в римском дерби мяч.

И все же, у нас было и кое–что общее. Хотя бы день рождения: Лука родился 9 июля 1964-го, а я — в тот же день в 1968-м. Мы оба не жалели сил на тренировках, и оба ненавидели проигрывать. И он, и я продолжали болеть за свои прежние клубы: он — за «Сампдорию», я — за «Лацио»,

Мы много времени проводили вместе, наверное, потому что большинство наших одноклубников были женаты, а мы к тому времени еще не успели обзавестись семьями.

Виалли нужно было где–то жить, пока он подыскивал себе постоянное жилище. Так как в моей квартире было полно места, а Виалли терпеть не мог гостиниц, он остановился у меня. Предполагалось, что через несколько дней он переедет, но на деле он задержался больше чем на месяц.

Казалось, он никогда не сможет найти подходящий вариант. Такой уж он, Лука: максималист, которого вечно что–то не устраивает. Ему нужно было не просто уютное, комфортное жилье, он искал идеал.

Виалли — один из тех, кто все должен делать правильно. Если у него что–то не получается идеально, он упорно тренируется, пока не достигнет совершенства. Если добавить к этому, что он всегда бьется до конца и ненавидит проигрывать, можете представить, какого опасного соперника он собой представлял.

Помню бесконечные игры в теннис на тренировочной базе

«Юве» в тот год. Мы играли парами: Анджело Перуцци, Раванелли, Виалли и я. Интересно, что каждый отличался собственным стилем: Перуцци полагался исключительно на силу своих ударов, для Раванелли главным качеством была стабильность, а у меня ключевую роль играли техника и атлетизм. Стиль Луки был технически совершенен. Казалось, он берет уроки или сам всю ночь тренируется. Его стиль, владение телом, удары были безупречны.

Он терпеть не мог проигрывать, поэтому мы обычно продолжали играть, пока он не побеждал. Честно говоря, для этого ему не требовалось много времени. Соперниками мы были приблизительно равными, но победа для него была куда важнее, чем для нас.

Думаю, не будь он таким бойцом и максималистом, вряд ли бы ему удалось добиться успеха в карьере. Да, он великолепный спортсмен с выдающимся талантом, но эти качества нельзя назвать ключевыми. Подняться на вершину, прежде всего, ему помогли желание бороться, трудолюбие и стремление побеждать.

Во многом пример Луки опровергает стереотип, по которому считается, что люди с самого дна всегда готовы работать не покладая рук для достижения поставленных целей, потому что они могут рассчитывать только на самих себя. В таком утверждении много правды: когда у тебя только один вариант, ты идешь на любые жертвы, чтобы добиться желаемого. Проще говоря, тебе нечего терять.

Это относится к большинству профессиональных футболистов. Нужно вложить так много сил для получения результата, что только люди определенного склада характера согласны на это пойти. Основная же масса, видя, что шансы не велики, а работать нужно много, выбирают другой путь. И я их понимаю. Не случайно почти каждый футболист — родом из рабочей семьи. Есть, конечно, исключения — игроки, воспитывавшиеся в относительно комфортных условиях. Это дети бывших профессионалов, такие как Джеми Реднапп, Паоло Мальдини или Фрэнк Лэмпард. Но и здесь есть свои нюансы. Эти парни выросли в спортивной среде, их родители служили им примером, поэтому в некотором смысле им легче было идти на необходимые жертвы.

Виалли, однако, имел все. Он стал звездой в 17, и с тех пор мог ни в чем себе не отказывать. Но он всегда сражался до последнего, его глаза горели, и, казалось, всем своим видом он говорил: «Я работаю на пределе, больше и йоты из себя выдавить не смогу». И это было действительно так. Лука был просто зверь — пример для всех нас.

В первый сезон в «Ювентусе» у Трапаттони родилась гениальная идея передвинуть Виалли из нападения в центр поля. Тренер считал, что с его силой, видением поля и умом футболист может стать прекрасным диспетчером. Но главное — этот ход позволял Трапаттони в полной мере задействовать своих звездных нападающих: Баджо, Раванелли и Казираги. Такая смена амплуа представлялась очень непростым заданием для находящегося в середине карьеры футболиста, которого покупали на позицию центрфорварда. Представьте себе: Бобби Робсон просит Алана Ширера сыграть в центре. Какова была бы реакция? Согласился бы Ширер? Смог бы он заиграть на новой позиции?

Мы все были в шоке. Я был одним из первых, кто высказал свое несогласие с решением тренера. Мы попытались переубедить Траппатони, ведь Виалли был нападающим, его место было на острие атаки. Как бы, например, Диего Марадона смотрелся в воротах?

Но Лука не стал перечить. Он просто начал приспосабливаться к новому амплуа. Он не жаловался, не говорил: «Я Джанлука Виалли, величайший нападающий в Италии. На моем счету несколько побед в главных турнирах, и мне не нужно ничего больше доказывать. Я форвард, и если вы не хотите видеть меня на этой позиции, тогда продавайте меня».

У него получилось адаптироваться. Он просто сцепил зубы и стал тянуть лямку. В конце концов, Трапаттони признал свою ошибку, и Виалли провел еще три великолепных сезона в «Ювентусе», завоевав скудетто и Кубок Чемпионов. Смог бы другой игрок, не такой выдающийся, научиться играть на новой позиции так, как это сделал Лука? Сомневаюсь.

Конечно, ничего этого я не знал, когда Виалли впервые переехал ко мне. Вскоре я начал понимать, что живу с причудливым парнем, если не сказать больше.

Например, в первый день, когда он перевозил свои вещи, я покинул квартиру на несколько часов, чтобы у него было время обосноваться. Когда я вернулся, то заметил, что его одежда аккуратно сложена на кухне. По всей кухне: на столе, на барной стойке, на верху плиты — везде.

Я был поражен этой странностью, но подумал, что он просто не имел времени все разложить по своим местам. Прошел день, а затем другой. Вещи Луки по–прежнему умиротворенно располагались на моей кухне.

Это не имело большого значения для нас, поскольку мы всегда ели вне дома и редко даже заходили на кухню, но я все же полагал, что этому должно была быть веское оправдание.

«Лука, — обратился я к нему однажды. — Что–то не так с

твоей комнатой?»

«Нет», — он спокойно ответил.

«Что с твоей одеждой? У тебя недостаточно места в шкафу для вещей? Тебе нужна дополнительная комната для твоих шкафов?»

«Совсем нет. В моей комнате много шкафов».

Я странно посмотрел на него.

«Тогда почему же твоя одежда повсюду на моей кухне?»

«Я ненавижу шкафы, не люблю размещать свою одежду в них. На кухне они проветриваются и, раз мы никогда не готовим еду, это хорошее, чистое место для одежды. Разве это проблема для тебя?»

Он произнес эти слова так, как будто это было в порядке вещей — располагать свои дизайнерские рубашки и брюки на газовой плите.

Но в то же время Лука всегда был одержимым своей одеждой. Он тратил часы перед зеркалом, примеряя и комбинируя. Пойдут ли серые брюки с его кашемировым свитером? Можно ли носить рубашку с тонкой полоской вместе с желтой кофтой или она лучше будет смотреться с кардиганом? Он делал это не потому, что был самовлюбленным, а потому, что был перфекционистом.

Мне всегда нравилась мода. Считаю, что у меня отличное чувство стиля, и я одеваюсь очень хорошо.

Я увлекся модой в 1990 году, когда купил бутик в Терни. Мой друг Джанлука Мунци (в то время он встречался с сестрой Бетты Стефанией) был первым, кто подал мне такую идею. Она выглядела умным вложением. Хотя я был молод и не заработал кучу денег, я знал, что должен начать думать о будущем. Джанлука научил меня многому касательно того, как мужчина должен заботиться о себе и своей семье. С тех пор наши отношения развились до того, что сейчас мы как братья. Бутик был назван «Il Conte», и я принимал участие в выборе стиля, который мы продавали. Мне нравятся классические, английские, Savile Row дизайны — думаю, это предвещало мой переезд в Лондон. Наверно вот почему, Лука так сильно рассчитывал на меня в плане выбора одежды для него. А также тот факт, что он более одержим этим.

Забавно, на самом деле он даже безоружен в некотором роде. Мы собирались раз в неделю, и он постоянно говорил об одежде. Где я взял эти запонки? Может ли он заполучить блейзер, как у меня, но темно–синий, а не светло–голубой?

Думаю, что без меня Лука стал бы жертвой моды. Но вы не услышите от меня жалоб. Он делает много покупок в моем бутике в Терни (как и другие футболисты), так что с точки зрения

бизнеса, он очень выгодный друг.

Другой необычной стороной Луки является его тяга к обнажению. Может быть, если бы я имел тело, как у него, то делал бы то же самое, но я знаю, что нелегко привыкнуть к этому. Он ходил по дому всегда голым, будто это было вполне естественным.

После тренировки мы принимали душ и одевались, в то время как он сидел в чем мать родила, почитывая газету, как будто он носил двубортный костюм, развалившись в читальном зале какого–нибудь клуба джентльменов.

Говорят, он стал более серьезным с начала тренерской карьеры. Я же помню его как неисправимого проказника, постоянно сеющего хаос вокруг раздевалки. Несколькими годами ранее он начал брить голову, и однажды, я помню, он предложил мне сделать то же самое.

«Ты с ума сошел? — сказал я ему. — Я буду выглядеть уродом с бритой головой!»

«Давай — продолжал он. — Я не буду брить твою голову, а просто уберу лишнее по бокам. Ты же знаешь, твои волосы немного растрепаны».

Я должен был предвидеть. Я должен был заметить тот дьявольский блеск в его глазах и озорство, которое выражала его улыбка. Глупо, но я доверился ему.

Он взял машинку для стрижки волос, установил максимальный параметр и выстриг глубокий канал прямо на моей макушке. Волосы посыпались вокруг меня. Вид моих волос на полу взбесил меня.

Я обернулся и закричал: «Какого черта ты делаешь?»

«Ой! — сказал он. — Я проглядел».

Он убедил меня, что теперь было лучше состричь все мои волосы, иначе они выглядели еще хуже. У меня не было выбора, и я разрешил ему. Я пришел в ужас, когда посмотрел в зеркало. Я не узнал себя. Некоторым парням идет такая стрижка. Но только не мне. Моя голова вытянутая и костлявая — без волос она выглядит отвратительно. То есть я выглядел, как один из тех бедных людей из лагерей беженцев.

Виалли также был ответственным за мою первую татуировку. Мы решились одновременно. Естественно, он мучительно думал над своей татуировкой, перебирая все возможные варианты, чтобы она была идеальной. Он набил орла, а я — воина. Это старый, закаленный боями воин, который повидал все на свете.

Думаю, что я увлекся татуировками, поскольку та была первой, но далеко не последней. В «Наполи» я набил орла, но в отличие от Луки, это был орел «Лацио». У меня также появился

еще один воин, но уже верхом на коне. Мне нравится думать, что старый воин, оглядываясь на свою жизнь, видит себя молодым и размышляет о былых сражениях.

В «Милане», после завоевания чемпионства, я добавил татуировку скудетто. Позже, в «Шеффилде», появились буквы «L» и «E» — в честь Людовики и Элизабетты. Когда родилась Лукреция, я добавил еще одну букву «L». Не переживайте, там полно места на моей руке, если у нас появятся еще дети. Мастер обрамил буквы языками пламени. Для меня огонь делает их неизгладимыми и неотъемлемыми.

Я знаю, что это всего лишь символы, но они важны для меня. В конце концов, символ важен настолько, насколько ты предаешь ему значение. И в моем случае, они — это все.

Дополнительная работа, которую я проделал летом, дала свои плоды. Даже с учетом большой конкуренции за места в составе я начинал в основе 19 матчей, и еще 12 раз выходил на замену в тот год. Мы закончили сезон на четвертой строчке, в то время как «Милан» снова взял титул, но мы выиграли Кубок УЕФА, победив дортмундскую «Боруссию» в финале. В сумме я сыграл 45 матчей во всех турнирах того сезона и чувствовал себя ключевым игроком команды.

Однако после лета, когда я вернулся для предсезонной подготовки, я почувствовал, как будто что–то изменилось в моих отношениях с Трапаттони. Он приобрел еще одного правого полузащитника Анджело Ди Ливио. Я был не против здоровой конкуренции, ей–богу, ее было предостаточно в «Ювентусе», но вдруг я ощутил завышенные требования к себе.

Он ничего не сказал мне — просто начал игнорировать меня. Все еще было лето, предсезонные товарищеские матчи, но с каждой игрой становилось хуже и хуже. Однажды мы играли товарищескую игру в Палермо. Один из тех бессмысленных матчей, в которых тренер просто хочет, чтобы каждый побегал вдоволь.

Я начал на лавке запасных, понимая, что мое время придет не ранее второго тайма. Вторая половина игры наступила, и Трапаттони начал выпускать замены. Один за другим игроки первой команды выходили, за исключением меня. Оставалось, наверное, минут 20 до конца, когда он объявил об еще одной замене. Я был готов выйти, но он выпустил одного из ребят из молодежной команды. Затем второго, и третьего.

Я мог понять, что мы были в летнем туре, а это была бессмысленная игра. Я также мог понять, что стаж не играл значения, мы все были равны. Но я был профессионалом, а эти ребята безбородыми юнцами! Я честно исполнял свои

обязанности, однако они вышли раньше меня.

Я был взбешен, кипятясь изнутри. Наконец он выпустил меня на последние пять минут, и я едва успел вспотеть. Я был зол на то, как он унизил меня. Я не мог ясно думать, просто бродил вокруг поля, будучи не в состоянии сосредоточиться.

Когда я уходил, он сказал мне что–то о моей плохой работе в тот день. Меня переклинило.

«Что? — спросил я. — Что ты сказал? У тебя есть наглость что–то мне говорить после того, как ты поступил со мной? У тебя есть дерзость рассказывать мне о моей плохой игре в течение пяти минут после того, как ты вывел меня из себя?»

Я был жестким, но я чувствовал себя полностью униженным его действиями.

Он не мог поверить, что кто–то может сделать ему вызов. В конце концов, он Джованни Трапаттони, наиболее успешный тренер в истории Италии.

«Молодой человек, вам нужно научиться хорошим манерам! — прошипел он. — Очевидно, ваши родители не привили вам манеры цивилизованного человека. Что за люди вас воспитывали?»

Это переполнило чашу. Никто, я имею в виду НИКТО, не оскорблял так моих родителей. Никто. Для меня они были всем, они научили меня жизни, дали мне пример для подражания. Без них, наверное, я бы никогда не покинул Куартиччьоло, был бы уже мертв или в тюрьме. Я не мог позволить кому–то говорить о них в таком тоне.

«Почему бы тебе не пойти к себе в жопу? — я закричал на него. — Мне не нужно это дерьмо от тебя. Кто ты, к чертям, такой, чтобы говорить со мной так? Как ты смеешь говорить о моих родителях, которых ты даже не знаешь! Все что ты умеешь, это трепать нервы другим».

Он посмотрел на меня с выражением смеси растерянности и гнева. Он не знал, как реагировать. Он подходил все ближе и ближе ко мне, как бы пытаясь сделать вызов мне. Я просто сделал шаг навстречу ему и толкнул его так сильно, как я мог. Он полетел назад, приземлившись на сумки рядом с лавкой.

Он был в шоке.

«Тебе конец, Ди Канио! — он выпалил. — Тебя нет! Нет! Ты кончен!»

Я стоял над ним и пристально смотрел.

«Нет, — сказал я с необычным спокойствием. — Я не кончен. Ты не можешь уволить меня. У меня есть контракт. Я сам решу, уходить мне или остаться. И я уйду. Мне надоело твое дерьмо!»

Мои товарищи бросились держать меня. Виалли повис на

одой моей руке, а Жулио Сезар, гигантский бразилец, — на другой. Даже так, имея преимущество, им потребовалось приложить немалые усилия, чтобы сдержать меня.

Я успокоился и не видел Трапаттони несколько дней. Когда мы натолкнулись друг на друга, то сделали вид, будто ничего не произошло. В конце концов, ничего непоправимого не было сделано, Трапаттони был достаточно умен, чтобы понять, что у каждого из нас есть характер, и иногда стычек не избежать. Он был неправ, сказав то, что сказал, но я старался не жить прошлым.

«Ювентус» сохранил инцидент в тайне, но было ясно, что для меня и клуба будет лучше, если я уйду. Была куча клубов, желающих купить меня, но «Юве» желал сохранить свои права. Так что они отправили меня в аренду в «Наполи».

Фанаты были в ярости. Они всегда любили меня, всегда ценили. Они не знали всей истории до сих пор. Для них казалось, что Трапаттони просто предпочел Ди Ливио вместо Ди Канио, и это было непонятно им.

Однако старое правило гласит: игроки приходят и уходят, а клубы остаются. Я принял свою судьбу. В «Наполи» у меня появится больше игрового времени, больше шансов показать, на что я способен.

Я поклялся никогда не возвращаться в «Ювентус».

Глава 6
Бросая вызов Ювентусу

После ухода Марадоны из «Наполи» клуб резко начал сдавать позиции. «Золотой мальчик», или, как его еще называли в Италии и во всем мире, «Золотая нога» (намного чаще, чем «Рука Бога»), принес клубу 2 скудетто, Кубок Италии и Кубок УЕФА, но самое главное, он показал всему миру, что южная Италия может быть лучшей в футболе.

Он был гордостью целого региона. На стадионе «Сан Паоло», наибольшем стадионе Италии, вместительностью в 86,000 человек, частенько не было свободных мест. В каждом доме было особое место поклонения Марадоне.

Уход Марадоны в 1991 году не сопутствовал удаче команды, и «Наполи» это прекрасно осознавал. Клуб был на грани банкротства, а новые судебные запросы показали, что в таком финансовом положении они существуют уже долгое время. Банки и кредиторы поставили ультиматум перед руководством: или продавать игроков, чтобы поднять капитал, или клуб будет закрыт.

В прошлом сезоне (сезон 1992–93 — прим. переводчика) «Наполи» финишировал на 11 месте. Это было худшее выступление клуба со времен домарадоновской эры. Команда должна была двигаться в направлении укрепления позиций, чтобы вновь вернутся в Еврокубки. Напротив, клуб выставил на продажу свои «реликвии», парней, которые играли и побеждали вместе с Марадоной. Тем летом их распустили по клубам: Джанфранко Дзола и Массимо Криппа отправились в Парму, Джованни Галли — в Торино, Антонио Карека вернулся обратно в Бразилию. Единственные из ветеранов остались защитники Джованни Франчини, Чиро Феррара и Джанкарло Коррадини.

Это была полнейшая катастрофа. За неимением денежных средств, клуб восстанавливали малой кровью: брали игроков в аренду (как меня, например), продвигали игроков молодежного состава, выискивали таланты в низших дивизионах. Наиболее удачным было бы назвать нас разношерстным сбродом.

Основу нашей защиты составляли вратарь Пино Тальялатела и центральные защитники Фабио Канаварро и Джованни Биа, которые имели в сумме 4 выступления в Серии к началу сезона 1993–94. Здесь были парни, как я, которые, по той или иной причине, желали получить свой второй шанс. Это были: экс–звезда Under-21 Эудженио Корини (он прибыл в «Ювентус» со

мной в одно время, но так и не сыгрался в команде); Эцио Гамбаро (громкое приобретение «Милана», в дальнейшем был оставлен на лавке запасных); и Серджио Бусо (16-летний нападающий, который забил гол в своем дебютном матче в составе «Ювентуса», но потом пропал в низших дивизионах). Также в составе были два квалифицированных иностранца: Йонас Терн, капитан сборной Швеции, и уругвайский нападающий Даниэль Фонсека, который забил 16 голов в том сезоне.

Не смотря ни на что, мы представляли собой ассорти из опытных ветеранов, рвущегося в бой молодняка, и не нашедших себе место в других клубах игроков. Всеми нами командовал предприимчивый тренер, парень по имени Марчелло Липпи, который вывел из аутсайдеров неизвестную «Аталанту» на 7 место Серии А в прошлом сезоне. Конечно же, Липпи мог тренировать «Ювентус» и завоевывать с ним итальянское первенство и Кубки Лиги Чемпионов и зарекомендовать себя как топ–тренер Европы. Но, на тот момент времени, он был всего лишь молодым наставником, который только делал себе имя.

Мы знали, что это будет битва, бойня на каждом шагу. Мы должны быть полностью преданными своему делу, стать единым целым, если хотим куда–либо пройти дальше.

Уже прошло три недели межсезонья, когда мы осознали, что, будучи единым организмом и управляемые командным духом, нам абсолютно нечего бояться.

Наш капитан, Чиро Феррара, пригласил всю команду пообедать в ресторанчик на набережной, в нескольких километрах от города. Распад его клуба оказывал на него большое давление, но он понимал, что именно на нем лежит большая ответственность за превращение средней группы парней в единый слаженный коллектив.

После обеда, мы отправились в бар, в десяти километрах от ресторана. Каждый приехал на своем автомобиле, и таким образом в пункт назначения мы прибыли с разницей в 5 минут друг от друга. Феррара, Корradини, я и еще несколько парней уже успели заказать себе напитки, как в бар вошел Эцио Гамбарро.

Он был зол и явно чем–то расстроен.

«Что случилось?» — спросил его Феррара.

Поначалу Гамбарро отнекивался, говорил, что «Ничего не случилось, все в порядке…», но ведь было ясно, что не все в порядке. Под прессингом Феррара, Гамбарро в конце концов признался. Дело в том, что из ресторана он выходил последний, и на выходе услышал, что официанты смеются над его носом.

У Гамбарро действительно большой нос и слегка оттопыренные уши. Да он не кинозвезда, но своим внешним

видом вполне доволен. Возможно, в этом нет ничего такого, но никому не нравится, когда над ним смеются посторонние люди.

«Ну все… довольно!» — сказал Феррара, «никто не имеет права высмеивать моих одноклубников. Никто не посмеет насмехаться над игроком «Наполи» и при этом останется безнаказанным. До тех пор, пока я капитан, не бывать этому. Мы должны вернуться и проучить их. Кто со мной?»

Естественно, я в первых рядах вызвался на помощь. Командный дух превыше всего! Взаимное доверие и уважение, осознание, что твой за твоей спиной стоит твой одноклубник — вот в чем сила. В повседневной жизни, командный дух формируется вне времени. Вот такие мы, кучка парней, которые знакомы всего несколько недель, но мы готовы подняться и идти в бой друг за друга. И это здорово!

Феррара встал из–за стола и направился к выходу. И мы друг за другом следовали за ним. Среди нас были даже самые спокойные нравом. Мы были командой, готовой выполнить свою карательную миссию.

К ресторану мы прибыли как раз под его закрытие. Официанты наводили порядок в ресторане, менеджер как раз пересчитывал выручку за день.

Феррара целеустремленно шагал к официантам, мы ни на шаг не отставали от него, как тут же на него набросились весь штат официантов. Они просто искупали его в своих приветствиях и всячески подлизывались. Хоть он и не был богом в Неаполе (этой чести удостоен лишь Марадона, но как минимум приравнивался к святому.

«Парни, вы, когда видите меня, обращаетесь со мной, как с принцем.», произнес Феррара. «Но буквально недавно, за моей спиной вы обидели моего одноклубника. Вы над ним смеялись, его внешний вид вас развеселил».

Официанты нервно зашевелились. Они осознали, что перешли дорогу не тем парням.

Феррара взял за руку Гамбарро и подтащил его к себе.

«Вот это мой одноклубник», продолжил Чиро. «Он заставляет вас смеяться? Вы думаете, он смешной? Ну давайте же, смейтесь, смейтесь над ним! Вы ведь насмехались над ним не так давно».

«Что же вы молчите? Вы чего–то боитесь?»

Официанты стояли, как вкопанные. Даже менеджер отложил свои дела и наблюдал за происходящим с широко открытыми глазами.

«Это — мои одноклубники. Это — моя команда. Это — Наполи. И на вашем месте, я бы уважал всех до единого членов команды. Вы называете себя Неаполитанцами. Сегодня вы

опозорили мой город. Надеюсь, это больше не повториться…»

На этой ноте мы разошлись.

Сейчас это может выглядеть как глупый инцидент, только лишь мужская напыщенность. И тем не менее, этот случай задал тон на весь следующий сезон, это было доказательством, что с чем бы мы ни столкнулись, мы преодолеем все трудности вместе. Мы были как банда, которая охраняет свой район.

Этот случай показал мне другую сторону настоящего лидера. Чиро Феррара столкнулся с проблемой расформирования его собственного клуба, который шел ко дну из–за жадности и некомпетентности некоторых владельцев. У него было огромное количество предложений от более крупных и богатых клубов. Он играл за сборную и был одним из лучших защитников в Европе, он мог бы играть в любом клубе… И тем не менее, он решил остаться здесь и бороться до конца. Именно такие люди и вдохновляют на достижение цели.

У меня с Липпи сразу же сложились хорошие отношения. Он понимал меня, понимал, чем я могу пожертвовать, и понимал, что мне необходимо. Чего еще может желать игрок? Он хотел, чтобы я играл активней на передней линии с самого начала сезона. Я был вторым нападающим, под центрфорвардом Фонсекой. У меня была свобода передвижения, я был волен «творить», такой себе «вольный художник». Редко когда я ощущал себя таким свободным, таким уверенным, уверенным в полном понимании с менеджером.

Однажды он отвел меня в сторону. Я никогда не забуду его слова:

«Паоло, хочу высказать тебе свое восхищение», сказал Липпи. «Я очень скептически относился к твоему приобретению. Мне все говорили, чтобы я внимательно за тобой следил, что Ди Канио — зачинщик беспорядков, Ди Канио недисциплинированный и ленивый. А вместо этого я увидел, что ты наиболее серьезный и обязательный, профессионал из тех, с кем мне приходилось когда–либо работать. Я никогда не встречал никого похожего на тебя».

Мне было приятно слышать это от Липпи, но в тоже время, я понимал, что теперь должен соответствовать этому мнению. Те, кто распускал слухи про меня, либо совсем не знали меня, либо просто завидовали мне. Я не знаю, откуда растут ноги у этой клеветы. Если кто–то хочет назвать меня упрямым или резким, то Бог с ними, возможно, это правда. Но когда дело доходит до тренировок, когда нужно выкладываться по полной каждый день, мало кто может со мной сравниться.

Частично проблема состоит в том, что в Италии клубы хотят

от своих игроков четкого поведения, не задавая лишних вопросов и не проявляя индивидуальность. Если ты не вписываешься в их размеренный режим жизни, то автоматически становишься бунтовщиком. Это отношения прошлых лет, средневековья.

Было ясно, что мы не будем сражаться ни за какие звания, элементарно не хватало качественного уровня игры. Но мы двигались семимильными шагами с начала сезона. Фанаты были изумлены — на Сан Паоло вернулось чудо. Конечно все не так, как во времена Марадоны (другого такого не будет), но определенно было чувство, что дела продвигаются, что мы движемся в правильном направлении.

К весне мы находились на 7-ом месте, и все еще оставался шанс вырваться в зону еврокубков на следующий сезон. 27 марта мы принимали «Милан». К тому времени они проиграли только в одной встрече, набрав 46 очков из 56 возможных, и тешились 9-очковым преимуществом над «Ювентусом». Победа «Милана» гарантированно принесет им титул, имея в запасе 5 игр; даже ничья принесла бы им место в отборочных играх Скудетто (в Серии чемпионство не определяется по разнице голов; если 2 команды финишируют на одной строке, победителя определит очная встреча).

Это была великая игра во всех смыслах. Между клубами «Наполи» и «Милан» до сих пор существовала вражда. В конце 1980-х, Серия А была неким противостоянием между миланскими голландцами (Рууд Гуллит, Ван Бастен и Фран Райкаард) и неаполитанцами Марадоной и Карекой.

До сих пор многие считают, что Скудетто «Милана» в сезоне 1987–88, первое их Скудетто за девять лет и первое в блестящей серии триумфов Капелло — Сакки, досталось нечестно. В том сезоне «Наполи» позволил «Милану» обойти себя за последние туры чемпионата, разбазарив преимущество, которым они владели большую часть сезона. Многие неаполитанцы убеждены, что Каморра, неаполитанская мафия, попросту продала Скудетто «Милану» и их президенту, миллиардеру Сильвио Берлускони. Несколько лет назад эта теория вновь всплыла в сборнике сочинений начальной школы Неаполя, озаглавленным «Я надеюсь, что сделаю это». Один из школьников написал, что Берлускони заплатил Каморре «1 тысячу миллиардов долларов США» в обмен на Скудетто. Все это смешно, конечно. Нет никаких доказательств, подтверждающих эту теорию.

Тем не менее, это важно, поскольку укоренилось в сознании неаполитанцев. Десятилетний ребенок, который написал сочинение, просто отобразил взгляды тех, кто окружает его. До сих пор многие неаполитанцы уверены, что, если бы «Милан» не

«купил» титул, то история могла быть переписана. «Милан» никогда бы не выиграл Кубок Чемпионов в следующем году (или через год), тренер Арриго Сакки был бы уволен, Гуллит и Ван Бастен никогда бы не стали живыми легендами. В то же время боль от упущенного Скудетто не привела бы Марадону к наркотикам, «Наполи» выиграл бы несколько титулов (включая еврокубки, для хорошего счета), и Диего по–прежнему был бы Королем Неаполя. Кто знает, он, возможно, по–прежнему играл бы в футбол.

Все это может показаться нелепым, но имеет большое значение в иллюстрации менталитета большинства населения Неаполя. Вот почему победа над «Миланом» была и остается до сих пор столь важной.

Все ожидали, что «Милан» возьмет свое в игре с нами. Мы лишились ключевых игроков, таких как Феррара и Терн, но нам удалось удержать ворота сухими большую часть игры. А потом, минут за десять до конца, случилось немыслимое.

Бузо выиграл мяч на своей половине поля и сделал долгий пас вперед. Я был единственным игроком «Наполи» на половине «Милана», так что я догнал мяч, обработал его и побежал вверх по левому флангу. Я обыграл Кристиана Пануччи и сократил расстояние к воротам, встретив Франко Барези и Стефано Эранио, которые вернулись из центра поля. Сделав финт, я обработал мяч пяткой. Это самый большой мой трюк в карьере, на который мне удалось купить соперников. Я не только оставил в дураках Барези и Эранио (оба были игроками Итальянской сборной, как и Пануччи), я также обманул голкипера Себастьяно Росси. Он был уверен, что я собираюсь навесить мяч, мой разворот полностью обхитрил его. Я сильно ударил по мячу и наблюдал, как он просвистел под перекладиной.

Этот гол был одним из величайших, которые я когда–либо забивал, а также одним из самых важных. Он отложил празднования «Миланом» Скудетто на неделю и практически гарантировал нам место в Кубке УЕФА.

Это был триумф, полное и абсолютное торжество — для меня и для клуба. Я начинал тот сезон будучи деморализованным и стремился доказать людям, что они ошибались. Мне удалось закончить сезон на высокой ноте. Итальянская пресса выбрала меня лучшим игроком команды, и пошли разговоры о моем первом приглашении в Сборную.

Примерно в то же время Липпи сказал мне, что он принял предложение «Ювентуса» на следующий сезон. Он попросил меня вернуться в Турин вместе с ним. У него были большие планы относительно меня, он хотел поставить на мой успех, который я

обрел в «Наполи».

«Паоло, ты и я великолепно работаем вместе, — сказал он мне. — Пойдем со мной в Ювентус. В этот раз все будет иначе».

Я был польщен его предложением, несмотря на мое слово не возвращаться назад в «Юве». Технически, я был по–прежнему игроком «Ювентуса», поскольку моя аренда в «Наполи» заканчивалась летом. Мой контракт истекал в июне, что еще больше усложняло положение. Увы, это были дни, предшествующие «делу Босмана».

Игроки без контракта не могли быть подписаны бесплатно, как это можно делать сейчас. Тогда надо было заплатить предыдущему клубу игрока определенную сумму, основанную на параметрах, установленных УЕФА, которые отражали возраст и зарплату игрока. В моем случае сумма отступных составляла около 3 миллионов фунтов.

В «Наполи» также сказали мне, что заинтересованы во мне. Президент, Элленио Галло, уверял меня, что заплатит «Ювентусу» эти три миллиона фунтов, чтобы предложить мне постоянный пятилетний контракт. Я терзался сомнениями.

С одной стороны, у меня была возможность продолжить работу с Липпи и вернуться в «Ювентус» победителем. Это была бы сладкая месть тем, кто сомневался во мне.

С другой стороны, я был героем в Неаполе. Я полюбил город, фанов, а Бетта и Людовика были счастливы здесь, у нас был все, чего можно пожелать.

Я переговорил с Беттой и сказал Липпи, что не поеду с ним. Я хотел остаться и помочь восстановить «Наполи». Он был расстроен, но, думаю, он понял мою позицию.

Оглядываясь назад, это был один из кардинальных моментов моей карьеры. Если бы я сделал другой выбор, если бы я последовал за Липпи в Турин, могла измениться не только моя жизнь, но и курс итальянского футбола.

Липпи сказал мне, что если я вернусь в «Ювентус», то буду играть в атакующем треугольнике вместе с Виалли и Раванелли. Девятнадцатилетний Алекс Дель Пьеро, который пришел из молодежной команды в прошлом году, был бы отправлен в аренду. Мое решение изменило обе наши карьеры. Вместо того, чтобы отправиться в какой–то маленький клуб Серии А, Дель Пьеро остался в «Юве» и провел потрясающий сезон, который превратил его в звезду. Я мог быть на его месте. «Ювентус» выиграл три из четырех следующих чемпионатов, а также Кубок Чемпионов в сезоне 1995–96. Я мог бы играть ключевую роль в этих триумфах. Кто знает, я мог также стать игроком Национальной сборной. В конце концов, парни вроде Ди Ливио и

Джанлуки Песотто, которые не превосходили меня, имели долгую картеру в Сборной, во многом благодаря Липпи.

Однако мне не нравится спрашивать себя «А что если бы?» Я не люблю смотреть назад с сожалением. Дела могли обернуться лучше, но могли и ухудшиться. Невозможно это узнать. И, так как я счастлив своей теперешней жизнью, я могу честно сказать, что ничего бы не поменял в прошлом. Если бы я вернулся в «Ювентус», тогда, возможно, никогда бы не уехал за границу, никогда бы не играл в Шотландии и Англии, я бы попросту мог не быть тем, кем являюсь сегодня.

Надо сказать, я дорого заплатил за свое решение. Пока сезон подходил к концу, я все ждал, когда «Наполи» выкупит меня у «Юве» и предложит мне новый контракт. Шли недели, но ничего не случилось. Фаны «Наполи» направили петицию в клуб, подписанную 15 000 суппортерами, требуя от Галло сохранить меня в команде.

Тем не менее, выяснилось, что клуб был практически банкротом. Галло, президент, искренне делал мне обещания, но он просто не располагал средствами, чтобы их осуществить. Я должен был предвидеть такой поворот событий, ведь мы не получали зарплату шесть месяцев. Но, в глубине души, я хотел верить, что все сложится. Хотел верить, что как–нибудь «Наполи» найдет деньги, чтобы выкупить меня.

Если бы я знал, что у клуба нет денег, то я, наверное, принял бы предложение Липпи. Однако все повернулось иначе, и ситуация весьма усложнилась.

По мере завершения сезона мне начал звонить Лучано Моджи, главный управленец «Ювентуса». Он мне сказал, что они не могут более ждать, пока «Наполи» решит свои проблемы, и поэтому продадут меня в «Дженоа». Я переговорил с генуэзцами, но вскоре понял, что здесь мне не место. В первую очередь, в «Дженоа» хотели урезать мне зарплату. У меня был хороший старый контракт в «Ювентусе», и я провел сказочный сезон в «Наполи». Поэтому мне казалось несправедливым, что я должен меньше получать только потому, что переходил в более маленький клуб.

Моджи настаивал на том, что я должен принять их предложение, и что они не могут платить мне больше, поскольку они и так должны раскошелиться на 3 миллиона фунтов за меня, согласно правилам УЕФА. Я ответил, что это не моя проблема, так или иначе, это была их проблема.

Он рассердился и сказал мне, что если я не приму предложение Дженоа, то у меня будут большие проблемы.

В дни, предшествующие «делу Босмана», у игроков без

контракта было действительно мало власти. Прежний клуб сохранял права на игрока, поэтому любой, кто хотел пригласить к себе игрока, должен был заплатить плату, установленную в УЕФА. В моем случае, поскольку плата за меня была высокой, становилось проблематично найти себе клуб, особенно если прежний клуб мог наложить вето на переход.

Еще Моджи сказал, что «Дженоа» был единственным клубом, заинтересованным во мне. Поэтому, если я не приму их предложение, то могу успешно повесить бутсы на гвоздь, поскольку у меня не будет команды. Трансферное окно закроется, и я останусь сидеть дома полностью без футбола.

«Отлично, — сказал я. — Я не возражаю».

По правилам УЕФА, отступные за игрока были действительны только двенадцать месяцев. Через год они уменьшались на 50 процентов (то есть 1.5 миллиона фунтов, в моем случае). А еще через год отступные сойдут на «нет», и я получу статус свободного агента.

«Что ты имеешь в виду? — спросил Моджи. — Ты сошел с ума?»

«Совсем нет, — ответил я. — Я не буду играть всего лишь год. Вы потеряете деньги, поскольку мои отступные уменьшатся. Вам это не понравится, не так ли?»

«Что ты говоришь? Ты не можешь просидеть целый сезон!»

«Почему нет? Мне все равно. Я не позволю помыкать собой и решать за меня мое будущее».

Моджи не мог поверить своим ушам. Он — один из могущественнейших управляющих в итальянском футболе, его сын — крупный агент, они оба участвовали в большинстве трансферов внутри Италии. Многие итальянские футболисты боятся его, потому что он может быть жестоким и безжалостным. Совсем немногие могут противостоять ему.

Но я не боялся. Мне надоело, что мной распоряжались на свое усмотрение. Никто не может решать за меня мое будущее и будущее моей семьи. Если мне суждено было остаться вне игры на год, самостоятельно тренироваться без клуба и зарплаты, то пусть будет так. Я решил не сдаваться.

«Как ты смеешь говорить со мной таким тоном? — Моджи впал в ярость. — Знаешь ли ты, кто я такой? С кем ты имеешь дело? Будь осторожнее, я могу погубить твою карьеру, могу сделать так, что ты не будешь больше играть в футбол!»

Мой агент, Морено Роджи попытался исправить ситуацию. Он повернулся к Моджи и сказал: «Не слушайте, что Паоло говорит, он просто вне себя, у него такая натура, он ни в коем случае не хотел вас оскорбить…»

«Заткнись, Морено! — я крикнул. — Я отдаю себе полный отчет в том, что говорю. Я не вне себя, а полностью спокоен! Я собираюсь сам решать свое будущее, а не идти на поводу у «Ювентуса» или Моджи. Я не позволю себя запугать!»

Я сказал все, что хотел. Я сделал свой выбор и был готов к последствиям. Это дело принципа. Знаю, что словом «принцип» часто злоупотребляют. Разница в том, что в моем случае я был готов идти до конца. Я был готов пострадать, не получая зарплату год или два, во имя своих ценностей.

Весь август я тренировался самостоятельно. У меня не было представления, что будет дальше со мной. Рисковал ли я своей карьерой? Возможно. Но когда ты знаешь, что ты прав и стоишь за свои ценности и личное достоинство, то намного проще принять даже тяжелые последствия.

Не знаю, что было бы со мной, если бы не Морено Роджи. Для меня он больше, чем просто агент — он, как старший брат, а его сын, Маттео, который работает вместе с ним, как младший брат. Он приложил большие усилия ко всей моей карьере, и я знаю, что в результате он лично и профессионально страдал в некоторых ситуациях. Он мог запросто уйти от меня, оставить меня на один с моей судьбой. Если бы он сделал так, то упростил бы себе жизнь. Немногие агенты имели смелость противостоять клубу вроде «Ювентуса» и человеку вроде Моджи. Но всю дорогу он был на моей стороне.

Он был человеком слова. Без устали он работал, чтобы подыскать мне клуб, готовый выплатить 3 миллиона отступных. В конце концов, он договорился с «Миланом», который предложил 1.5 миллиона фунтов и вдобавок фулл–бека Алессандро Орландо. Моджи принял сделку, несмотря на то, что предпочел бы 3 миллиона чистыми, которые давал «Дженоа». Это была личная победа для меня и Морено.

Переход в «Милан» обозначал переход в самый успешный клуб Европы. За 7 последних лет они выиграли чемпионат Италии 4 раза, дважды становились серебряными призерами, и один раз завоевывали бронзу. В тот же промежуток времени они стали обладателями трех Европейских кубков, дважды становились чемпионами мира среди клубов. Другими словами, не было никого сильнее и лучше.

Условия и организация дел в клубе не поддавались описанию. Каждый отдел, начиная с рабочих и обслуживающего персонала и заканчивая тренажерным залом и женщины, которая каждый день приносила нам газеты после тренировок, был просто пропитан профессионализмом. Не думаю, что хоть один клуб похож на «Милан» в этом отношении.

«Милан» один из первых клубов, которые использовали истинную командную систему игры. Основным принципом была идея о том, что на каждую позицию было по 2–3 игрока с мировым именем. Таким образом, вне зависимости от травмы игрока или дисквалификации, клуб всегда мог выставить первоклассный состав.

Сегодня это обычное дело, но в то время это была революционная идея. Это также обозначало, что борьба за место в основе была более ожесточенная. В год, когда я перешел в «Милан», в клубе было еще 5 игроков на позиции правого полузащитника. Из этой пятерки четверо были игроками сборной Италии: Джанлуиджи Лентини (самое дорогое приобретение Милана), Джованни Строппа, Стефано Эранио и Роберто Донадони. Вся эта четверка наиграла около 100 матчей за Сборную. Единственный игрок, который не играл за сборную Италии, довольно таки не плохой парнишка. Вы могли слышать о нем. Имя Рууд Гуллит о чем–то говорит?

При такой конкуренции за счастье можно считать уже присутствие на лавке запасных. Но я не переживал. Я хотел проверить себя и свои силы. Кроме того, клуб поддерживал здоровую конкуренцию среди игроков. Ни у кого не было особых привилегий: если ты достаточно хорошо играешь, то у тебя есть шанс попасть в основной состав.

В этом плане Фабио Капелло просто замечательный тренер. Он знал, чем нас мотивировать, как натравить друг на друга, в хорошем смысле этого слова. Это вовсе не означает, что я любил его, ведь я не испытывал к нему симпатий. Это означает лишь то, что он победоносный и успешный тренер.

Я пришел к мысли, что за очень редким исключением, чтобы стать успешным тренером, нужно быть грубым, жестким и всегда чуть лукавым. Именно таким и был Капелло, возможно он таким же и остался. Он мог дразнить меня, убеждать, что я буду играть на следующей неделе, а потом оставить меня на лавочке. Мне кажется, он это делал специально, тем самым мотивируя и меня, и игроков, с которыми мне приходилось бороться за место в основе. Именно так поступают мудрые тренера. Они не могут быть другом игроку, они не всегда могут быть добрыми и хорошими.

Посмотрите на Виалли. Сначала он был общим другом, шутил и рассказывал анекдоты. Но как только он стал тренером, он стал лидером. Во многих ситуациях ему приходилось быть плохим парнем. Иронично, что Лука ненавидит Арриго Сакки, но ему пришлось стать таким же, чтобы добиться высот на должности тренера. Он сформировал в себе жесткую, во многом

отталкивающую личность, ту, которая могла оставить игроков без объяснений «почему?» и «как?».

Это признак мудрости. Там ты не для того, чтобы быть другом или хорошим человеком. Ты должен побеждать, и если в каких–то моментах стоит обмануть, то так тому и быть. Лично мне понятно такое положение вещей. Должен уточнить, что в личной жизни Лука никак не поменялся. Его отношение ко мне ничуть не изменилось, впрочем, конечно, он не мой тренер. Я думаю, что к таким изменениям он прибегнул, чтобы стать лучше как тренер.

В первый год моего пребывания в «Милане» я подхватил мононуклеоз и нервное расстройство, из–за чего пропустил 4 месяца в сезоне. Когда ты отстранен от игр — это довольно плохо, но если причиной является травма, тебе остается только работать над этим. Это реально, и это факт. С мононуклеозом, тем не менее, я ничего не мог поделать. Я был слабый и больной, и все, что мне оставалось делать, сидеть и ждать, когда пройдет болезнь.

По крайней мере, у меня появился шанс влиться в команду. Здесь я познакомился с великими профессионалами: Франко Барези и Мауро Тассотти.

Они были старожилами легендарной миланской защиты: Тассотти, Барези, Алессандро Костакурта и Паоло Мальдини. Парни отыграли вместе 9 сезонов, в клубе и в сборной. Всего у них было 200 матчей за Сборную (а Мальдини до сих пор играет). Они были подлинными иконами футбола.

Барези был капитаном и представал сильным, непреклонным, молчаливым парнем. Он на самом деле такой. Он редко когда разговаривал в раздевалке, или в клубном помещении. Даже на поле присутствовал лишь необходимый минимум общения между защитниками. Он не нуждался в словах, его выразительная наружность и без того красноречива. Возможно, именно этим он меня очаровал, как полную противоположность. Я верю, что криком можно поднять дух перед матчем не только свой, но и одноклубников. На поле я всегда разговариваю, стимулирую других, предупреждаю об опасности.

Барези открылся уже вне футбольного поля. Мы стали с ним близки, он был мне за старшего брата. Мне кажется, во многих моментах я пробудил в нем ребячество. Он всегда был таким серьезным. И еще мне кажется, что ему было интересно со мной. Для себя я открыл в нем отличного парня, который любил веселиться, как и все, а не только грубую, неулыбчивую «футбольную машину».

Забавно, как некоторые личности очень отличаются на

футбольном поле и вне его. У Питера Гранта, нашего капитана в «Селтике», была такая же особенность характера. Вне игрового времени он был милым и тихим, про таких говорят «и мухи не обидит». Но как только он обувал бутсы, он становился «диким», жестким, преданный своим идеалам воином, готовым драться за каждый клочок поля.

Наблюдать за игрой Барези, находиться с ним рядом — настоящее счастье для всех, кто любит футбол. Проще говоря, он был очень близок к идеалу настоящего игрока. Вам никогда не удастся обыграть его. Я горжусь своей техникой дриблинга, но я не помню, чтобы мне удавалось обвести его, даже на тренировках. Он мог быть грубым, иногда даже вульгарным, но никогда не был в дурном положении. Я уверен, что именно такими и должны быть защитники, фокус в том, чтобы преподнести все с умом. Ты всегда знаешь, что он рядом, ты ощущаешь его присутствие, и это пугало противника.

Но что по–настоящему отличало его от других, так это умение перемещаться. Он напоминал футболиста из компьютерной игры, как будто был не настоящий, а управлялся с помощью компьютера, передвигавшего его по полю с математической точностью. Он обладал уникальной способностью рассчитывать свои действия, никогда не ошибался, и создавалось впечатление, что ему все дается без особых усилий. Думаю, что для защитников он представлял такую же фигуру, как Марадона — для нападающих: эталон, с которым сравнивался любой футболист.

Тассотти, с другой стороны, являлся живым доказательством, что всегда есть возможность прогрессировать, становиться лучше. Когда он только пришел в «Милан», это был просто защитник–борец, парень, физический сильный, грубоватый, готовый биться до конца, однако не отличавшийся особым мастерством. После шестнадцати лет, проведенных в красно–черной футболке, его было не узнать. Он наблюдал за своими партнерами и повторял их действия, улучшая, таким образом, качество собственной игры. К тому времени, как я перешел в «Милан», его карьера близилась к концу, и он был одним из самых тонких и умных защитников, которых я когда–либо знал.

Тассотти научился отдавать пас и двигаться с поразительной точностью. Работая с мячом не хуже форварда, он мог уверенно и красиво выполнить любой технический прием. И при всем этом умение сражаться никуда не исчезло, и он оставался таким же грубым (достаточно вспомнить чемпионат мира 1994-го года, когда Тассотти ударил игрока сборной Испании Луиса Энрике кулаком по лицу, разбив тому нос и получив за это

восьмиматчевую дисквалификацию).

Мы называли его «Maestro» или «Учитель», потому что у него действительно можно было многому научиться. Есть несколько бывших одноклубников, с которыми я поддерживаю отношения, и он — один из них. Он показал мне ценность семьи, научил меня стойко переносить невзгоды, и, прежде всего, открыл мне глаза на то, как гармоничная жизнь вне поля может помочь на поле.

Некоторым образом кое–что для себя я взял и от таких игроков, как Гуллит. Когда я стал футболистом «Милана», Гуллит все еще был местной легендой, и, как мне кажется, грелся в лучах бывшей славы. Его было очень трудно понять, и мне он казался ужасным эгоистом. Гуллиту непросто было приспособиться к Капелло. Думаю, частично причиной этого можно считать уверенность голландца, что его прошлые достижения должны гарантировать ему место в основном составе. Видя его на скамье запасных, я лучше понимал, что нельзя почивать на лаврах. Нужно продолжать работать, стремиться к новым вершинам. В футболе прошлое — это ничто. Имеет значение только настоящее, то, как ты играешь в данный, конкретный момент.

Не знаю, понимал ли это Гуллит. В «Челси» его тренерская карьера началась просто великолепно. Казалось, его все обожают. Но он все перечеркнул одним махом, потребовав у руководства «Челси» непомерно огромную зарплату (в некоторых газетах приводилась цифра в 2 миллиона). Для меня подобное поведение — загадка. Мне кажется, Гуллит должен был благодарить Бога за шанс возглавить один из ведущих клубов Европы в тридцать пять лет, не имея никакого опыта тренерской работы. Может, его действия и были бы оправданы, будь он без копейки за душой, но это не так. Он заработал миллионы за карьеру футболиста и мог спокойно работать еще тридцать лет в качестве тренера. Увы, он упустил свой шанс.

Если бы я когда–нибудь оказался на его месте, я бы, ни секунды не задумываясь, принял предложение «Челси». Даже если бы мне платили каких–то 150 000 фунтов в год плюс дом, я бы стал на колени и поцеловал ноги тому человеку. Эта сумма — пятая часть от того, что я сейчас зарабатываю, но я не смею рассчитывать на большее. Какая еще профессиональная сфера может предложить человеку без опыта шанс зарабатывать тысячи фунтов в год?

Не случайно Виалли, умнейший человек, сразу принял предложение аристократов, и был благодарен. Всего лишь за неделю он превратился из запасного игрока «Челси» в тренера. И правильно поступил. Он не пошел к президенту и не сказал: «Послушайте, теперь, когда я выполняю функции играющего

тренера, получается, я выполняю двойную работу. Поэтому мне полагается две зарплаты». Нет. Он согласился получать те же деньги, что и раньше (что на самом деле не так уж и мало), и просто сосредоточился на своих новых обязанностях, потому что понимал, что за такой шанс нужно говорить спасибо.

Мы заняли четвертое место в Серии А в том сезоне, но сумели добраться до финала Лиги Чемпионов, где проиграли, пропустив на последних минутах гол от Патрика Клюйверта. Из–за проблем со здоровьем я только восемнадцать раз выходил на поле, но постепенно становился ключевым игроком команды.

В следующем сезоне мы отправились в поход за четвертым чемпионским титулом за последние пять лет. Как всегда, наша команда выглядела впечатляюще. К нам только что пришел Роберто Баджо, составивший компанию форвардам Дейану Савичевичу и Джорджу Веа. Марсель Десайи и Деметрио Альбертини играли в центре (молодой Патрик Вийера находился в запасе), а защита оставалась непроходимой.

В том сезоне я играл чаще, забивая важные мячи и регулярно выходя на поле в поединках Кубка УЕФА (мы дошли до четвертьфинала). И все же я понимал, что рано или поздно из «Милана» придется уходить. Я стал присматриваться к другим командам, перебирать различные варианты продолжения карьеры.

Накануне Рождества, 22-го декабря, мы с Морено Роджи пошли в бразильский ресторан в Милане. Он назывался «Пиканхас» и там на огромных тарелках подавали жареное мясо по–бразильски. Мы говорили о моем будущем, о том, чего я хочу от жизни, от карьеры.

Вдруг Роджи сказал: «Есть один человек, с которым тебе нужно поговорить».

Он набрал номер на мобильном и протянул трубку мне. В телефоне послышался голос мужчины, говорившего на странной смеси английского и итальянского. Это был Джо Джордан. Он сказал, что меня очень хотят видеть в «Селтике».

Может, из–за выпитого «Каипирингаса» (к тому времени уже несколько бокалов) предложение Джордана показалось мне захватывающим. Он рассказал мне о «Селтике», его фанатах, и во мне что–то зажглось. Как обычно, Роджи пришлось меня сдерживать.

Мы пообещали Джордану, что вернемся к разговору в конце сезона.

Меня переполняли эмоции, я все время думал о «Селтике». Я очень мало о нем знал, для меня он был окутан тайной. Помню, как в юности отец рассказывал мне об этой странной и

прекрасной команде из Шотландии с фантастическим форвардом Джимми Джонстоуном, способного обвести любого. И все же, я постарался забыть о Шотландии до конца сезона.

Мне не хотелось уезжать из Италии, не выиграв скудетто, и наш триумф в том сезоне помог мне принять окончательное решение: я прощаюсь с Миланом. Так уж произошло, что некоторые обстоятельства способствовали более скорому осуществлению моих планов.

В конце сезона «Милан» отправился в турне по Дальнему Востоку. Так как некоторые игроки были задействованы в национальных командах своих стран, Капелло взял в поездку несколько игроков из других клубов, чтобы усилить команду. Как от него и ожидалось, Фабио выбрал футболистов наподобие Стефано Дисидери и Марко Джандебьяджи, полузащитников оборонного плана, так как Десайи и Альбертини выступали на чемпионате Европы ’96.

Все бы было ничего: мне нравилась роль туриста, но вскоре меня все начало раздражать. Эти парни не были игроками «Милана», их взяли на месяц в аренду, и, тем не менее, играли именно они, а не я. Болельщики не хотели их видеть, им нужны были звезды, футболисты, завоевавшие скудетто. Это была просто серия выставочных матчей, команде платили хорошие деньги (около 400 000 фунтов за поединок). Почему мы не могли расслабиться и устроить шоу? Я обратил на это внимание Капелло.

«Мы здесь в турне, босс, — сказал я. — Почему вы не дадите мне сыграть от начала до конца? Китайцы хотят видеть звезд, а не Джандебьяджи».

«Паоло, ты должен понять, что нам нужно соблюдать тактическое равновесие, — ответил Капелло. — Нельзя смотреть на эти матчи, как на шоу, нам нужно оставаться сбалансированной командой».

«Какое равновесие? Против кучки китайцев, которые даже не умеют нормально играть? Это не Лига Чемпионов. Это просто шоу. Мы сюда приехали, чтобы людей развлекать».

В ответ Капелло просто окинул меня сердитым взглядом. Не думаю, что в этом было что–то личное. Все равно через несколько недель он собирался уходить из «Милана», к тому времени уже согласившись возглавить мадридский «Реал». Поэтому я не мог взять в толк, почему он так упрямился. Думаю, это просто характерная черта всех итальянских тренеров. Самое главное для них — тактика. Они уверены, что команда побеждает, благодаря правильно выбранной схеме, а не игре футболистов. Капелло, наверное, был искренне убежден, что 60 000 китайцев заплатили

деньги, чтобы увидеть, как работает его схема 4–3–2–1, а не лицезреть вживую Роберто Баджо или Паоло Ди Канио.

На следующий день мы играли в Пекине. Баджо, Лентини и я составили трио нападающих. Мы вышли вперед 1–0, но все три форварда играли плохо. Естественно, Капелло решил снять одного из нас и выпустить на поле защитника, чтобы удержать преимущество в счете, даже несмотря на то, что это был просто выставочный поединок и через две недели его ждали в Испании. Естественно, для замены он выбрал меня.

Я вышел из себя. В очередной раз я почувствовал, что должен высказать свое мнение.

«Какого черта ты делаешь?» — кинул я ему в перерыве, когда он объявил, что собирается меня заменить.

«Пошел ты», — огрызнулся он. Капелло не выбирал слова. «Ты садишься, потому что тормозишь игру, не стараешься».

«Ты больной на голову, сумасшедший, — прокричал я. — Сам ты пошел!»

Капелло набросился на меня: он всегда отличался вспыльчивостью. Я оттолкнул его, мы нанесли друг другу несколько ударов. Я был вне себя от ярости. Фабио Капелло — крупный, сильный мужчина, но я его не боялся. Парни из тренерского штаба вмешались в драку и разняли нас.

Я не унимался.

«Ты не имеешь права так со мной обращаться, — заорал я. — Ты уже тренер «Реала», ты здесь теперь никто! У меня контракт еще не закончился, ты должен меня уважать!»

Капелло, наверное, сдерживало человека четыре.

«Убирайся с глаз моих! — проревел он. — Возвращайся в чертову гостиницу!»

Я посмотрел ему прямо в глаза и ответил: «Не тебе говорить, что мне делать. Поеду я в гостиницу или нет зависит только от меня, я сам решу это. Ты мне больше не будешь указывать! Одно я знаю наверняка: я здесь больше не останусь, чтобы не видеть твою хренову физиономию!»

Он получил, что хотел. Я ушел со стадиона, взял такси и вернулся в гостиницу. За пятнадцать минут собрав вещи, я позвонил Роджи. Он удивился, но сразу взял ситуацию под контроль.

«Не волнуйся, бери билет на ближайший рейс, — сказал он. — В «Селтике» тебя по–прежнему ждут. Пришло время с ними связаться».

Я тут же поехал в аэропорт, хотя понятия не имел, когда отправляется ближайший рейс. Я купил билет в Гонконг, откуда долетел до Франкфурта, а потом — до Рима. Поездка заняла

пятнадцать часов, и, по крайней мере, за это время я успокоился.

В тот момент, чем дальше я находился от Фабио Капелло, тем было лучше.

Глава 7
Кельтские страсти

Морено Родже приступил к работе немедленно, пытаясь добиться моего перехода в «Селтик». Тем временем я подготовил Бетту к возможному переезду. Я купил карту Европы, принес домой и разложил на кухонном столе. Я хотел показать дорогой, где находится Глазго, и еще мне нужно было тонко преподнести эту идею своей жене.

«Мне кажется, что в этой части Европы интересно живется, — сказал я, внимательно разглядывая карту. — Что ты скажешь, если мы ненадолго переедем туда?»

Она пристально на меня посмотрела.

«Переедем туда жить? — с улыбкой повторила за мной. — Паоло, не имеет значения, куда ты отправишься, хоть на край света. Мы твоя семья и всегда будем рядом с тобой».

Я знал, что она воспримет эту новость спокойно. Мне очень повезло, что у меня такая семья. В моей жизни они стоят на первом месте, и в ответ Бетта поддерживает меня во всех моих начинаниях на 100 % процентов. Я думаю, она понимала, как я был счастлив получить новый опыт, как важно для меня было уехать из Милана и найти место, где я был бы счастлив.

С одной стороны, честность — залог хороших взаимоотношений. Тебе не приходится держать эмоции в себе, ты не должен прятать свое недовольство, ведь рано или поздно ты все равно взорвешься (даже если этого не произойдет, то ты будешь страдать долгое время). Но есть одна маленькая тонкость: нужно знать, когда можно выразить свое недовольство, а когда стоит промолчать. Бетта всегда точно улавливала момент. Я не знаю, была ли она в восторге от переезда в Глазго с самого начала, или просто свыклась с этой мыслью, но как бы то ни было, между нами всегда было полное согласие.

Я мало что знал о шотландском футболе. Полосатая форма «Селтика» была мне знакома еще по игре Subbuteo[1]. Мне нравились их футболки, которые напоминали регбийную форму и не имели номеров на спине. Я был в восторге от самой мысли, что буду носить нечто неординарное, необычное.

А еще я знал об игроке Алли Маккойсте. Если ты живешь в Италии, любишь футбол, и не слышал о Маккойсте, ты просто — глухонемой. Мало кто видел его в игре, но все слышали об этом феноменальном игроке, который забивает по 30 мячей в каждом сезоне и стал обладателем «Золотой бутсы».

Для меня он был необычайным и великолепным игроком. Про себя я думал: «Этот парень забил 300 мячей в Шотландии. Он — фантастический игрок!» Позже, когда я переехал в Шотландию и стал играть в Шотландской Премьер Лиге, я понял, почему Маккойст забивал такое количество мячей.

Тот факт, что шотландский футбол не совсем должного уровня чемпионат, ничуть не преуменьшил заслуг Маккойста в моих глазах. Не его вина, что противник слишком слаб. Существует мнение, особенно в Италии, что если ты не попробовал свои силы на высшем уровне — то есть в Серии А — значит ты не состоялся как игрок. Не только в этом проявляется высокомерное отношение, основанное на неком мнении, что Серия А — самый сильный чемпионат. Я считаю, это не справедливо. Маккойст был рад играть в своем клубе. Он был и остается национальным героем. Какой смысл ему куда–то переезжать?

Сильвио Берлускони предоставил нам один из своих личных самолетов для встречи с руководством «Селтика». Мой агент Морено Роджи, генеральный директор «Милана» Арьедо Брайда и я прилетели в Глазго всего на один день. Город не произвел на меня большого впечатления: было холодно и шел дождь, а пустые улицы создавали эффект города после ядерной атаки.

Но когда мы прибыли на «Селтик Парк», мир перевернулся!

Все выглядело, как в детской мечте! Все вокруг было пропитано многолетней историей и устоявшимися традициями. Руководство клуба подарили мне клубный шарф и видео команды, чтобы я мог показать Бетте и Людовике. Мы вылетели обратно домой в тот же вечер. И уже дома я допоздна смотрел видео «Селтика». Я был в восторге, я не мог поверить своим глазам, с какой страстью, с каким воодушевлением играла команда.

Спустя неделю я вернулся в Глазго и встретился с менеджером клуба, Томми Бернсом. Мы провели целый день вместе, Томми показал мне самые потаенные уголки «Селтик Парк» и я впитывал каждую секунду нашего общения. Я видел фотографию отца Вилфрида, священника, основавшего клуб в 1888 году, фотографии капитанов клуба, раздевалки и трибуны.

Томми говорил достаточно быстро на своем сильном глазвегианском акценте, и в те моменты, когда я не мог уловить ни слова из его монолога, я понял, что речь его мне ясна. Интересная ситуация получается: придя к полному взаимопониманию с собеседником, начинаешь понимать его, даже разговаривая на разных языках. Именно так и сложились мои отношения с Томми. Мне казалось, я знаю его всю жизнь, как

будто мы вместе выросли в Куартиччьоло, хотя на самом деле я знал его всего 20 минут.

Но больше всего меня поразило то, с каким восторгом Томми общался со мной. Он показывал мне самые обычные вещи — табло, офис президента клуба, он так эмоционально жестикулировал и мог тараторить без умолку. Я полностью разделял его ощущения. Я выражаю свои эмоции точно так же, когда увлечен предметом разговора. Я начинаю очень быстро говорить и моя речь становиться отточенной, и приобретает римский диалект.

Я очень редко чувствую такую связь с другим человеком. Показывая мне трибуны, он бил себя ладонью по груди и повторял «Сердце! Сердце!». Наверно, он так пытался объяснить мне, что фанаты «Селтика» очень преданные и любвеобильные. Таким же жестом я попытался объяснить ему, что у меня тоже есть сердце.

Тем временем, Морено обговаривал условия моего контракта с руководством клуба. «Селтик» купил меня всего за £800,000, тем не менее, мне сказали, что не могут предложить мне большую зарплату. Они хотели посмотреть на меня на поле, и в случае успешной работы, меня премируют.

«Не переживай, Паоло, — Фергюс Маккан сказал мне. — В конце сезона мы пересмотрим твой контракт. Если ты себя проявишь, мы в долгу не останемся. Обещаю тебе».

«Обещаю тебе…». Эти слова разрушили мою карьеру в «Селтике». Я был настолько глуп, что поверил Маккану, поверил, что он человек слова. Для меня обещание значит намного больше, чем любой контракт.

Я и понятия не имел, что через 10 месяцев я пойму, что для Фергюса Маккана обещание всего лишь пустой звук.

Клуб организовал мое официальное представление болельщикам. Это было что–то невероятное, чего я раньше никогда в жизни не испытывал. Ярко светило солнце, и казалось, что я в Неаполе. Презентация проходила на входе в «Селтик Парк», и со всех сторон меня окружали фаны с зелено–белыми шарфами на шее. На представлении присутствовало, наверное, с дюжину фотографов и телекорреспондентов, а усиленный полицейский кордон сдерживал толпу.

Был момент, когда я засомневался: «Не может быть, чтобы все эти люди пришли сюда ради меня. Наверное, «Селтик» подписал контракт с какой–то звездой мирового уровня».

Затем я начал различать в гуле толпы свое имя: «Паоло, Паоло, Паоло, Паоло!» Они распевали мое имя под мотив «Pompey chimes».

Такой прием меня просто поразил. Примерно так же встречали Марадону в Неаполе. Я наслаждался каждым мгновением. Пресс–секретарь «Селтика» попросил меня сказать собравшимся «Я горд, что буду выступать за такую великую команду, как «Селтик». Я не совсем понимал, что говорил, но когда слова слетели с моих уст, толпа просто сошла с ума. Они были в экстазе. В то мгновение я тоже влюбился, как влюбился в Томми Бернса.

Я еще почти не знал английского, но предсезонный сбор в Голландии был прекрасной возможностью подучить язык. Меня поселили в одной комнате с Питером Грантом — нашим капитаном. Это один из самых добрых и приятных людей, которых я когда–либо встречал. Иногда он был даже слишком добрым. Чтобы немного поднять себе настроение, я решил над ним подшутить. Совершенно случайно я узнал, что он терпеть не может рыбу. Не знаю, почему. Думаю, это была просто странность, которую никто не мог объяснить, но каждый раз, когда на обед подавали рыбу, он вставал из–за стола, или в лучшем случае смотрел на блюдо с отвращением.

Так или иначе, я решил воспользоваться этой слабостью Питера шутки ради. Однажды ночью я тайком пробрался в кухню гостиницы и нашел там большую голову лосося. Она была еще свежей и выглядела довольно жутко. У лосося был глаз, который, казалось, следит за вами везде, куда бы вы ни направились. Даже мне было немного не по себе, а ведь мне рыба нравится. Я положил голову рыбы в прозрачный пластиковый пакет и отправился обратно в нашу комнату. Питер лежал на кровати. «Это тебе», — сказал я весело, вываливая голову из пакета на его кровать.

Питер, наверное, подпрыгнул от страха фута на три. Я никогда не видел, чтобы он двигался так быстро. Он убежал в другой конец комнаты и стал кричать. Я не мог разобрать его слов, но он точно говорил что–то о рыбе.

В полном ужасе он, не отрываясь, смотрел на голову, как–будто это был какой–то монстр, собиравшийся проглотить его целиком.

Я, конечно, решил прикинуться дурачком.

«Ну так что, хочешь рыбы?» — спросил я, взяв в руки голову лосося и сделав несколько шагов к Питеру. «Нет! Нет!» — закричал он.

Он по–настоящему перепугался. Сначала, я думал он мне подыгрывает, только изображая страх. Поэтому я стал гоняться за ним по комнате с рыбой. Он совсем потерял контроль над собой. Убегая от меня, он натыкался на мебель, сбивал лампы. А я

продолжал гнаться за ним, хохоча, как ненормальный.

В конце концов, он заперся в ванной комнате. Я слышал, как он орет что есть мочи.

«Ты сумасшедший, Ди Канио! Ты просто сумасшедший, на фиг! Убери эту рыбу! Убери ее к черту отсюда!»

Я смеялся до слез, так, как не смеялся уже многие годы. Я дергал ручку на двери ванной, чтобы еще больше его напугать и шептал: «Питер! Питер! Время обедать! Время есть рыбу!» Так я издевался над ним целых десять минут. Я слышал, как он мечется по ванной и время от времени повторяет, что я выжил из ума.

Затем я решил испробовать другую тактику. Я спрятал голову рыбы в его кровати, прямо под одеялом. Как только Питер смолк, я постучал в дверь.

«Питер! Все в порядке, рыбы больше нет! Выходи Питер, выходи. Рыбы нет, нет больше!»

Я слышал, как он ругается, но клянусь, я понятия не имею, что именно он говорил. Спустя какое–то время он открыл дверь и осторожно выглянул наружу. Я лежал на своей кровати, смотря телевизор, с таким невинным выражением лица, насколько это было возможно изобразить. Питер бросил на меня злобный взгляд и внимательно посмотрел вокруг. Не увидев рыбы, он с облегчением направился к своей кровати.

«Ты совсем, на фиг, с ума сошел, Ди Канио», — бурчал он себе под нос, раздеваясь перед тем, как ложиться.

«Прости Питер, больше никакой рыбы», — пообещал я сладким голосом.

Он покачал головой в укор и потянул за одеяло. Никогда не забуду выражения на его лице, когда он увидел глаза лосося, смотрящие прямо на него. Он испустил душераздирающий крик и бросился в другой угол комнаты. Он орал, визжал, как ненормальный. Его лицо перекосилось, он задыхался. А я хохотал до упаду. Он был в шоке, и не мог даже на меня крикнуть. Он просто лежал, часто дыша. В конце концов, я выбросил рыбу, но прошло некоторое время, прежде чем Питер опять со мной заговорил.

Несмотря на мою выходку, мы стали очень хорошими друзьями. Как я уже говорил, он был классным парнем, и вместе с Томми, Билли Старком и Пэдди Боннером мы создали в «Селтике» атмосферу большой семьи.

Думаю, самая большая заслуга в этом принадлежала Томми, показавшего себя прекрасным менеджером. Он заставил нас почувствовать, что мы — часть какого–то особого проекта. Никому не было дела до того, что я иностранец, или что я зарабатываю больше, или что я не такой, как все. Меня сразу

приняли, как–будто я всю жизнь был знаком с этими парнями. Однажды вечером, по завершению предсезонного товарищеского матча мы отправились в Лох Ломонд на концерт «Оазиса». Все это было так не похоже на «Ювентус» или «Милан».

Мы слушали громкую музыку и пили пиво по дороге на концерт. Пьер Ван Хойдонк уговорил меня спеть песню Эроса Рамазотти «Se Cantassi Una Bella Cnazone». Пение — явно не одна из моих сильных сторон, поэтому через несколько секунд все в автобусе закричали, чтобы я заткнулся.

«Да пошли вы все!» — ответил я. Бранные слова — это всегда первое, что запоминаешь в иностранном языке.

Никогда не забуду единственный раз, когда Томми разозлился на меня. Это было через месяц после начала того сезона. Как–то раз на утренней тренировке я вышел из себя. После «Милана», где меня окружали талантливые футболисты, в «Селтике» мне было очень сложно адаптироваться. Не хочу ничем обидеть игроков «Селтика», но с точки зрения технической подготовки, они просто не выдерживали никакого сравнения.

Мы играли двухсторонку и я стал все больше и больше раздражаться, потому что ни разу за весь матч не получил нормальной передачи. Пасы были либо слишком слабые, либо слишком сильные, или на уровне пояса, так что их было тяжело обрабатывать. Я хотел попросить своих партнеров, чтобы они просто расслабились и постарались пасовать точно и так, чтобы передачу было удобно принимать, вместо того, что делать все второпях.

Вместо этого, из–за ограниченности своего словарного запаса, я только рассерженно закричал: «Да это дерьмовые пасы! Это просто дерьмо!»

К тому времени я, вообще–то, не выучил других слов, которые можно было добавить к сказанному. Питер Грант попросил меня успокоиться и не использовать подобные выражения. На мгновение я потерял контроль над собой.

«Нет! Я так говорю, потому что это все дерьмо!» — заорал я в ответ. «Вы дерьмо! Мы всегда проигрываем «Рэйнджерс», потому что вы дерьмо! Вы отдаете дерьмовые передачи, вы дерьмовые игроки! Все это дерьмо!»

Я не хотел оскорбить своих одноклубников, но это был единственный способ передать свои чувства. Я просто пытался сказать, что нам нужно прикладывать больше усилий и быть более собранными, потому что пока мы не можем бросить вызов «Рэйнджерс». Но все пошло не так, как хотелось.

Томми выскочил на поле и подбежал ко мне.

«Паоло, замолчи, — заорал он. — Возьми себя в руки! Не

смей так говорить!»

«Нет, Томми, все это дерьмо! — ответил я. — Посмотри на этих дерьмовых игроков!»

«Паоло, прекрати!»

Я не могу терпеть, когда на меня орут. Я был страшно раздражен: казалось, никто не понимает, что я хочу сказать.

«Нет, я не собираюсь молчать, — закричал я. — Это дерьмовые игроки! Это дерьмовый клуб!»

Выражение на лице Томми изменилось.

«Убирайся! — заорал он. — Вон! Сию же секунду!».

Было очевидно, что он взбешен. Но я тоже был вне себя. Я злился, что никто меня не понимает. Здесь не было ничьей вины, конечно, но это никоим образом меня не успокаивало.

Я тут же ушел со стадиона и направился в «Селтик Парк». От тренировчной базы «Селтика» в районе Бэрроу Филд до района Паркхед не меньше двух миль, но я прошел это расстояние в бутсах и форме, в которой тренировался. Люди удивленно смотрели на меня, возможно, некоторые даже меня узнавали, когда я шел через жилые районы, но мне было все равно. Я напряженно думал, пытаясь понять, что же произошло. Когда я дошел до «Селтик Парк», я уже очень сожалел о перепалке с Томми. Я знал, что это недоразумение, я был уверен, что мы оба элементарно не сумели совладать со своими эмоциями. Но я также понимал, что все кончено, и я больше не буду играть за «Селтик».

Я зашел в ворота и неожиданно увидел перед собой Томми. Оказывается, сразу после нашей ссоры, он запрыгнул в машину и примчался на стадион. Он не хотел, чтобы все так закончилось.

«Паоло!» — позвал он меня.

Я просто стоял и смотрел на него, не зная, что делать.

«Паоло, не уходи! Останься с нами!»

Такого от него я точно не ожидал. Обычно тренеры смотрят на нас свысока, они слишком гордые и считают ниже своего достоинства просто подойти к игроку и извиниться. Я не находил слов.

«Паоло, все в порядке! — голос Томми дрожал от волнения. — Только не уходи из–за какой–то нелепой ссоры!»

Меня переполняли эмоции. Не помню, что я сделал, услышав это. Кажется, обнял Томми. То, как он ценил меня и «Селтик», как он спрятал свою гордость ради того, чтобы удержать меня, казалось просто поразительным. С того момента он стал для меня как брат.

Бетта и Людовика приехали ко мне в Глазго в середине августа. Сначала я боялся, что им там не понравится, но они

сразу полюбили Шотландию. Мы жили в роскошном доме сразу за городом. Там был сад и небольшой ручей. Но главное — там были утки, белки и лисицы. Людовика была на седьмом небе от счастья. Для нее это была сцена из фильма студии Уолта Диснея. Кажется, диких зверей до этого она видела только по телевизору. Помню вечера, когда мы с ней сидели и смотрели в сад в ожидании, когда какая–нибудь лисица или белка пробежит мимо датчика движения и зажгутся осветительные лампы.

Мы никогда раньше не жили за рубежом, но скоро у нас появился свой круг знакомых. «Il Pavone», итальянский ресторан в торговом центре на площади Принс Свер в Глазго стал для нас вторым домом. Мы до сих пор общаемся с владельцами этого ресторана — Гверино и Марко.

Я сразу стал брать уроки английского, хотя студент с меня был, прямо скажем, неважный, особенно по сравнению с Беттой. Казалось, она все схватывает на лету. Хотя учеба давалась мне непросто, я скоро привык к тому, что люди не всегда понимали то, что я хотел им сказать, и особо не переживал по этому поводу. Конечно, я мог и должен бы был лучше разговаривать на английском. Смотря на Виалли, я слегка ему завидую, ведь он живет здесь столько же, сколько и я, а его английский при этом раз в десять лучше моего.

Я знаю, что частично в этом заслуга его учителя, который просто дрессирует своего ученика. По–моему, главное в овладении иностранным языком — научиться на нем думать. Многие просто переводят свои мысли с родного языка на английский. Виалли, в свою очередь, именно думает на английском, а это ключ к успеху в изучении иностранного языка.

Я дебютировал в выездном матче против «Килмарнока». Это был третий поединок сезона, и мне все еще докучала вывихнутая лодыжка, поэтому Томми не поставил меня в основной состав. Я вышел на поле за тридцать минут до конца матча, когда мы проигрывали 0:1.

Я мог слышать все более нараставший гул с трибуны, где сидели фанаты «Селтика». Мне совсем не хотелось их разочаровывать.

Я сразу же забил, а потом отдал две голевые передачи Энди Торну и Хорхе Кадете. После финального свистка я подбежал к болельщикам, чтобы поблагодарить их за поддержку. Они хором скандировали мое имя. Я был просто поражен такой любовью. Я нашел новый дом.

К этому времени стало очевидно, насколько принципиальная борьба предстоит нам за чемпионство с «Рейнджерс», но я понятия не имел, что меня ожидает в моем первом шотландском

дерби.

Это произошло 28 сентября 1996-го года. Нам предстоял поединок с «Рейнджерс» на «Айброксе», и я должен был вскоре попасть в совершенно иной мир. Это поистине что–то неповторимое. Коренной римлянин, я вырос, впитав с молоком матери неприязнь к «Роме», и искренне полагал, что римское дерби — величайшее в мире.

Но так я считал, пока не перебрался в «Селтик», и на своей шкуре не почувствовал, что значит поединок двух главных команд Шотландии.

Можно взять и объединить все дерби в мире, но они не будут стоить и одной миллионной шотландского дерби. С ним ничто не сравнится.

Еще в туннеле перед матчем было видно, какой у игроков настрой. Обычно футболисты пожимают руки друг другу, болтают о том, о сем, или, по крайней мере, хотя бы приветствуют соперников. Но в тот день все молчали и просто смотрели друг на друга. Нет, воинственных взглядов не было, но атмосфера была напряжена до предела. Мы напоминали бойцовых псов, изучающих своих противников перед тем, как их спустят с поводка.

На стадионе стоял просто невыносимый шум. Я знаю, что многие игроки, особенно иностранцы, теряются в такой накаленной и враждебной обстановке. И действительно может стать страшно. Я не говорю только о давлении со стороны фанатов противоположной команды. Даже когда смотришь на собственных болельщиков и видишь, как страстно они тебя поддерживают, как перекошены их лица от ненависти к своим противникам, можно и правда испугаться.

Но я не из пугливых.

Наоборот, давление мне нужно, как воздух. Оно дает мне энергию. Я чувствую себя сильней физически и психологически, когда болельщики распевают свои песни. Мне казалось, я слышу голос каждого сидящего на трибуне, и эти голоса сливаются в один большой хор, который меня подбадривает.

Я взял от болельщиков этот заряд энергии и пропустил его через себя.

С такими фанатами я просто обязан был стать гордостью «Селтика» и показать свою лучшую игру.

Я знал, насколько важно было остановить «Рейнджерс». Они выиграли восемь чемпионатов подряд. Еще раз — и они сравнялись бы по титулам с легендарными командами «Селтика» конца 60-х — начала 70-х, девять раз кряду триумфовавших в первенстве Шотландии.

Мы не должны были этого допустить.

Кроме того, я постепенно стал проникаться принципиальностью этого многолетнего противостояния.

Люди говорят, что нужно быть шотландцем или лучше родиться и вырасти в Глазго, чтобы понять суть этого соперничества. Может, и так, я могу говорить только о том, что пережил сам, о том, что это значило для меня лично.

Слово «ненависть» не очень красиво звучит, но в спорте оно имеет свое место.

И не только ненависть, а еще некоторая доля агрессии, хитрости и злости необходима, чтобы заставить себя бороться, стремиться показывать свои лучшие качества. Конечно, это временная ненависть, исчезающая сразу после окончания поединка, но в течение матча и до матча, во время подготовки, без нее никак не обойтись.

Злость нужна и в повседневной жизни. Я часто злюсь, и это позволило мне добиться успеха. В спорте, в паре с ненавистью, злость может помочь достичь многого. Очень часто это именно то, что отличает великого футболиста от просто хорошего, и позволяет посредственным игрокам постоянно держаться на самом высоком уровне.

В том дерби воздух был пропитан ненавистью. Я вдохнул его полной грудью и воспользовался этой ненавистью в своих интересах. Я прекрасно знал, что дело в религии, и хотя я не понимал суть разногласий и не хотел влезать в этот спор, решил, все же, воспользоваться ситуацией.

Я католик, а они были протестантами. Это мне было понятно.

Однако это совсем не означало, что я должен был бегать по полю и кричать (или даже думать): «Я католик! Ты протестант! Я тебя убью!»

Тем не менее, я знал, что я представлял собой для фанов «Селтика», и что важнее, знал, насколько принципиально было выиграть у «Рейнджерс». Это был шанс одержать победу, пусть и небольшую, над врагом, десятилетиями не дававшим им спокойно жить как на стадионе, так и вне его пределов.

Их ненависть не ограничивалась футболом, но мне передалась именно футбольная ненависть, и именно эту ненависть я мог сделать своей и воспользоваться ей, чтобы стать сильнее.

Это добавляло мне злости, потому что я очень хотел вписать свое имя в историю «Селтика». Их враги стали моими, и до самого финального свистка я ненавидел их так же сильно, как они.

Что касается причин ненависти фанов по отношению друг к

другу, мне она кажется просто нелепой. Я изучил историю противостояния, узнал, что корни проблемы следует искать в Северной Ирландии и в дискриминации, которой ирландские иммигранты подверглись в Шотландии.

Умом я понимаю, что продолжать ненавидеть друг друга не имеет смысла. Сейчас 2000-й год, зачем переносить конфликт из политики в спорт?

Как я уже сказал, в ненависти нет ничего предосудительного. Можно ненавидеть «Рейнджерс» всеми фибрами своей души. Но ненавидеть кого–то, только потому что он протестант, из–за событий, произошедших далеко и давно, по–моему, глупо.

У каждого есть право выражать свой протест, право защищаться, иногда это становится даже обязанностью. Но когда люди погибают из–за конфликта, произошедшего много столетий назад, войны, которую ни они сами, ни их отцы, ни деды не начинали, совершенно неправильно продолжать уничтожать друг друга.

Когда террористы из ИРА или боевики–монархисты убивают женщин и детей, их нельзя ничем оправдать. Или когда четырнадцатилетний подросток в Белфасте заявляет: «Это моя земля, я здесь родился и я здесь умру», этому тоже нельзя найти оправдания.

Больше всего меня беспокоит, что детей воспитывают в духе ненависти, не объясняя им настоящих причин вражды между противоборствующими лагерями. У этих детей нет выбора. Их лишили собственной воли.

Представляю, как юный протестантский парнишка в Глазго только начинает любить футбол. Он может видеть на поле меня, Хенрика Ларсона или Тома Бойда, и восхищаться нашим талантом и нашим стремлением побеждать. В нормальном мире именно так дети становятся болельщиками: сначала они влюбляются в конкретного игрока, а затем — во всю команду.

Но наш протестантский мальчишка никогда не сможет болеть за «Селтик». Он никогда в нас не влюбится. А это в корне неправильно.

Даже когда кто–то не учит ненавидеть, а учит просто не любить, это плохо, так поступают только извращенные умы.

И все же, сказав все это, я не имею права осуждать фанов «Рейнджерс» и «Селтика», протестантов и католиков за взаимную ненависть.

Я осознаю, что я представитель другой культуры. Та среда, в которой я воспитывался и рос, влияет на мои убеждения и мысли. Иначе и быть не может. В моей культуре, в моем сознании, подобная ненависть абсурдна.

Но именно потому что я не из Глазго, потому что мне не прививали все эти понятия, я не смею говорить людям, что они поступают неправильно. Я никогда не сталкивался с теми проблемами, с которыми сталкивались они, я не воспитывался в этой среде.

Не думаю, что так должно быть. Уверен, что–то может поменяться — стоит людям только захотеть.

Но я сомневаюсь, что они готовы к переменам. Иначе они бы сделали хоть что–нибудь. Возьмите школы, например. Людовика ходила в одну из немногих смешанных школ в Глазго. Все остальные — либо католические, либо государственные, а это, по существу, означает, протестантские, потому что все католики посещают католические школы.

Эти дети вырастают, воспринимая других не такими, как они. У них ограниченные представления, они не умеют думать.

Мне кажется, если люди действительно хотели бы перемен, они бы позволили своим детям самим принимать решения. Они бы сказали: «Ок, сейчас мы слишком разные, нам никогда не удастся примириться. Может, хотя бы наши дети однажды смогут это сделать».

Но они так не говорят. Они просто передают свое невежество и ненависть по наследству. Наверное, потому что в глубине души боятся, что однажды у их детей или внуков все–таки получится достичь мира и согласия, и тогда ненависть, которой они пропитали свою жизнь, потеряет всякий смысл.

Так или иначе, мы проиграли то дерби 0:2, как, впрочем, и следующие два.

Мы легко расправлялись почти со всеми остальными командами в лиге, а вот «Рейнджерс» оказался для нас слишком крепким орешком. Большую часть чемпионата мы их догоняли и никак не могли догнать, но чувствовалось, что стоит нам чуть–чуть прибавить — и мы их обойдем.

Однако мне казалось, что судьи к нам не очень благосклонны.

И я открыто заявил об этом в интервью итальянскому журналу, после чего меня стала цитировать шотландская пресса. Мои слова перекрутили, и вышло так, что якобы я обвинил судей в предвзятом отношении к «Селтику», потому что большинство из них являлись протестантами.

На самом деле я так не говорил, а просто отметил, что поскольку протестанты составляют 80 процентов населения, вполне разумно, если 80 процентов судей тоже будут протестантами. Вот и все, и мое высказывание можно было трактовать, как угодно. Естественно, из мухи сделали слона, что,

наверное, не прибавило ко мне уважения со стороны судей.

К сказанному хочу добавить, что всем известно, насколько трепетно относятся рефери к большим клубам. В Италии даже есть соответствующий термин — «sudditanza psicolygica», который дословно можно перевести как «психологическая покорность».

По сути это означает, что судья помимо своей воли проявляет лояльность к более сильным, большим клубам. Например, если бы «Манчестер Юнайтед» играл против «Скантorпа» на «Олд Трафорд», обслуживающим этот матч судьям было бы очень непросто заставить себя назначить пенальти в ворота манкунианцев.

Так происходит не обязательно потому, что рефери с предубеждением относится к более слабой команде или потому что он плохой человек. Это связано с тем, что судья обязан обеспечить соблюдение правил игры. Если он должным образом выполняет свою работу, тогда лучшая команда выигрывает. А лучшей командой в нашем примере неизменно будет «Манчестер Юнайтед». Если же судья назначит пенальти в пользу «Скантorпа», что поможет им победить, тогда будет сложно сказать, что выиграла лучшая команда, так как понятно, что это не так. Следовательно, если лучшая команда не смогла победить, значит, судья плохо выполнил свои обязанности.

Именно этот страх неудачи, боязнь сделать что–то неправильно прочно оседает в сознании судьи и влияет на все его решения. Если Майкл Оуэн бежит на защитника «Уимблдона», и, вступая с ним в контакт, падает, судья, скорее всего, назначит пенальти. Почему? Частично потому что Оуэн — быстрый, искусный форвард, а защитники «Уимблдона» считаются неповоротливыми игроками, которые постоянно привозят себе пенальти. Но свою роль играет и то, что «Ливерпуль» — великий клуб, в то время как «Уимблдон» — маленькая, провинциальная команда.

Но когда Нил Раддок сталкивается с Гаретом Саутгейтом, вряд ли пенальти будет назначен. Почему? Частично потому что «Астон Вилла» имеет больший авторитет, чем «Кристал Пэлэс», а частично — потому что Раддок многими воспринимается как грубый, медленный игрок, в то время как Саутгейт — прекрасный центральный защитник, умеющий идеально рассчитывать свои действия.

Я не хочу сказать, что у судей есть какие–то инструкции, и что они специально проявляют большую благосклонность к определенным командам или игрокам. Но они действительно позволяют на себя влиять. Отсюда «психологическая покорность».

Но это еще не все. В некоторых случаях присутствует

элементарный страх перейти дорогу сильным и влиятельным клубам, которые в отместку могут навредить карьере данного судьи. В конце концов, ассоциация назначает судей и определяет, каких из них повысить, а каких — уволить.

А ассоциация состоит из клубов, и в ее руководящих структурах мнение некоторых их этих клубов имеет больший вес. Почему? Потому что они больше и, следовательно, больше зарабатывают. В конце концов, ведь футбольные ассоциации — не благотворительные организации. Они существуют для того, чтобы приносить доход. «Манчестер Юнайтед», выиграв чемпионство, даст ассоциации больше денег, чем когда тот же титул завоюет «Брэдфорд».

Все это не пустые разговоры, которые ведет Паоло Ди Канио. В поддержку моих слов — статистика. Вернитесь назад и проанализируйте процентные соотношения, посмотрите трансляции, поговорите с игроками. Чтобы в ворота «Манчестера» на «Олд Траффорд» назначили пенальти, Яап Стам должен вытащить автомат и сделать из нападающего соперников решето, но даже в этом случае, скорее всего, начнутся жаркие споры по поводу того, стрелял он в штрафной площади или в нескольких сантиметрах за ее пределами.

Данная проблема характерна не только для Британии. Эта «психологическая покорность» существует в каждой стране, в любом виде спорта. В Италии с этим дело обстоит так же плохо, если не хуже.

Вы удивитесь, но «Селтик» — наверное, единственный гранд, который не пользуется «психологической покорностью» в своих интересах. Это потому что в Шотландии все делается для блага «Рейнджерс». На их стороне пресса, лига, судьи.

Даже когда мы играли с такими командами, как «Рейс Роверс» или «Дамфермлайн», судьи были против нас. Так происходило потому, что в Шотландии борьба за чемпионство всегда идет между двумя командами, и засуживая нас, арбитры, таким образом, помогают «Рейнджерс».

Еще раз повторю: я не знаю, делается ли это намеренно или нет. Хочу надеяться, что у большинства судей это происходит на подсознательном уровне. Но я также знаю, что есть и такие арбитры, которые относится к «Селтику» с предубеждением.

Некоторые в течение всей игры не дадут ни одного штрафного в твою пользу, несмотря на то, что соперник весь матч бьет тебя по ногам. Такие судьи, на мой взгляд, просто посмешище.

В моем случае, теперь, когда я являюсь футболистом «Вэст Хэма», ситуация еще хуже по трем причинам. Прежде всего, наш

клуб не настолько великий. За нас играют несколько футболистов с непростым характером, и у общественности о нас сложилось определенное мнение. Во вторых, я иностранец, а это всегда мешает. И в-третьих, я Паоло Ди Канио, и я уже успел заработать себе дурную славу.

Еще до случая с Полом Алькоком в Хиллсборо, меня считали симулянтом, который может «нырнуть» и начать требовать от судьи штрафного или пенальти. Да, я не могу молчать, когда сталкиваюсь с несправедливостью. Но что касается «ныряния», о чем я уже неоднократно заявлял, я ни разу не симулировал с тех пор, как стал выступать в Британии.

Надо признать, что в Италии действительно не считается зазорным падать, когда вступаешь в контакт с соперником. Но с момента приезда в эту страну я, как британцы, стал считать, что лучше в таком случае остаться на ногах. Терпеть не могу «нырять», ненавижу. Но меня, почему–то, постоянно в этом обвиняют. Хотя каждый раз после спорного эпизода, люди смотрят повтор, и не находят убедительного доказательства симуляции. А это потому, что ее там и в помине не было.

Я просто гораздо быстрее и обладаю лучшей техникой, чем большинство защитников. Я показываю им мяч, они бросаются на него, но к тому времени, как успевают до него добраться, я перекладываю мяч на другую ногу или убираю его в сторону, или делаю еще какой–нибудь финт, и защитники остаются с носом. Не забрав мяч, они бьют меня по ноге. И так как большинство игроков обороны габаритнее и тяжелее меня, я теряю равновесие и падаю на газон.

Это физика в чистом виде. Но никто не желает этого признавать.

Я не помню ни одного достойного арбитра в тех матчах, которые сыграл в Британии. Честно. Ни один судья не оставил меня довольным. Это постоянная битва: я играю не только против соперника, мне еще приходится бороться с арбитром.

В сезоне 1999–2001 я заработал, по крайней мере, восемь стопроцентных пенальти, которые так и не были назначены.

Дошло до того, что я уже не жду свистка. На «Аптон Парк» судьи не ставят пенальти. Наоборот, они показывают мне карточки за симуляцию. Иногда я настолько не верю арбитру, что прошу своих партнеров самим прорываться к воротам вместо того, чтобы отдавать мне передачу в штрафную. Ведь все равно против меня обязательно нарушат правила, а арбитр на это никак не отреагирует.

Если вы защитник одного из клубов Премьер — Лиги и вам нужно остановить Ди Канио в штрафной площади, лучшим

способом будет просто меня толкнуть, нежели пытаться отобрать у меня мяч по правилам. Если против меня не фолить, я могу вас обвести и забить гол. Но если вы меня просто собьете, все будет в порядке, потому что непреклонный арбитр даже и не подумает назначить одиннадцатиметровый.

Но шутки в сторону. Это серьезная проблема.

Сотни тысяч болельщиков не поддерживают ни «Арсенал», ни «Манчестер Юнайтед», ни «Рейнджерс», и в каждом матче над ними просто издеваются.

Судьи должны обеспечивать безукоснительное соблюдение правил, и гарантировать, что игра пройдет честно и открыто. Это означает, что они обязаны принимать справедливые решения, и в случае нарушения правил наказывать игроков той или иной команды в равной степени. И, наоборот, совсем не означает, что они могут свистеть без разбору в интересах только одной стороны.

Футбольной Ассоциации следовало бы инициировать открытое обсуждение качества судейства. Но вместо этого она просто защищает арбитров, всегда и везде, в независимости от обстоятельств, как было в случае с Полом Деркином, который в прошлогоднем дерби между «Вэст Хэмом» и «Арсеналом» показал Тревору Сиклеру две желтых карточки в течение одной минуты. Арбитры для Ассоциации — это некие священные коровы, которых никому не позволено критиковать.

И все же судьи — это неотъемлемая часть игры, такая же, как угловые флажки, ворота, или игроки. Это просто люди, им свойственно ошибаться, мы все это знаем. Но они очень редко, а некоторые вообще никогда, признают свои ошибки. Почему? Ведь признаться в том, что ты неправ, еще не значит, что ты слабый, это просто значит, что ты обычный человек.

Думаю, вряд ли кто–то надеется, что судьи станут безгрешными. Я точно на это не рассчитываю. Я просто хочу, чтобы они были честными, чтобы их работа находилась под контролем, как моя. Футбольная Ассоциация должна открыто давать судьям оценку, объясняя, почему судью «А» уволили, а судью «В», наоборот, повысили. Тогда лучше станет всем.

Знаю, некоторым арбитрам такие правила вряд ли придутся по душе, но думаю, большинство, все–таки, не будет возражать. Они поймут, что закулисные игры только вызывают подозрения и еще больше усложняют их работу.

Мне пришлось ждать 6-го марта — четвертьфинала Кубка Шотландии, чтобы, наконец, насладиться радостью победы над «Рейнджерс». То, что это случилось на «Селтик Парк», сделало вкус победы еще слаще. Мы вышли вперед спустя 11 минут после

начала поединка, а затем я забил второй гол с пенальти на 19-й минуте. Когда мяч вонзился в сетку, я услышал 50.000 голосов, скандировавших мое имя. Это было что–то невероятное.

Мы играли хорошо, создали много опасных моментов и старались не упустить победу. В конце игры каждый раз, когда мы касались мяча, даже когда просто останавливали мяч после вбрасывания из–за боковой, зрители приветствовали нас так громко, что чувствовалось, как дрожит земля. Шум стоял просто оглушительный, такого я раньше никогда не слышал, и с каждым нашим касанием мяча он становился все громче и громче.

Тот матч — мое лучшее воспоминание о шотландском дерби, наверное, потому что оно оказалось единственным, в котором я победил.

Через десять дней мы снова играли против «Ренджерс». За семь туров до конца чемпионата мы отставали от них на пять очков. Победа в родных стенах позволила бы нам сократить отставание до двух очков, и дала бы реальный шанс на завоевание титула. С другой стороны, поражение увеличивало отрыв до восьми пунктов и фактически в девятый раз подряд дарило им чемпионство.

Как они, так и мы были заведены до предела, поэтому игра превратилась в настоящее побоище. В ход пошло все: шипы, локти, головы. Мы лупили друг друга безжалостно. На 44-й минуте Брайан Лаудруп забил гол в наши ворота, а потом Марк Хатли и Макэй получили красные карточки, оставив команды доигрывать матч вдесятером.

Я делал, что мог, борясь впереди вместе с Хорхе Кадете. Пьера Ван Хойдонка продали за неделю до матча вследствие спора с МакКанном по поводу условий контракта. Нам очень не хватало голландца.

После финального свистка фаны «Рейнджерс» стали бурно праздновать успех на своей трибуне, распевая «Десять подряд! Десять подряд!»

Я был опустошен. Я опустился на колени. Мне было страшно обидно. Мы отдали «Рейнджерс» двенадцать очков в четырех последних встречах. Даже если бы мы выиграли хотя бы два из четырех матчей, мы бы сейчас шли на первом месте, имея преимущество в четыре пункта. А вместо этого праздник был на их улице. В очередной раз.

Я уходил с поля, опустив голову, когда ко мне подбежал Ян Фергюсон. Весь матч он в буквальном смысле слова охотился на наших футболистов, играя чрезвычайно грубо. Я не против борьбы, пусть даже временами переходящей грань дозволенного. Иногда это бывает необходимо, но Фергюсон полностью вышел за

рамки. Он не был подлым или бескомпромиссным, как Рой Кин, например. Он был просто зверем на поле.

И все же, с моей точки зрения, игра завершилась после финального свистка. Я никогда не переношу свои обиды из одного матча в другой. После окончания поединка нужно забыть все плохое, что произошло на поле, и неважно, что это было.

Но Фергюсон наклонился ко мне и прокричал мне в ухо: «Пошел ты, ублюдок!»

Сначала я не поверил своим ушам. На это потребовалось несколько секунд.

Мы только что проиграли матч и чемпионат перед собственными болельщиками на «Селтик Парк» — нашем храме, и этот Ян Фергюсон, это ничтожество, смеет подходить и оскорблять меня без причины.

Это называется бить лежачего ногами. Если бы он сказал что–нибудь саркастическое, например, «Здорово вы выиграли титул» или что–то в таком же духе, все бы было иначе. Я бы его просто послал куда следует и все.

Но нет, он намеренно оскорбил меня, чтобы еще больше унизить «Селтик».

Я не собирался этого терпеть.

Я повернулся и погнался за ним по полю. В это время он направлялся к своим одноклубникам, праздновавшим победу в другом конце поля. Я не мог дать ему улизнуть.

Он стал убегать от меня, и было очевидно, что он напуган. Наконец, я его догнал и схватил, но борьба оказалась непродолжительной. Вмешались другие игроки и разняли нас.

И хорошо, потому что я бы точно из него сделал отбивную. Не думаю, что еще когда–нибудь в жизни я был настолько разъярен. Даже не сомневаюсь, я бы отделал его так, что мало бы не показалось.

Вскоре после этого Томми Бамса уволили. Это был болезненный удар для меня. За время его работы мы стали сплоченным коллективом, и это увольнение было самым настоящим абсурдом.

Руководство могло бы подождать еще несколько недель, дав Томми закончить сезон достойно. Но вместо этого они просто вышвырнули его вон. Теперь я понял, что за люди находятся во главе «Селтика».

Для меня сезон был окончен на оптимистичной ноте. Я был назван Игроком Года по версии Шотландской Профессиональной Футбольной Ассоциации. Быть признанным — это огромная честь для меня. Брайан Лаудруп стал обладателем Премии Футбольных писателей (уже 6-ой по счету игрок «Рейнджерс», получающий

данный трофей). Но мне безразлично. Намного более важным, я считаю, быть удостоенным награды в качестве игрока.

На церемонию награждения я одел килт. Этим жестом я хотел выразить свое почтение Шотландии, стране, которую я полюбил. На самом деле, я провел немалую работу по изучению шотландских кланов. Я купил специальную книгу и выбрал себе килт клана «St Andrews». Это был незабываемый вечер награждения.

Я был готов пересмотреть условия контракта с «Селтиком». Я надеялся на долгосрочный контракт, подумывая о том, чтобы играть на «Селтик Парк» до окончания карьеры. Бета и Людовика полюбили Глазго, да и я искренне верил, что нашел свой второй дом, фантастическое место, где я по–настоящему был бы счастлив.

Перед летним перерывом, Морено Роджи приехал в Шотландию, и мы пошли на прием к МакКану.

«Нам нужно обсудить некоторые обещания, сделанные Вами ранее, — сказал Морено. — Вы попросили нас подписать контракт на условиях низкой оплаты, пообещав, что если Паоло проведет отличный сезон, то его контракт будет пересмотрен. Как по мне, Паоло провел грандиозный сезон, Вам так не кажется?»

МакКан озадаченно на нас посмотрел.

«Что–то я не припоминаю такого обещания с моей стороны», — он ответил.

Он делал вид, что не понимает нас, прикидывался дурачком, используя в своих целях подписанный мной контракт по доброй воле годом ранее.

Я повернулся к Роджи и на итальянском сказал ему: «Ладно, если он не помнит о своем обещании, я со своей стороны не помню об обещании играть для этого идиота».

На лето мы переехали в Италию, в надежде, что ситуация разрешится. В конце концов, меня назвали Игроком года, и откровенно, я получал очень мало. В добавок ко всему МакКан дал мне свое слово.

МакКан — бизнесмен, и, скорее всего, он полагал, что «Селтик» расторгнет контракт с Ди Канио, независимо от качества и уровня его игры. На первом месте для него были деньги, ему было безразлично, завоюет ли клуб очередной титул или нет.

Я начинаю безудержно смеяться при сравнении МакКана и, скажем, Питера Сторри. Когда я впервые прибыл на «Аптон Парк», Сторри продержал меня у себя в кабинете около двух часов, рассказывая мне о клубе, о его истории и традициях. Он показывал мне фотографии Тревора Брукинга и Бобби Мура,

рассказывал об Академии. Он все говорил, говорил… Одним словом, он был увлечен предметом разговора, и пытался передать мне свою страсть. Мне это было по душе. Я люблю людей, которые любят футбол.

МакКан — напротив же, за все время пребывания в клубе, он разговаривал со мной максимум раза три. Первый наш разговор состоялся, как только я приехал на «Селтик Парк» решать вопрос о моем переходе. В тот день, он появился из ниоткуда, произнес «Рад познакомиться», пожал мне руку и также внезапно исчез. Он отнесся ко мне как к новой подносчице чая.

Второй наш разговор состоялся, когда он обещал пересмотреть мой контракт, и третий — когда он решил, что не помнит этого разговора. И на этом все. Я не помню, чтобы я его еще где–то встречал.

Когда я вернулся тем летом, меня пригласили встретиться с Джоком Брауном. Джок был назначен генеральным директором с подачи МакКанна. На самом деле, он играл роль жесткого парня и решал щепетильные вопросы, которых не хотел касаться МакКан.

Я сразу его раскусил. В один момент он был улыбчивый, в другой — холодный и расчетливый. Он встретил меня как своего самого близкого друга. Через несколько минут он предложил пройти в офис.

Как только я присел, его взгляд стал тяжелым и грубым.

«Паоло, ты должен выполнить все, о чем я тебе скажу, — начал он. — Ты подписал контракт, и это значит, что я могу решать, что лучше для тебя. Ты должен забыть обо всех обещаниях, о которых ты говоришь. Ты должен делать именно то, что тебе указывает руководство ФК «Селтик»

Я понял, что он пытается меня запугать. Это было написано у него на лице. Он даже и не думал предлагать мне новый контракт. МакКан направил его выполнить всю грязную работу.

Я не собирался позволить этому клоуну мне указывать. Я дал ему шанс все исправить.

«Ты должно быть шутишь?» — спросил я, понижая голос.

Он смотрел мне прямо в глаза, его губы были сомкнуты. Он был похож на мультяшного героя.

«Это ведь не шутка? — сказал я. — Ты не шутишь. А ты уверен в том, что говоришь? Ты действительно этого хочешь?»

Он широко улыбнулся. Он самодовольно бросил мне вызов. В сию же секунду он агрессивно нахмурился, всем своим видом он проявлял неодобрение.

Я покачал головой. «Ты не прав, совсем не прав, и даже не понимаешь всю силу своей неправоты». Никакой реакции на мои

слова не последовало.

«Я ухожу. — практически шепотом я произнес эти слова. — Я возвращаюсь в Италию. Увидимся!»

Я собрался уходить. Он явно этого не ожидал.

«Нет, Паоло, ты должен остаться — попытался было возразить мне Джок. — Ты не можешь так поступить, ты ошибаешься»

«Нет, это ТЫ ошибаешься! — я наклонился к нему всем корпусом. — Только что ты совершил огромнейшую ошибку!»

«Ты не можешь так поступить!» — прокричал он мне вслед, когда я уже выходил из офиса.

Я обернулся.

«Вы не знаете, с чем имеете дело, — ответил я. — Я возвращаюсь в Италию. Можете уволить меня, мне все равно».

С этими словами я вернулся домой.

Для меня это был вопрос принципа. Я не позволю, чтобы мной помыкали. Если бы они поставили вопрос другим образом, если бы мне объяснили другими словами, мол, нам нужно улучшить команду, нам нужны деньги на нового игрока, я бы понял. Единственное, что от них требовалось, — быть культурными и благоразумными.

Вместо этого, они попытались меня запугать самым тупым образом. Лучано Моджи не смог меня остановить таким образом в «Ювентусе». У Фергюса МакКана и его дружка Джока Брауна просто не было шансов.

Мне до сих пор было тошно от всего происшедшего. Я был разочаровоан, что люди, которым по большому счету безразличен футбол, стоят у руля ФК «Селтик».

Вместе с командой я поехал на тренировочные сборы в Ирландию. Там я познакомился с новым менеджером, его звали Вим Дженсен. Он оказался отличным парнем, советовался со мной в вопросе перестановки команды. Задание было не из легких: Ван Хойдонк ушел из команды, Кадете как раз собирался уходить, а моя судьба была покрыта тайной. Мне кажется, он хотел, чтобы я остался, но мало что зависело от него в данной ситуации.

Будучи в Ирландии, мне не переставал звонить один из директоров «Селтика». Он уверял меня, что со своей поддержкой он с легкостью вытеснит МакКана. Он рассказывал о привлечении новых инвесторов, людей, которые живут клубом, говорил о том, что со мной подпишут 5-летний контракт. К сожалению, из этого ничего не получилось, но было приятно осознавать, что не все директора «Селтика» одного с МакКаном покроя.

В Ирландии я задержался всего на несколько дней, прежде

чем вернуться в Италию. Я испытывал колоссальное давление над собой. Чувство предательства и унижения… Я полюбил клуб всем сердцем, а получил плевок в лицо.

Не было ни единого шанса, что я продолжу карьеру в этом клубе. Даже вернувшись в Терни, я все еще ощущал эту боль. Я надеялся, что ситуация поменяется, но все становилось только хуже.

«Селтик» согласился выставить меня на продажу. У меня были предложения от клубов Серии А, «Болонья» и «Наполи» были готовы подписать со мной контракт, но на данном этапе своей карьеры, я желал играть за границей. Я бы с удовольствием остался в Шотландии, но играть за «Рейнджерс» — откровенно не вариант. Поэтому я устремил свое внимание на Английскую Премьер Лигу.

Глава 8
Когда посыпались удары

Мне не хотелось уходить из «Селтика», но я знал, что должен постараться извлечь максим из следующего этапа в своей карьере — выступления за «Шеффилд Уэнсдэй». Нельзя жить, постоянно о чем–то сожалея или представляя, как бы развивались события, если… Если бы я остался в Глазго, у меня бы все сложилось удачно, а может, и нет. Так или иначе, я доволен своей жизнью сейчас, поэтому не вижу смысла возвращаться в прошлое и гадать, было бы мне лучше где–нибудь в другом месте.

Кроме того, переход в «Уэнсдэй» означал, что я буду выступать в Премьер–лиге. Я предпочел такому гранду, как «Селтик», скромный «Шеффилд», но перспектива играть в престижном чемпионате меня очень привлекала.

Кроме дерби между «Рейнджерс» и «Селтиком», шотландский футбол мало кому интересен. Другое дело — Премьер–лига. В Италии можно смотреть прямые трансляции матчей Премьер–лиги и еженедельные обзоры туров. Английский чемпионат очень хорошо освещается прессой. После года, проведенного в относительной безвестности, я вернулся на большую сцену. Хотя я любил Шотландию и шотландский футбол, я понимал, что Премьер–лига намного популярнее.

Кроме того, свою роль играл и тот факт, что в Англии больше равных по силе команд. В Шотландии у «Селтика» есть один реальный конкурент — «Рейнджерс». В Премьер–лиге же мне предстояло играть против таких легендарных клубов с богатой историей, как «Манчестер Юнайтед», «Ливерпуль» и «Арсенал», о которых я слышал в детстве. Мне очень хотелось посмотреть, способен ли я играть на одном уровне с футболистами из этих клубов.

Морено Роджи, его сын Маттео и я приземлились в аэропорту Манчестера, где нас ждала машина, выделенная руководством «Шеффилд Уэнсдэй». Дело было в августе. Уехав из солнечной Италии, где температура достигала 30 градусов, мы очутились в холодной, сырой, унылой Англии. До Хилсборо мы ехали полтора часа, и чем ближе мы к нему подъезжали, тем мрачней становилась местность. Может, так только казалось, но по мере того, как мы ехали через Йоркшир, создавалось впечатление, что скоро мы окажемся в глубине Сибири.

Мы проехали центр Шеффилда, мимо заколоченных досками магазинов и лавок, где продавали кебаб. Все это напоминало

Восточную Европу до падения железного занавеса.

Я повернулся к Морено и спросил: «Черт возьми, где это мы? Что это за место такое?»

Он улыбнулся.

«Не волнуйся, — ответил он. — Хуже уже не будет. Будет только лучше».

Честно говоря, Шеффилд — не самое приятное место, где я бывал. Вряд ли этот город в обозримом будущем выиграет конкурс красоты. Но если ты — настоящий профессионал, тебя это не должно волновать. Что по–настоящему важно — это суметь найти островок спокойствия для себя и своей семьи.

Как только мы устроились, нам стала нравиться жизнь в Шеффилде. Мы купили красивый дом за городом: тихий, спокойный, идеальный для молодой семьи с маленькими детьми.

Часто приходится слышать рассказы об иностранцах, у которых не получается устроиться в определенных местах, особенно на севере Англии. Это тема оживленно обсуждается в прессе. Но когда я слышу эти жалобы, меня переполняют эмоции. В Италии газеты пишут, что почти все итальянцы, живущие вне Лондона, несчастны, что любое место в Англии — унылая, безобразная дыра. Они уверены, что мы все сбежим обратно в Италию, стоит нам только как следует заплатить.

Не знаю, лично я счастлив в «Вест Хэме», как был счастлив и в Шеффилде, и в Глазго. Я не хочу возвращаться, да и, может, вообще больше никогда не приеду назад в Италию, кто знает?

Дело в том, что для итальянского футболиста приглашение в Премьер–лигу — настоящая удача. Это возможность познакомиться с другим способом жизни, другой культурой, выучить новый язык, и при этом играть в увлекательном, динамичном, престижном чемпионате. Не говоря уже о деньгах. Да, самые лучшие игроки в Серии А зарабатывают намного больше, чем здесь. Но большинство, если не все, итальянцы, выступающие в Англии, получают достаточно много денег — больше, чем могут иметь дома.

Мне грустно, когда я слышу, как некоторые рассуждают об итальянцах. Я не хочу, чтобы люди думали, что якобы нам лучше сидеть в Риме или Неаполе, попивая капуччино и наблюдая за происходящим со стороны. Это не обо мне. Мне здесь нравится.

Я знаю, что с легионерами в Италии тоже так. Ребята вроде Йана Раша и Хакана Шюкюра никак не могли адаптироваться в Италии. Но думаю, это скорее исключение.

Посмотрите на итальянцев в Премьер–лиге. Почти все они прекрасно устроились и наслаждаются своей жизнью в Англии.

Роберто Ди Маттео счастлив. У него свой ресторан, он стал

отцом, завел друзей. Джанфранко Дзола тоже счастлив. Он играет в гольф, купил хорошей дом, его дети ходят в ту же школу, которую посещал Принц Чарльз, и скоро, наверное, смогут разговаривать на английском лучше, чем на итальянском. Джанлуке Виалли здесь точно нравится. А почему ему не должно нравиться? Ему повезло стать тренером высококлассной команды, он может гулять по Гайд Парку и его никто не станет донимать, он может делать все, что нравится, когда угодно.

Я не говорю только о тех из нас, кто живет в Лондоне.

Джанлука Феста живет в Мидлсбро, самом отвратительном месте в мире, но он тоже счастлив, как и Стефано Эранио. Они бы так долго не задержались, если бы им там не нравилось.

Меня спрашивают: «Паоло, правда, что нужно иметь особый склад характера, чтобы суметь адаптироваться за рубежом?»

Да нет, нужно просто понимать, что когда приезжаешь в другую страну, ты в ней только гость, и глупо рассчитывать, что здесь все будет так же, как дома. Нельзя ожидать, что люди будут разговаривать на том же языке или есть ту же еду, что и у тебя на родине.

Мне кажется, это просто здравый смысл. Нам, иностранцам, нужно принять тот факт, что это не наша страна. Мы гости, и должны уважать местные традиции.

Это нам нужно учить английский. Это нам нужно привыкать жить так, как живут англичане. Я бы не хотел, чтобы приезжая в Италию, иностранцы вели себя как хозяева. Когда они находятся в моей стране, они должны соблюдать правила, которые устанавливаю я. Поэтому справедливо, что иностранцы в Англии должны принимать английский способ жизни.

Скажу даже больше. Мы не просто гости. Мы должны помнить, что нам дан большой шанс. Англия — это не только место, где мы живем, это страна, которая предоставляет нам возможности, дает нам работу, позволяет нам зарабатывать на жизнь футболом, что, на мой взгляд, является лучшей работой в мире.

Как я уже сказал, за рубежом можно адаптироваться, если уважать традиции страны, в которую приезжаешь. Нужно только правильно расставить приоритеты и понять, что действительно важно.

Ну, ладно, я не в Италии, и это означает, что мне придется поменять свой образ жизни. Я не могу просыпаться утром, идти в местный бар, пить там каппуччино с пирожным, и обсуждать с барменом телепередачу, которую смотрел накануне вечером. Так же, наверное, Йан Раш не мог найти человек пять–шесть из своих одноклубников, чтобы составить ему компанию в баре.

Ну и что? Неужели твои привычки — это нечто незыблемое? Неужели утренний каппуччино значит больше, чем фантастический шанс, который дается игроку из–за рубежа здесь, в Англии? Неужели каппуччино и правда может изменить твою жизнь?

Не говоря уже о том, что никто не приставляет пистолет к твоей голове — ты не обязан оставаться здесь до конца дней своих. Если тебе это не по душе, если ты действительно не можешь обойтись без своего любимого каппуччино и настоящей пиццы в воскресенье вечером, всегда можно вернуться домой через пару лет.

Если ты не в состоянии адаптироваться, когда ты профессиональный футболист и тебе 25, и зарабатывать за месяц столько же, сколько большинство зарабатывает за год, то когда же тогда адаптироваться?

Особенно в Лондоне — потрясающем городе, где тебе достаточно протянуть руку, чтобы получить все, что хочешь. Некоторые называют английские города безобразными. Да, во многих случаях они правы. Но это не означает, что в них плохо жить. Да, в таких городах, как Шеффилд или Мидлсбро, не найдешь красивых старых церквей, музеев или памятников. Ну и что? Ведь римляне не ходят вокруг Коллизея и не любуются Пантеоном всю свою жизнь.

Город, прежде всего, это люди, в нем живущие. Я познакомился с прекрасными людьми в Шеффилде, Джанлука Феста — в Мидлсбро, и так далее. Если ты открытый, дружелюбный человек, и у тебя нет предрассудков, ты можешь ужиться везде.

Когда у тебя получается гармонично сочетать работу и семейную жизнь, ты можешь чувствовать себя счастливым везде. Я действительно в это верю, и это относится не только к футболистам.

Конечно, важную роль играет жена или подруга. Нужно сказать, что если бы я не женился на Бетте, если бы у меня была другая женщина, наверное, ничего бы не получилось и я бы вернулся в Италию.

Подумайте. Профессионально играя в футбол, я кормлю свою семью. Я хожу на тренировки, участвую в поединках, мой режим очень похож на тот, который был у меня в Италии. Мои рабочие обязанности, по сути, не изменились. Естественно, я подружусь со своими одноклубниками, найду, о чем с ними говорить, мы будем делиться информацией друг с другом. Но с женами и подругами все не так. Им приходится оставаться дома и приспосабливаться к совершенно новому миру. Им сложнее знакомиться с новыми

людьми, им не только приходится учить новый язык, но также узнавать, где они могут купить еду, оставить белье для стирки, как проехать в центр города и так далее. Может показаться, что это мелочи, но они должны начинать все сначала. У жен совершенно иные ориентиры, нежели у нас, футболистов, да и вообще любого мужчины, который приехал в другую страну.

Мне повезло: Бетта и я вместе решили переехать за границу, и вместе пришли к выводу, что это правильно на 100 %. Мы были уверены, что вопрос не только в деньгах, хотя материальная сторона тоже важна.

Фактором, определившим наш выбор, стало огромное желание попробовать что–нибудь новое. Мы были уверены, что нашей семье это принесет пользу. Мы взвесили все «за» и «против» и приняли решение. Мы ясно видели возможности, которые нас ждут.

Что касается меня, я всегда восхищался английским футболом, его историей и традициями. Для моих дочерей это был шанс не только открыть для себя совершенно иную культуру, но и приобщиться к ней. Людовике восемь лет, и она великолепно общается на обоих языках. Ее английский настолько же хорош, насколько итальянский, и она переключается с одного языка на другой без видимых усилий. Она любит звонить Бетте из дома какой–нибудь из своих подруг и говорить с ней на английском, притворяясь другим человеком, чтобы разыграть маму.

Только представьте! Бетта даже не может понять, что разговаривает с собственной дочерью. Настолько хорошо Людовика владеет английским. Ее акцент безупречен. Интересно, понимают ли люди насколько велик этот дар.

У меня есть друзья в Италии, тратящие 5000 фунтов, чтобы отправить своих детей в Британию на летние программы по изучению английского, где идет полное погружение в языковую среду. Но их отпрыски возвращаются домой, разговаривая на английском еще хуже, чем раньше. Это потому что они даже не ходят на занятия, а просто болтаются со своими итальянскими сверстниками по пабам и клубам, и в результате не получают никаких знаний.

Я этого не понимаю. В Англии есть футболисты из–за рубежа, которые согласны вернуться домой за треть зарплаты, которую они здесь получают. По–моему, это глупо. Ты сюда приезжаешь, зарабатываешь здесь кучу денег, твоя семья получает возможность прикоснуться к иной культуре, здесь менее напряженная обстановка, и ты не обязан оставаться здесь до конца жизни. Почему бы не постараться приспособиться?

Так что, наверное, нет ничего удивительного в том, что,

несмотря на ужасные условия во время моего первого визита, мы быстро устроились в Шеффилде. Я был полон энтузиазма и готовился начать все с нуля.

В первый вечер мы встретились с менеджером клуба Грэхэмом Макреллом (тогда мы еще не знали, что наши пути вновь пересекутся, хотя и ненадолго, в «Вест Хэме»), и председателем Дэйвом Ричардсом. Они были с нами приветливы, сказав, что тренер Дэвид Плит очень хотел видеть меня в Хилсборо.

И действительно, на следующее утро Плит собственной персоной приехал в гостиницу, и отвез меня на тренировочную базу. Когда мы туда приехали, меня ждал сюрприз.

Увидев меня, игроки начали петь: *«Не видать вам девяти подряд! Поем, Паоло Ди Канио, не видать вам девяти подряд!»* Они распевали это на мелодию песни Стинга, и это было самой популярной песней болельщиков «Селтика» в предыдущем сезоне, когда мы пытались помешать «Рейнджерс» выиграть чемпионский титул девятый раз кряду.

Я не знал наверняка, смеются они надо мной или нет. Так или иначе, «Рейнджерс» уже выиграли свой девятый титул, так что это событие было уже неактуально. Но они все смеялись и что–то выкрикивали, так что, думаю, таким образом они меня все–таки приветствовали.

Когда сезон начался, я еще не успел набрать оптимальную форму, чтобы быть в состоянии отыграть весь матч (я приехал только за несколько дней до того). Поэтому Плит не включил меня в основной состав на поединок против «Ньюкасла». Мы проиграли 1:2 — Тино Асприлья забил два прекрасных мяча. Я вышел на последние двадцать минут матча, и очень понравился нашим болельщикам, приехавшим в Ньюкасл.

Дебют получился неудачным, но скоро дела пошли еще хуже. Мы проиграли «Лидсу» в первом домашнем матче, сыграли вничью с «Уимблдоном» (я сравнял счет за пятнадцать минут до конца, но это было слабое утешение), а затем были деклассированны «Блэкберном» со счетом 2:7, притом к перерыву мы уже проигрывали 1:5. Мы играли безобразно, но больше всего меня поразило то, как наши болельщики продолжали распевать песни под проливным дождем даже тогда, когда нам забили седьмой гол.

Мой личный дебют тоже нельзя назвать удачным. После сезона в «Селтике» передо мной встала сложная задача вновь научиться бороться против сильных соперников. Кроме того, поставив меня на правый фланг в середине поля, Плит явно ошибся. Именно на этой позиции я играл в Италии, но здесь, в

«Уэнсдэй», все было иначе. В Серии А мы всегда играли через середину поля. Я часто владел мячом и действительно мог принести пользу.

В схеме Плита же защитники просто выносили мяч вперед на форвардов, которые должны были за него цепляться. Полузащита выполняла одну–единственную функцию: пытаться забрать мяч у соперников. Конечно, это была не совсем та игра «бей–беги», которую показывал «Уимблдон», но очень близко к тому. Я чувствовал необходимость сказать Плиту, что он меня неэффективно использует.

«Послушайте, вы должны выдвинуть меня вперед, — сказал я ему как–то раз после тренировки. — Это глупо. От меня в центре никакого толку».

Он скривился и недовольно на меня посмотрел.

«Ну, вообще–то, у меня нет выбора, — ответил он. — Я вынужден ставить тебя в полузащиту, потому что у меня есть Энди Бус и Бенни Карбоне. Если я отправлю тебя в нападение, что прикажешь с ними делать?»

«Это не моя проблема, — сказал я. — Вы тренер. Если бы я знал, что застряну на правом фланге в центре поля, я бы нашел себе другой клуб. Это глупо. Поставьте меня вперед».

Плит ничего не ответил, но в следующем поединке против «Лестер Сити» я уже играл в атаке вместе с Карбоне. Мы победили 1:0, и мне кажется, тренер начал понимать, что я прав.

Я так и не нашел общего языка с Плитом. Знаю, что в Англии его считают непревзойденным футбольным гением, но он произвел на меня совсем иное впечатление. Он был сам себе на уме, никогда ничего не объяснял, и у нас с ним полностью отсутствовал какой–либо контакт.

Я знаю, он поменял свою схему, чтобы найти место для меня, и думаю, я должен быть ему благодарен, хотя все это делалось для успеха команды, а не для моего лично. Но я Плита до конца никогда не понимал.

Возможно, я был несколько избалован, что касается моих отношений с тренерами. Я имел дело с некоторыми поистине великими наставниками, такими, как Марчелло Липпи, Джованни Трапаттони и Фабио Капелло. Знавал я и других, может, не таких успешных, зато отличавшихся желанием победить и умевших зажечь игроков и закалить в них боевой дух. Это такие специалисты, как Томми Бернс и Рон Аткинсон. Возможно, не совсем правильно сравнивать Плита с другими тренерами, с которыми я работал. Но он был просто чистым листом. Он не умел выражать эмоции, и был напрочь лишен духа.

Так или иначе, когда я и Бенни стали играть впереди,

ситуация изменилась в лучшую сторону. У нас появилось больше фантазии, иногда за игрой «Шеффилд Уэнсдэй» даже было приятно наблюдать, что уже неплохо, учитывая имевшиеся в распоряжении ресурсы. Однако без центрфорварда наподобие Энди Буса нам было сложно забивать в каждой встрече.

Мы проиграли два матча подряд (включая сенсационное домашнее поражение от «Кристал Пэлэс»), и первого ноября поехали на «Олд Траффорд», находясь на 19-м месте. Там нас разбили в пух и прах, просто уничтожили. К перерыву мы проигрывали 0:4 без малейшего шанса поразить ворота соперников.

Решение Плита не отличалось оригинальностью. Мы проигрываем 0:4 после перерыва? Надо посадить двух итальянцев, это они виноваты!

Я бы еще мог с ним согласиться, будь у него в запасе Пеле и Диего Марадона. Но он не мог рассчитывать даже на Энди Буса. Так что нас заменили на Ричи Хамфрис, нашего пятого форварда, и Стива Николя, который не только являлся защитником по амплуа, но и был возрастным футболистом: к тому времени ему уже исполнилось тридцать пять.

Не удивительно, поэтому, что блестящий тактический ход Плита не остался без внимания: через два дня он был уволен, оставив после себя команду, сумевшую набрать лишь девять очков в тринадцати матчах и балансировавшую на грани вылета из Премьер–лиги.

На смену Плиту пришел Рон Аткинсон, и дела сразу стали поправляться. Мы выиграли четыре игры подряд, включая победу над «Арсеналом» со счетом 2:0. Внезапно у нас появилась надежда.

Я не знал, чего ожидать от Большого Рона. Он не признавал полумер. Он то был добродушен и спокоен, то взрывался, как бомба. Он всегда был на виду, появляясь на телевидении или открывая какой–нибудь супермаркет. Иногда это мешало ему выполнять свои непосредственные обязанности. Порой мы не видели его по нескольку дней кряду. В его отсутствие тренировками руководил Питер Шривс — джентльмен во всех смыслах этого слова.

Затем появлялся Аткинсон, обычно в четверг или пятницу, с ящиком шампанского и орал: «Привет, парни! Давайте устроим сегодня битву. Победителям — шампанское!»

Это было довольно непривычно, но эффективно. Аткинсон знал, что делает, и умел зажечь своих футболистов. Его шутки, имидж, который он себе создал — все это было просто вывеской. На самом деле он хороший специалист.

Хотя, надо признать, характер у него прескверный. Когда он выходит из себя, он просто неуправляем, что мне довелось прочувствовать на собственной шкуре.

Мы только что проиграли на выезде «Болтону» 2:3. Я плохо отыграл тот матч, как, впрочем, и все остальные. Как буря, Аткинсон влетел в раздевалку после финального свистка и сразу набросился на меня.

«Паоло, ты просто дерьмо, когда играешь на выезде!» — заорал он. Его лицо было ярко красного цвета, а глаза, кажется, вот–вот готовы были выпрыгнуть из орбит. «Ты кусок дерьма, ты так в штаны наложил, что даже ни разу до мяча не дотронулся!»

Есть много типов тренеров. Некоторые ведут себя спокойно, другие ругаются и орут с рассвета до заката. Если бы Аткинсон принадлежал ко второй категории, мне бы было наплевать. Конечно, было бы немного неприятно, потому что я терпеть не могу, когда мне говорят, что я плохо играю на выезде. Выездные матчи всегда тяжело даются. Я не видел, чтобы Деннис Бергкамп блистал где–нибудь, кроме «Хайбери». Это особенно относится к «Шеффилд Уэнсдэй». Мы ведь были не «Манчестер Юнайтед», но Аткинсон ожидал от меня максимума. Я должен был одновременно исполнять роль защитника, опорника, вингера и центрфорварда.

Но даже и в таком случае я бы ничего не имел против. Некоторые тренеры иначе не могут. Они самоутверждаются, понося всех налево и направо, не гнушаясь оскорблениями в адрес игроков. Но ведь Аткинсон был не такой. Он раньше никогда не поднимал голос на меня, и очень редко на кого–нибудь из моих одноклубников.

И все равно, я бы его простил, если бы не его следующий поступок. Я помню все, как будто это случилось вчера. Я только снял бутсы и сидел на скамье, когда он снова влетел в раздевалку и набросился на меня: «Ты кусок дерьма! — заорал он. — В следующий раз, когда будешь получать зарплату, хорошенько посмотри на себя в зеркало! Тебе должно стать стыдно!»

Это переполнило чашу моего терпения. Я вскочил с места и вплотную приблизился к нему. Между нами было несколько сантиметров.

«Черт возьми, что ты несешь?» — прошептал я.

«Что, черт возьми, такое ты мне говоришь?»

На мгновение мы оба застыли, напряженно смотря друг другу в глаза. У него был взгляд сумасшедшего.

«Кого ты, черт возьми, из себя строишь, позволяя себе так со мной разговаривать? — закричал я. — Это тебе должно быть стыдно! Ты приходишь на тренировки раз в неделю! Один раз!

Кому–кому, а тебе бы лучше помолчать! Да плати они тебе один фунт в неделю, ты бы все равно был вором, потому что ты ничего для клуба не делаешь! Ты просто вор! Ты крадешь деньги у команды, у болельщиков!»

К этому времени его лицо из красного превратилось в багровое. Он весь трясся, задыхался. Вокруг рта появилась пена. «У нас дерьмовая команда и дерьмовый тренер! — продолжал орать я. — Мы все дерьмо! Сегодня мы все дерьмово играли, и ты смеешь приходить сюда и обвинять во всем только меня?»

Я видел, что он вот–вот окончательно потеряет над собой контроль.

«Да я каждый день свою задницу подставляю! — закричал я, ударив себя по груди. Я твою задницу спасал весь сезон! Я не жалею себя на тренировках! Я честно зарабатываю свои деньги каждый день! А ты приходишь сюда и крадешь, крадешь деньги у клуба! Можешь обзывать меня дерьмом, говорить, что я плохой человек, но не смей никогда заикаться о моей зарплате или о моем профессионализме! Я профессионал, а ты — вор!»

Аткинсон стиснул кулаки.

Его трясло, лицо перекосилось от злости. Он продолжал повторять одно и то же хриплым голосом: «Ты дерьмо! Ты кусок дерьма!»

Я наклонился к нему и сказал настолько спокойно, насколько только мог: «Давай, давай, я перед тобой, кто здесь, на х…, в штаны наложил?»

Это стало последней каплей. Я все еще стоял на скамье, когда на меня посыпались удары. У Аткинсона был вид одержимого.

Шривс, Дес Уокер, Энди Хинчлиф вклинились, чтобы нас разнять. Через несколько минут страсти улеглись. Люди могут говорить обо мне, что угодно, но никто, никто не имеет права ставить под сомнение мой профессионализм. Я придаю огромное значение своим тренировкам, я работаю так же много, как все, и я не позволю никому утверждать, что я непрофессионально отношусь к своим обязанностям.

Вспоминая те события, думаю, ни я, ни он не имели в виду то, что говорили в тот день. Я — точно. Мне кажется, мы с Роном похожи в том, что когда мы сердимся, когда выходим из себя, мы говорим не то, что действительно хотим сказать.

Ты взрываешься, и слова просто вылетают из твоих уст. Это внутренняя реакция, и она почти не имеет связи с твоими настоящими чувствами. В таких случаях тебе хочется побольнее задеть своего противника. Он меня очень сильно обидел, когда сказал, что от меня нет толку в выездных матчах, а в ответ я обвинил его в халатном отношении к своим обязанностям.

То, что произошло дальше, как нельзя лучше характеризует Рона Аткинсона как человека. Я знаю, что некоторые считают его клоуном, рекламирующим самого себя. Но как бы там ни было, он умный, справедливый человек, который хорошо знает свое дело. Хотелось бы, чтобы люди судили других по их поступкам, результатам их работы, а не по имиджу, который они себе создали.

В следующий раз, когда я его встретил, все было забыто. Все. Создавалось впечатление, что нашей стычки вообще никогда не было. С другим тренером, наверное, последствия были бы иными. Меня бы оштрафовали или поставили на трансфер, а может, и то и другое. Но Аткинсон понимал, что перед ним стоит задание, которое он должен выполнить. Ему нужно было помочь «Шеффилд» удержаться в Премьер–лиге любой ценой. И он знал, что шансы команды избежать понижения в классе будут выше, если я останусь. Не хочу сказать, что я незаменим. Отдельный футболист не может заменить целую команду. Но Аткинсон понимал, что мой вклад в командную игру стоил больше, чем инцидент после игры с «Болтоном». Он не только ничего не предпринял, чтобы меня наказать, а несколько недель спустя даже сделал меня капитаном. Наш вратарь Питер Атертон не мог играть в матче против «Барнсли», и Аткинсон выбрал меня в качестве капитана. Это было для меня очень важно. Он бы мог назначить кого угодно, например, Деса Уокера, который уже четыре года защищал цвета клуба, и когда–то выступал за сборную. Но он дал капитанскую повязку мне — иностранцу, который играл за клуб только восемь месяцев и с которым он за две недели до того подрался.

Думаю, это многое говорит о нас. С моей стороны, я имел честь исполнять роль капитана в «Селтике», «Шеффилд Уэнсдэй» и «Вест Хэме». Люди критикуют меня по самым разным поводам, но думаю, что назначая меня капитаном, тренеры и руководство клубов понимают, что я прирожденный лидер, способный повести за собой партнеров, собственным примером показывая, как нужно бороться и играть. В прессе обо мне всегда говорят как о «несдержанном», «любящем спорить» или «ненадежном», как будто я какой–нибудь буян. Но в реальности это не так. Три разных британских тренера доверили мне капитанскую повязку в первый же сезон моего выступления за их клубы. Могло бы такое произойти, будь я просто эгоистичной примадонной? Думаю, нет.

Действия Аткинсона, прежде всего, показывают, что, по сути, мы очень похожи друг на друга. Мы потеряли контроль над собой, взорвались, но когда все было кончено, забыли о произошедшем, и больше не таили злобу друг на друга. В ситуациях, когда

теряешь контроль над собой, твои самые потаенные чувства выплескиваются наружу, но ты не обязательно выражаешь их так, как тебе хотелось бы. Оглядываясь назад, мне кажется, мы оба отчасти верили в то, что говорили. Он думал, уж не знаю почему, что я не до конца выкладываюсь в выездных матчах. Я считал, что он должен пересмотреть отношение к выполнению своих обязанностей. Возможно, мы по–прежнему придерживались своей точки зрения, но это не мешало нашей совместной работе. Мы открыто выражали свои мысли, и это привело к столкновению, словесному и физическому. Но лучшая линия поведения — играть в открытую, потому что когда ты высказал свое мнение, на душе становится легче, и ты можешь двигаться дальше.

В конце концов, не имеет значения, был ли кто–то из нас прав. Главное — мы выполнили свою миссию и удержали «Шеффилд Уэнсдэй» в Премьер–лиге. Как бы люди его не критиковали, его дела говорят сами за себя. Он — победитель и один из лучших тренеров в моей карьере.

Моя душа чиста. В ней нет места для ненависти. Мне сложно на кого–то сердиться. Думаю, Аткинсон такой же, как Томми Бернс из «Селтика». Мы повздорили раз, и все. У нас обоих была большая цель: помочь «Шеффилду Уэнсдэй» сохранить прописку в Премьер–лиге. Мы оба могли бы все бросить и уйти тогда. Я знаю многих футболистов, которые отказываются играть под руководством тренера, применившего к ним физическую силу. И я знаю многих тренеров, которые в жизни не станут продолжать работу с футболистом, поставившим под сомнение их авторитет, и тем более вступившим с ними в драку (не забывайте, что в моей карьере такое было дважды: с Трапаттони в «Ювентусе» и с Капелло в «Милане»).

Но прежде всего, мы хотели спасти «Шеффилд Уэнсдэй», поэтому остались. Я буду всегда уважать Аткинсона за его поступок, за то, что он смог переступить через себя, забыть тот инцидент и принести максимальную пользу команде. О нем мало новостей с тех пор, как он ушел из «Уэнсдэй». Я знаю, что он выступает по телевидению, парадируя самого себя, ну и что? Мне все равно. Он шоумен, он очень популярен, и он счастлив.

Но это никоим образом не умоляет его заслуг в футболе. Не в моей власти судить его или критиковать. Мне только кажется странным, что когда люди его вспоминают, они, прежде всего, говорят о его характере, называя его парнем, которого нельзя серьезно воспринимать. В то же время Плит в их памяти остался как серьезный, компетентный тренер. А ведь последний привел «Шеффилд Уэнсдэй» на грань пропасти, и только Аткинсон, приняв находившийся на последнем месте клуб, смог удержать

его в элите, попутно выиграв у таких грандов, как «Манчестер Юнайтед» и «Арсенал».

В том сезоне я забил четырнадцать мячей: двенадцать — в чемпионате, два — в Кубке Вортингтона, и все — с игры. Это стало прекрасным началом моей карьеры в Премьер–лиге, и когда я вернулся после летнего отпуска в Англию из Италии, я с нетерпением ждал начала нового сезона.

Глава 9
«Боже мой, что же с тобой будет?»

В сезоне 1998–99 мы стартовали без Рона Аткинсона. Его краткосрочный контракт в качестве тренера так и не был продлен, несмотря на то, что он спас клуб от вылета из Премьер Лиги в прошлом сезоне. Нашим новым наставником стал Денни Уилсон, экс–наставник «Барнсли», только что выбывший в Первую Лигу. Среди тренеров он считался восходящей молодой звездой, но я с уверенностью мог сказать, что ему чего–то не хватало. Ему явно не хватало уверенности в себе. Во время нашей первой встречи, он, так сказать, подкрался ко мне «с поджатым хвостом» и первым представился. Затем он сказал, что очень рад, что я играю в его команде, и обнял меня.

«Паоло, ты должен мне помочь. Нам нужно купить нескольких игроков, или у нас будут большие неприятности. Ты здесь звезда, у тебя большое влияние в клубе. Ты должен поговорить с президентом и уверить его, что нам необходимо немного потратиться. Ты мне поможешь, пожалуйста? Очень прошу».

Я посмотрел на него и сказал, что сделаю, все, что в моих силах, но уже тогда я понимал, что это не к добру. Я не против того, чтобы поговорить с руководством клуба, поделиться своими соображениями со своими одноклубниками и тренерами, но оказывать давление на клуб, чтобы покупать игроков… это не входило в мои обязанности. Ситуация сама по себе была абсурдная.

Я несколько раз разговаривал с Дейвом Ричардсом, но я себя некомфортно ощущал в данной ситуации. Я был как заноза в одном месте у руководства, такая себе «заграничная звезда», которая требовала новых игроков. И в какой–то степени, я чувствовал себя марионеткой в руках Уилсона. Для всех было очевидно, что мы нуждаемся в новых игроках, но ведь это его работа общаться с руководством клуба, а не моя. Он должен был набраться смелости, подойти к Ричардсу и сказать: «Послушай, я здесь для того, чтобы не дать команде опустится в Первую Лигу. Но я не могу выполнять свою работу лишь с теми игроками, которые есть у меня в подчинении. Дай мне немного денег, чтобы я мог подписать новых игроков».

А вместо этого, он даже не смел подумать о том, чтобы встретиться с Ричардсом. Он был новенький в коллективе, молодой тренер, который пытался сделать себе имя и при этом

боялся поднимать шум. Возможно, он также был недоволен тем, что Ричардс всегда прислушивался ко мне и игнорировал все, что говорил ему Уилсон. У него определенно развился комплекс неполноценности, что вполне объяснимо. Он — не Рой Аткинсон, который мог получить все, что только мог пожелать. Когда Аткинсону нужен был левый защитник, клуб тут же приобрел Энди Хинчклиффа, когда он увидел брешь в центре поля, он заставил руководство подписать контракт с Никласом Александерссоном. Вот в чем заключается работа наставника.

Кончено, нечестно сравнивать Уилсон и Большого Рона, опытного тренера с 20-летним стажем. Тем не менее, смена тренеров, Аткинсона на Уилсона, была далеко не из легких.

Мне кажется, я, в какой–то степени, запугал Вилсона. Это можно назвать жизненным уроком для него. Ведь в большинстве случаев он даже не понимал, что делает. Однажды он пришел ко мне поговорить о планах на будущее.

«Послушай, Паоло, я знаю, что у нас трудности с подписанием новых игроков, но, прошу тебя, не волнуйся. Я вышел на одного очень хорошего игрока. Если все пойдет по плану, то в центр поля займет игрок высшего класса в помощь тебе и Энди.»

«Да ты что! Дэнни, это же супер. И кто у тебя на примете?»

«Саймон Доннелли!» — произнес он с ухмылкой.

Самое печальное в этой истории, что он сам не был в восторге. Я знаю, что он пытался убедить меня, что это отличная идея. Кому вообще придет в голову, что Саймон Доннелли будет спасителем «Шеффилд Уэнсдэй»?

Мы очень неуверенно стартовали в этом сезоне. Первая домашняя игра, первое поражение от «Вест Хэма» (1:0), затем мы разгромили «Шпор» на выезде (3:0, я забил второй мяч), а потом снова поражение на «Хиллсборо» от «Астон Виллы», 1:0. В том матче я вывихнул лодыжку, и врач сказал мне, чтобы я взял двухнедельный отгул. Но Уилсон, с каких–то причин настоял на том, чтобы я играл уже в следующем матче — выездном матче с «Дерби Каунти».

Он подошел ко мне и сказал: «Ты будешь играть с Дерби. И это окончательное решение!»

«Не понял…» — ответил ему.

«Все ты понял. Я сказал, что ты должен играть с Дерби. И никаких обсуждений»

Это был другой Дэнни Уилсон, я бы даже сказал Дэнни Уилсон, который пытался казаться крутым парнем. На его лице не было ни тени улыбки, он был предельно серьезен.

Я посмотрел на него и сказал: «Нет, я травмирован. У меня

повреждена лодыжка. Я знаю свой организм, и я знаю точно, когда я могу играть, а когда нет. И ко всему прочему, доктор со мной согласен».

Он сделал несколько глубоких вдохов, и посмотрел на меня прищуренным взглядом.

«Ты делаешь это нарочно, правда? — в его интонации была нотка просьбы, переходящей в злость. — Ты ведь это делаешь, чтобы позлить меня, ведь так?»

Он буквально вылетел из комнаты, демонстрируя всю свою обиду. Неужели он и вправду думает, что я делал это назло ему? Зачем мне это? Для меня он был, грубо говоря, никто. Очередной работник клуба «Шеффилд Уэнсдэй», так же, как и я. Мне казалось, он начал забывать об этом.

В любом случае, мы проиграли «Дерби» со счетом 1:0, но уже следующая игра была победной против «Блэкберна» (3:0, мой — третий мяч). Тем не менее, тучи сгущались.

В Кубке Футбольной Лиги нас выбил «Кембридж Юнайтед». Каким–то образом мы проиграли в первой отборочной домашней игре (1:0), а в ответном матче добились только ничьей (1:1). Другими словами, они были настроены на победу, а мы были в ужасной форме.

Уилсон, очевидно, решил, что нравоучением можно было решить сложившуюся проблему, и после матча он накинулся на нас. Какое–то время он критиковал нас. Он выражался довольно жестко, но по делу, — ведь игра и вправду была ужасной. Я сидел в раздевалке вместе со своими одноклубниками и молча принимал все его слова, пока он не произнес: «Мы должны проявлять друг к другу больше доверия. А что касается тех двоих «итальянцев»….

Я вскочил со своего места и, перебивая его, сказал:

«Какого черта ты мелешь? Что за чушь про «двух итальянцев»? Меня зовут Паоло, а его — Бенни. Мы не «два итальянца». Мы играем за «Шеффилд Уэнсдэй», как и все остальные. Если ты хочешь сказать что–либо обо мне, называй меня по имени. Если ты хочешь сказать что–то о нем, ты должен назвать его Бенни. Не смей называть нас «двумя итальянцами». Чего ты добиваешься?»

Уилсон молчал, но я видел, что он до сих пор очень зол. Но мне было плевать. Я тоже очень разозлился. Я готов принять любую критику в свой адрес, если я не справился со своими обязанностями. С чем я никогда не смирюсь, это с открытой ксенофобией от разочарованного «никто». Если бы он сказал: «Бенни и Паоло облажались», я бы принял это. Каждый имеет право на собственное мнение. Но какое он имел право назвать нас

«два итальянца»?

Он решил меня наказать, оставив на скамейке запасных на следующей выездной игре против «Уимблдона». Это была большая ошибка. Мы проиграли 2:1, игра была ужасной, хотя я вышел во втором тайме и отыграл один мяч.

На данный момент сезона, я выходил в стартовом составе в 5 играх, один раз вышел на замену и уже забил 3 мяча. Довольно неплохое начало, даже несмотря на Уилсона, мы легко могли бы закончить сезон в середине турнирной таблицы. Карбоне и Александерссон были в отличной форме. Вим Йонк со своим опытом держал нас в тонусе и помогал нам в центре поля.

Вряд ли кто–нибудь мог предугадать, что случится дальше.

«Шеффилд Уэнсдэй» против «Арсенала», 26 сентября 1998-го года, «Хилсборо». Самый Знаменитый Толчок В Истории.

Просто не верится, что все начиналось так спокойно. В туннеле перед началом поединка я по–дружески болтал с Патриком Виейра. Мы вместе выступали за «Милан» весной 1996-го. В то время это был перспективный 19-летний футболист, пытавшийся завоевать место в основном составе команды, в которой было слишком много игроков. А я тогда был уже опытным футболистом, находившимся в середине своего карьерного пути, который уже решил искать счастья в других краях. Патрик был неуступчивым, и умел прекрасно отбирать мяч у соперников. Я же был фланговым футболистом, дриблером. Он родился в Дакаре, я — в Риме. Между нами было мало общего, и все же мы стали друзьями. И вот мы снова встретились. Но когда я ждал начала поединка в туннеле, я и предположить не мог, что Патрик станет главным действующим лицом в кошмаре, который мне предстояло пережить.

С самого начала игра отличалась жесткостью, что, в принципе, характерно для «Арсенала». Но нас было не запугать. Мы держались достойно, и казалось, ничего из ряда вон выходящего произойти не должно, когда за минуту до окончания первого тайма на поле вспыхнул конфликт. Виейра держал мяч на половине «Арсенала», стоя лицом к своим воротам. Его прессинговали Джонк и Ричи Хамфрис, но французу удалось развернуться и проскочить между ними. Казалось, Виейра вот–вот убежит, когда Джонк дернул его за футболку и тот упал на колени. Разъяренный Патрик потерял контроль над собой, вскочил на ноги и толкнул Джонка так сильно, что тот рухнул на газон.

Меня часто критикуют за то, что я сделал, когда это произошло, критикуют обычно люди, не верящие, что я действовал из лучших побуждений. Я пробежал двадцать метров к

французу, но только чтобы его успокоить. Меньше часа до того мы вместе смеялись и шутили. Я всего лишь хотел попросить его взять себя в руки.

Конечно, никто не догадывался о моих истинных намерениях. Все говорили: «Посмотрите на Ди Канио, да он настоящий хулиган! Вот он бежит через поле, чтобы ввязаться в драку!» Это чушь. У меня была причина: я делал это, потому что мы с Патриком были друзьями, потому что я не хотел, чтобы ситуация вышла из–под контроля. Если бы не Виейра, если бы это был незнакомый мне футболист, я бы этого не сделал. Но, конечно, никто не потрудился выяснить правду. Никто и не подумал спросить самого Патрика, что случилось. Все были слишком заняты обливанием меня грязью.

Я схватил Виейра за футболку и сказал: «Патрик, остынь. Зачем ты это делаешь? Перестань!»

У него не было времени мне ответить. Мартин Киоун, который тоже, как стрела, примчался к месту стычки, встал между мной и Виейра и ударил меня локтем по лицу. Наверное, Киоун думал, что я хотел побить француза, и вступился за своего одноклубника. Как бы там ни было, Киоун заехал мне локтем в нос. Я почувствовал резкую боль, отдавшуюся прямо в мозг. Что–то треснуло, и внезапно боль стала нестерпимой.

Инстинктивно я хотел схватить Киоуна и как–нибудь тоже сделать ему больно. Я ударил его ногой по голени. Он резко развернулся, мы схватили друг друга за горло. Все это произошло очень быстро и кончилось через двадцать–двадцать пять секунд.

Петтер Руди оттащил меня в сторону. Я был вне себя от гнева. Боль из области носа распространилась на всю голову. Я понятия не имел, что происходит. Но Петтер сдерживал меня, и постепенно я успокоился.

Пол Элкок решительно направился ко мне. Моей первой мыслью было: «Черт, теперь нас обоих выгонят с поля! Совсем неподходящий момент для красной карточки!» Но потом я заметил, что он даже не смотрит на Киоуна. Он идет прямо ко мне, как будто Киоуна на поле вообще не было. И тут я понял, еще до того, как судья обратился ко мне, что накажут только меня. И это стало последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Подобные стычки происходят постоянно, и арбитр, даже самый некомпетентный или неопытный, обычно удаляет с поля обоих футболистов.

Но не Элкок. Он показал красную карточку только мне. И это окончательно вывело меня из себя. Это была вопиющая несправедливость. Я согласен, что меня нужно было удалить за реакцию на удар Киоуна, в независимости от того, намеренно он

это сделал или нет (я до сих пор этого не знаю). Я согласен, что когда я подбежал к Виейра, все подумали, что я собираюсь его бить. Когда речь идет обо мне, люди думают только о плохом.

Но я не могу понять, почему Элкок не наказал нас обоих. Если бы нас обоих выгнали, ничего бы не произошло. Но вместо этого мне стало ясно, что виноватого сделали из меня одного. Элкок даже не спросил мнения бокового судьи. Он показал мне красную карточку без колебаний. Позднее, когда я ушел с поля, судья на линии подошел к Элкоку и сказал, что Киоуна тоже надо было удалить.

Конечно, в тот момент я об этом не догадывался. Я только знал, что наказали меня одного. И поэтому я оттолкнул Элкока. Я не собирался валить его на землю. Своим жестом я просто выражал несогласие с его решением. Я отворачивался от него, как будто говоря: «Да ладно, забудь. Иди отсюда». У меня не было желания его оскорблять. Я ему ничего не сказал. Я был просто сердит и расстроен, что меня удалили.

Люди считают, что это было «нападение». Поверьте, если бы я хотел напасть на Элкока, если бы я хотел его побить, все бы выглядело совершенно иначе.

Но он упал на газон. Я миллион раз смотрел этот эпизод на видео и до сих пор не могу понять, как так можно было упасть. Если бы я толкнул свою восьмилетнюю дочь Людовику, она бы так не упала. Она бы, возможно, сделала пару шагов назад, и все. А Элкок просто стал пятиться, волоча ногу по земле, перед тем как плюхнуться на пятую точку. Это выглядело довольно странно. Когда я увидел, что он упал, я был удивлен так же сильно, как остальные. Сначала я подумал, что кто–то сидел у него за спиной, как в немых комедиях. Это единственное объяснение такому нелепому падению. Другого нет.

К тому времени, как он поднялся, я уже уходил с поля. Вокруг меня царил полный хаос. На боковой линии я видел Дэнни Уилсона с мрачным и в то же время несколько озадаченным выражением лица. Болельщики сходили с ума. Они знали, что наблюдают за чем–то скандальным. Я держался за нос, из которого текла кровь. Я показывал на него Элкоку, пытаясь объяснить, что произошло, но бесполезно.

Как часто случается в подобных ситуациях, трагедия превратилась в фарс. Когда я шел вдоль поля в направлении туннеля, Найджел Уинтерберн оказался рядом со мной. Он перебежал через все поле с единственной целью оскорбить меня. Сначала я даже не заметил его среди хаоса, но потом услышал его хриплый голос, оравший мне в ухо, перекрикивая шум.

«Ты чертов ублюдок! — вопил он. — Тебе конец! Ты чертов

итальянский ублюдок! Конец тебе!»

Он повторял эти ругательства снова и снова. Посмотрев позже этот момент на видео, могу сказать, что он не унимался секунд тридцать–сорок. Когда я поднял глаза и посмотрел на него, произошло самое смешное: он дернулся в сторону и закрылся рукой от страха. Посмотрите этот эпизод на видео, если у вас будет такая возможность. Очень весело. Вот Уинтерберн тявкает, как сумасшедшая собачонка, а в следующее мгновение отскакивает назад, намочив штаны от страха. А ведь я на него только взглянул и все. Тогда мне, конечно, это не показалось смешным, но теперь, два года спустя, когда я смотрю это на видео, я просто хохочу.

И, кстати, это заметил не только я. Когда я приехал в «Вест Хэм», первое, о чем мне напомнили новые одноклубники, стал эпизод с Уинтерберном. Они смеялись до упаду, просто животы надрывали со смеху: «Посмотрите на Уинтерберна! Он напоминает испуганного щенка!»

И они правы. В тот момент у Уинтерберна действительно был перепуганный вид. В таких ситуациях в человеке просыпаются первобытные инстинкты. Я не собирался драться с Уинтерберном из–за его оскорблений. Моя реакция была типична для улицы. Этому нельзя научиться, с этим нужно вырасти. Мой взгляд как бы говорил: «Ты, правда, хочешь драться?» Этого было достаточно, чтобы сделать из него посмешище.

По иронии судьбы, сейчас он мой одноклубник в «Вест Хэме». Я не злопамятный человек. Кто старое помянет — тому глаз вон. Думаю, он придерживается такой же точки зрения. Мы оставили обиды в прошлом. Тот факт, что теперь он мой одноклубник, позволил мне понять, что в футболе, как и в жизни, никогда нельзя предугадать, когда ты снова встретишься с тем или иным человеком. Не уверен, станем ли мы друзьями. Но знаю наверняка, что могу полностью на него рассчитывать, и он тоже вправе рассчитывать на меня. Уинтерберн в тот день поддерживал своего товарища Киоуна. Возможно, он неправильно себя вел, но это просто показывает, что он за человек. Я знаю, что мы можем поладить ради дела.

Уилсон ничего не сказал, когда я прошел мимо него и зашел в туннель. Кровь кипела в моих венах, а в голове крутилось множество мыслей. Стюарды казались, как в тумане, когда я шел мимо них. Бенни Карбоне вихрем ворвался в раздевалку вслед за мной. В той игре он не принимал участия из–за дисквалификации и наблюдал за матчем из ложи.

«С тобой все в порядке, Паоло?» — спросил он. Казалось, он видит перед собой призрак.

Я не ответил. Все что мне хотелось в тот момент — это поговорить с Беттой. Она тогда находилась в Италии и, как я предполагал, могла смотреть матч по телевизору. Я хотел успокоить ее. Но, как выяснилось, она даже не знала, что произошло.

«Не волнуйся, сегодня случилось кое–что неприятное, но все в порядке, все будет в порядке, — сказал я ей по телефону. — Меня удалили с поля, я разозлился и толкнул судью. Думаю, у меня будут из–за этого проблемы, но все образуется».

Для меня было очень важно, чтобы она услышала о произошедшем из первых уст. Ее первой реакцией были слезы.

«О, нет, Паоло, что ты натворил? — сказала она, всхлипывая в трубку. — Зачем? Зачем? Что они теперь с тобой сделают? Господи, Паоло, ты все такой же, когда же ты поумнеешь? Господи, что теперь с тобой будет, Паоло?»

Я постарался успокоить ее, как только мог, а затем отправился в душ. Бетта — главное для меня в жизни. Благодаря ей, я чувствую себя спокойным и уравновешенным. Я не мог позволить ей волноваться из–за меня».

Когда я вышел из душа, меня ждал Маттео Роджи. По случайному совпадению он как раз приехал в Шеффилд, и, оглядываясь назад, могу сказать, что мне очень повезло, что он оказался тогда рядом. Он сказал, что меня ждет машина, чтобы отвезти меня домой, и что руководство клуба хочет, чтобы я уехал в Италию, пока страсти не улягутся. К тому времени, как я закончил одеваться, прозвучал свисток на перерыв, и команда вернулась в раздевалку.

Мой одноклубник и капитан Питер Атертон подошел ко мне. У него было странное выражение на лице, нечто среднее между ухмылкой и улыбкой.

«Что же они теперь с тобой сделают? — спросил он. — Похоже, дело серьезное, приятель. Думаю, тебе светит недель восемь дисквалификации».

Он улыбался, когда говорил это, и я помню, что не понимал, почему. В то время у меня на уме были гораздо более серьезные вещи, чем то, о чем думал Питер Атертон, но возвращаясь назад, мне кажется довольно странным, что он считал произошедшее со мной забавным.

Мы с Маттео поехали домой. Следующие несколько часов прошли, как в тумане. Руководство заявило, что я отстранен от участия в матчах на неопределенное время и подтвердило, что я должен вернуться в Италию. Томми Бернс позвонил мне почти сразу. Было приятно слышать его голос. Он успокоил меня, сказал, что все будет в порядке, хотя в то время, казалось, ничто

не сможет облегчить мои муки.

Нам удалось купить билет на самый последний рейс из «Хитроу». Я отправился прямиком в Терни. И стал ждать.

Я знал, что меня накажут, и наказание будет суровым, но я и предположить не мог, сколько грязи и ненависти на меня выльется. Я не люблю обсуждать журналистов и комментарии, которые они дают. Но в данном случае, думаю, это важно, потому что первые репортажи задали тон всем последующим.

Есть реальность, и есть разные взгляды на реальность. Иногда, если что–то слишком часто повторяется, это становится правдой или, по крайней мере, общепринятой правдой. Посмотрите еще раз эпизод с Элкоком на видео, и вы поймете, что я имею в виду.

Некоторые детали вообще не обсуждались. Никто не потрудился проанализировать роль Киоуна в инциденте, или почему я решил вмешаться в потасовку, или рассмотреть поведение Уинтерберна.

В тот вечер в эфире передачи «Match of the Day» на BBC, рассказывая о произошедшем, комментатор сказал: «Мне кажется, Киоун только защищается… Уинтерберн считает своим долгом защитить Мартина Киоуна от Ди Канио… У него [Ди Канио] нет никакой причины ввязываться в выяснение отношений… Он толкнул судью на газон, и я думаю, его карьера в Премьер — Лиге на этом может закончиться».

Эти комментарии стали лейтмотивом всех остальных высказываний в средствах массовой информации. Все согласились с тем, что Киоун ни в чем не виноват, что Уинтерберн только защищал одноклубника (как будто такой парень, как Мартин Киоун нуждается в таком защитнике, как Найджел Уинтерберн), что у меня не было никаких причин затевать драку, и что теперь моя карьера в Англии окончена.

В результате делался вывод, что я психически ненормальный тип, лишивший себя будущего в Премьер — Лиге без какого–либо на то основания. По–настоящему, объективно ситуацию никто не анализировал. Многие принимали как свершившийся факт, что меня дисквалифицируют пожизненно, и считали, что если наказание будет мягче — мне просто повезет.

Почти никто не вспоминал, что Киоун меня ударил.

И тем не менее, в «Match of the day» в послематчевом интервью сам Дэнни Уилсон сказал следующее: «Есть несколько обстоятельств, которые все упускают из виду. Я знаю точно, что Паоло ударили».

Но никто не обратил внимания на это замечание. И что странно — Уилсон, кажется, через несколько недель и сам забыл

эту несущественную деталь. И впредь о ней никто не упоминал. Никогда.

Я и не надеялся, что Уилсон станет оправдывать мои действия. Он сразу отстранил меня от участия в играх, что было правильно. Лучшим способом задобрить Футбольную Ассоциацию было показать, что руководство клуба осознает всю серьезность произошедшего. С этой точки зрения они поступили совершенно логично.

Гораздо труднее объяснить, почему, кроме как в послематчевом интервью, Уилсон больше нигде не упомянул, что меня ударили. Это, конечно, меня бы не обелило, но, по крайней мере, помогло объяснить мой поступок и стало бы смягчающим обстоятельством. Но, увы, Уилсон предпочел молчать.

Через несколько недель Футбольная Ассоциация без лишнего шума отменила красную карточку Киоуна. Прямое удаление с поля автоматически означает трехматчевую дисквалификацию. В случае Киоуна красная карточка была просто забыта, как будто он ее никогда не получал. Вот так.

Я не держу зла на Мартина Киоуна. Он жесткий, неуступчивый игрок. По моему мнению, он лучший центральный защитник в Премьер — Лиге. Он сильный и быстрый, и делает все необходимое для победы. Я очень уважаю его как профессионала. Думаю, он мог бы легко стать звездой в Серии А. Я знаю, что он провел немного поединков за сборную Англии, и мне это кажется странным. Наверное, он стал лучше играть только в последние несколько лет или его раньше просто не ценили так высоко. Как бы там ни было, он выдающийся футболист.

Я не надеялся, что Киоун сам выйдет к журналистам и скажет: «Да, я разбил локтем нос Ди Канио, и думаю, этим можно объяснить его реакцию». Но ведь никто даже не удосужился спросить его об этом напрямую. Просто все решили, что он жертва, и все.

Мы отгородились ото всех в моем доме в Терни. Бетта не отходила от меня, успокаивала, помогала справиться с ситуацией. После первого потрясения она оставалась на удивление спокойной, особенно если принимать во внимание тот факт, что незадолго до того она родила Лукрецию. Сложнее было с Людовикой. Хотя ей было всего шесть, она понимала, что происходит нечто неприятное.

Она не могла понять, почему мы не вернулись в Шеффилд. Телефон не умолкал ни на секунду: журналисты звонили днем и ночью. Мы просто сидели возле аппарата, включив автоответчик. Если это был друг или кто–нибудь из родственников, мы брали трубку. Если журналист — нет. Последнее случалось чаще. Я до

сих пор помню гудки после того, как мы в надцатый раз не ответили на звонок.

Тем временем еще одна свора журналистов дежурила возле нашей входной двери. Они представляли все издания, не только таблоиды. Казалось, я стал культурным явлением, символом всего неправильного в футболе и обществе. Каждый раз украдкой выглядывая в окно, я видел, как они ждут, когда я выйду. Журналист канала «Sky» Роб МакКэфри, наверное, несколько недель безвылазно околачивался возле нашего дома.

Из–за такого ажиотажа нам нелегко было куда–то выбраться, и поэтому мы почти все время проводили в четырех стенах. Семья Бетты стала для нас связующим звеном с внешним миром. Сложнее всего было объяснить Людовике, что случилось, почему мы живем не так, как раньше. Я сказал ей, что мы играем в игру, в прятки, и что никто не должен знать, что мы здесь. Это может показаться смешным, но таков сюжет фильма с участием Роберто Бениньи: находясь в концентрационном лагере, его герой рассказывает сыну, что все, что с ними происходит — одна большая игра.

Около недели спустя я увидел, как Йан Райт и Нил Раддок празднуют взятие ворот соперников, повторяя мой инцидент с Элкоком. Раддок толкает Райта на газон, и они оба смеются. Наверное, им это и правда казалось ужасно смешным. Я до сих пор помню, как эти два клоуна хохочут над своей выходкой. Видимо, это действительно выглядело забавно, хотя в то время мне так не казалось.

«Посмотри на этих двух идиотов, — сказал я Бетте, когда мы смотрели телевизор. — Эти два шутника сделали мое положение еще хуже! Им кажется, это смешно, но в Ассоциации точно смеяться не станут. Теперь меня пожизненно дисквалифицируют, и за это мне нужно будет благодарить эту парочку!».

К счастью, мои прогнозы не сбылись. Когда я зашел в раздевалку «Вест Хэма» через четыре месяца, как вы думаете, кого я там встретил? Правильно, этих двух идиотов — Раддока и Райта. И что вы думаете они сделали? Правильно. Они разыграли все то же представление с толчком. Но теперь я смеялся вместе с ними. Они отличные ребята, и я знаю, что все это делалось просто шутки ради.

Казалось, всем на свете позарез нужно было со мной встретиться. Всем, кроме руководства «Шеффилд Уэнсдэй». Никто из них мне даже не позвонил. Ни Уилсон, ни Ричардс, ни даже Грэхэм Мэкрелл, клубный пресс–секретарь. Только через несколько недель со мной, наконец, связались из руководства. Я чувствовал себя брошенным на произвол судьбы.

Моя семья меня поддерживала, конечно, как и несколько друзей. Именно в таких обстоятельствах и выясняется, кто твой настоящий друг. Если честно, я не люблю пользоваться этим словом — «друг». Для меня это понятие значит очень много, а им слишком часто злоупотребляют.

Кроме назойливых журналистов, мне звонило множество людей, чтобы узнать, как у меня дела. Но это были люди, с которыми я не общался уже много лет. Знакомые, бывшие одноклубники, друзья друзей. Всех их, казалось, интересовало только одно: закончил ли я с футболом.

«Ну, старик, что они теперь с тобой сделают? Ты здорово влип, согласись?»

Эти слова я слышал бесчисленное количество раз. Для этих людей важней было узнать, побьет ли срок моей дисквалификации мировой рекорд, чем то, как я и моя семья себя чувствуем. Это было омерзительно. Они были похожи на тех, кто проезжает на автомобиле мимо места аварии, чтобы поглазеть на кровь и страдания жертв.

Все было, как обычно. Сумасшедший Паоло снова наломал дров. В то время, как английская пресса делала из меня монстра, символа зла из–за границы, в Италии качали головой и говорили: «Мы так и знали. Ди Канио талантлив, но психически неуравновешен».

Им было плевать, как и всем остальным, что я человек, муж, отец двоих дочерей. Нет, для них Ди Канио был зверем, животным, и только.

Я знал, что должен с этим как–то бороться, но это было непросто. Возможно, сумасшедшему пришлось бы легче. Он бы мог продолжать считать, что совершенно прав, что должен сражаться со всем миром, и однажды обязательно победит.

Но я не сумасшедший. Я понимал, что ситуация была запутанная. Я не был ни монстром, как отзывались о мне британцы, ни психически ненормальным, как описывали меня итальянцы. Во мне шла борьба: психологическая и физическая. Я был человеком, совершившим ошибку, и терзаемым теперь угрызениями совести. Я чувствовал, что меня нужно убедить, что я могу вернуться. Но когда ты не знаешь, разрешат ли тебе снова ударить по мячу, если ты боишься, что твой заработок, твою профессию могут у тебя отнять, начинают опускаться руки.

Я никогда не считал себя ненормальным, но я также осознавал, что со мной не все в порядке, и это меня пугало. Стали появляться трещины — первые симптомы болезни, которая поразит меня несколько месяцев спустя. Я страдал бессонницей, меня тошнило, я просыпался в страхе, задыхаясь.

К счастью, меня окружали верные друзья. Одним из них был Андреа Альчати. Я познакомился с ним, когда выступал за «Ювентус». Тогда я любил заказывать на дом свежие трюфеля прямо с грядки. Андреа был мальчиком, привозившим их мне.

Однажды его «Фольксваген» сломался, и я пригласил его пообедать со мной. Мы сразу подружились и с тех пор поддерживали отношения. Думаю, он стал для меня младшим братом, которого у меня никогда не было.

Его отец Гвидо управлял известным рестораном под названием «Da Guido» в Костильоли Д'Асти, в нескольких милях от Турина. Из года в год он признается лучшим в Италии. Это один из райских кулинарных уголков, о которых вы обычно только читаете. Когда я прихожу туда, я чувствую себя, как дома, не важно, болтаю ли я с Андреа и его братьями Уго и Пьеро или ем шоколадный грушевый торт вместе с его мамой Лидией, который она готовит специально для меня.

Никогда не забуду день, когда умер Гвидо, и Андреа сообщил мне об этом по телефону, рыдая в трубку. Я только что приехал в Шеффилд и помню, как мы с Беттой стояли обнявшись, пытаясь его успокоить. В тот момент я понял, что значит братская любовь, и что она не ограничивается только твоими кровными родственниками. Это чувство, которое развивается между двумя людьми, мужчиной и мужчиной, женщиной и женщиной, иногда между мужчиной и женщиной. Вот почему я попросил его и его жену Паолу стать крестными для Лукреции.

Андреа подставил мне плечо, когда я вернулся в Терни. Он полностью посвятил свое время мне, проведя со мной самый тяжелый период. Нет, он не понимал, что я переживаю, потому что для этого нужно побывать в моей шкуре, так же, как я не мог понять, что значит потерять отца. Но вопрос не в понимании, а готовности разделить горе другого человека. Я разделил боль с Андреа, и он ответил мне тем же. Мы братья.

Я пытался не расслабляться, находясь в Терни. Утром я незаметно выходил из дома и тренировался. Мне не сложно было проскользнуть мимо журналистов, потому что центр Терни — это хитросплетение узких улочек и переулков. Если знаешь дорогу, пройти незамеченным не составляет труда.

Я занимался вместе Микеле Палмьери, моим личным тренером, с которым я знаком со времени выступления за «Наполи». Каждый день мы приходили на стадион «Тернаны» «Стадио Либерати» и несколько часов подряд совершали рывки, бегали по кругу и выполняли различные упражнения. Я старался выкладываться на полную, мне хотелось выжать из себя все соки. Нужно сказать, что в некотором отношении физическая усталость

помогала мне чувствовать себя лучше психологически. Нагрузка, которую мне давал Микеле, была довольно серьезной, но мне это нравилось, и я даже просил ее увеличить. Так интенсивно я раньше еще не работал. Когда ты в душе считаешь, что весь мир против тебя, ты либо сдаешься и опускаешься, либо борешься и достигаешь поразительных результатов.

Оглядываясь назад, мне кажется иронией судьбы, что я вернулся туда, где начиналась моя карьера. Двенадцать лет до того я был восемнадцатилетним подростком, которого отдавали в аренду в команды из низших лиг, и который мечтал стать профессионалом. Тогда я излучал уверенность в собственных силах, но понятия не имел, что ждет меня в будущем. И вот я опять оказался на старте. Мне было тридцать, у меня была жена и двое детей. Я уже выступал за некоторые величайшие клубы мира. Я пытался спасти свою карьеру, но сейчас я не знал, смогу ли когда–нибудь вернуться в футбол.

Слушание моего дела было назначено на 23 октября 1998-го года. В «Шеффилд Уэнсдэй» пообещали нанять для меня адвоката, чтобы тот представлял мои интересы на процессе. Однако, до одиннадцати часов того дня я не имел ни малейшего представления о том, какой стратегии будет придерживаться клубное руководство. Принимая во внимание обстановку, напоминавшую времена охоты на ведьм, их позиция была сравни самоубийству. Она была совершенно бессмысленна, особенно, когда «Таймс» утверждала, что «у меня нет ни одного друга или сторонника в английском футболе», а другая газета сравнивала мой поступок с трагедией на «Хилсборо». Только психически нездоровый человек мог сравнивать толчок судьи с трагедией, в которой лишились жизни 98 человек. Однако именно такие истерические настроения царили в то время вокруг моей персоны. Многие желали моей пожизненной дисквалификации.

Но был и ряд смягчающих обстоятельств, и, что более важно, было много прецедентов, случаев, когда игроки толкали арбитров и получали за это менее суровое наказание. Дэвид Бэтти толкнул судью и отделался лишь двухматчевой дисквалификацией, а Эммануэль Пети вообще пропустил только один поединок в качестве наказания за подобное нарушение. В тех случаях арбитры не падали, но любой, кто видел эпизод с моим участием на видео, согласился бы, что мой толчок был не сильней, чем у Бэтти или Пети. Разница заключалась только в том, что Элкок потерял равновесие, в то время как другие судьи устояли на ногах.

Более того, это был не первый раз, когда Элкок театрально упал после физического контакта с игроком. В 1991-м Фрэнк

Синклер, находившийся в аренде в клубе «Вэст Бромвич Альбион», слегка ударил Элкока головой, но тот сразу же свалился на газон. Это был матч низшего дивизиона, на стадионе было установлено меньше камер, и тот эпизод привлек мало внимания, но и тогда многим показалось странным, что Элкок упал так легко.

Морено Роджи понимал, насколько серьезным было мое положение. Без хорошего адвоката мои шансы равнялись нулю. Сначала я не мог понять, почему руководство «Шеффилд Уэнсдэй» не делает все возможное, чтобы меня защитить, чтобы я получил как можно меньший срок дисквалификации. В конце концов, ведь я был их лучшим бомбардиром в предыдущем сезоне и являлся важной фигурой в команде. Без меня их шансы остаться в Премьер — Лиге были бы совсем призрачными.

Но затем до меня дошло, почему они не обсуждали детали дела до суда. Президенту Дэйву Ричардсу было наплевать, дисквалифицируют меня пожизненно или нет. Дело в том, что он просто боялся шумихи. Если бы он встал на заседании дисциплинарного комитета и высказал свое мнение, это настроило бы против него влиятельных людей в Ассоциации. С его точки зрения, гораздо разумнее было пустить все на самотек, позволив судьям решать мою судьбу. Таким образом, он мог не бояться, что в Футбольной Ассоциации Англии на него станут косо смотреть.

Однако такой подход к моему делу делал жертвой не только меня — Паоло Ди Канио. Он не учитывал интересы клуба, лишая болельщиков права голоса, и, таким образом, обижая людей, которые каждую неделю отдавали клубу свои трудом заработанные деньги.

У меня кровь начинает кипеть в венах, когда я думаю, что люди, клянущиеся в любви клубу, могут так себя вести. Многие болельщики в Шеффилде жертвуют большие средства, чтобы помочь своей команде. Так что поступок президента — просто пощечина этим людям.

Вот как руководство «Шеффилд Уэнсдэй» решило проблему. Они выставили меня чудовищем, сумасшедшим, бомбой с часовым механизмом, готовой взорваться в любую секунду. Конечно, они имеют право на свое мнение, и могут думать обо мне, что им заблагорассудится. На самом деле, мне это безразлично. Но обливать меня грязью у всех на глазах, растаптывать мою репутацию, когда срок моего контракта с ними еще не истек, было просто глупо, нелепо.

Нравилось это им или нет, я по–прежнему ценился на трансферном рынке, и мог принести клубу деньги. А главной

задачей руководства компании, о чем можно прочитать в любом учебнике по экономике, является увеличение акционерной стоимости путем защиты и правильного обращения с наличными активами. Вместо того, чтобы защищать меня, увеличивать мою стоимость, руководство делало все возможное, чтобы меня уничтожить.

Давайте немного поразмышляем. Предположим, после инцидента с Элкоком руководство решило бы, что мне нельзя больше доверять и поэтому меня нужно срочно продавать. Разве в таком случае не было бы лучше постараться выхлопотать для меня как можно более короткий срок дисквалификации? Не было бы лучше отзываться обо мне не так категорично? Тогда бы они получили за меня больше денег, дойди дело до трансфера. Вы скорее купите яблоко, если продавец будет утверждать, что оно спелое, сладкое и сочное, чем если он вам скажет, что оно полностью гнилое?

Руководство «Шеффилд Уэнсдэй» само создало такую ситуацию, когда единственным выходом для них было меня продать. И все клубы в Европе это знали. Что хуже, кроме всего прочего, им удалось подмочить мою репутацию как футболиста. Эти два обстоятельства — худшее, что может быть при продаже товара. Вот почему «Вест Хэму» посчастливилось купить меня практически за бесценок.

Самое странное, что в результате жертвой стал и Дэнни Уилсон, хотя он это, наверное, вряд ли осознает. Думаю, поначалу он даже радовался, что меня дисквалифицировали. Таким образом, у него появлялось прекрасное оправдание, вылети клуб из Премьер — Лиги. Тогда бы он заявил, что потеря ведущего бомбардира и лучшего игрока настолько деморализовала футболистов, что удержаться в элите стало попросту невыполнимым заданием. Конечно, такой сценарий являлся идеальным для Ричардса. Он бы мог свалить всю вину на меня, потому что к тому времени я бы уже перешел в другой клуб.

По большому счету, мне жаль Уилсона. Все говорят, что он прекрасный человек. Но президент мало что делал, чтобы ему помочь. И действительно: не увольняя Уилсона даже тогда, когда клуб скатывался в бездну, но и не давая ему денег на усиление состава, Ричардс оказывал Уилсону медвежью услугу. Хотя со стороны могло показаться, что президент старался оказать помощь, на самом деле он только приближал катастрофу.

Уилсон, наверное, сохранил репутацию «хорошего парня», но он также заработал репутацию тренера, который за три сезона не смог удержать два клуба в Премьер — Лиге. Да и в тот сезон, когда его клуб остался в элите, в виду моей дисквалификации

потребовались нечеловеческие усилия Бенни Карбоне, чтобы избежать понижения в классе. Все это стало известным в прошлом году. Если проанализировать составы команд, можно утверждать, что «Шеффилд Уэнсдэй» ничем не уступал «Саутгемптону», и уж точно был лучше «Уимблдона» или «Брэдфорд Сити». Разница заключалась лишь в том, что во главе этих команд стояли хорошие тренеры, и у них присутствовал командный дух. Пол Джюэл прекрасно справился со своей работой в «Брэдфорде», Дэйв Джонс, а потом Глэн Ходдл удержали «Саутгемптон» на плаву. Даже «Уимблдон», несмотря на все проблемы с Эгилом Олсеном, смогли занять место выше «Уэнсдэй», потому что, по крайней мере, у них был сумасшедший боевой настрой. А у Уилсона не было ничего. Ни индивидуальности, ни умения руководить, ни настоящей силы.

Так или иначе, мы были совершенно не готовы к предстоящим слушаниям, и нам оставалось только самим найти адвокатов. Догадайтесь, кто оплатил их услуги. Руководство «Шеффилд Уэнсдэй» даже не думало это делать.

Морено Роджи нанял Клаудио Мингетти, итальянского адвоката, специализирующегося на делах, связанных со спортом. Но тот попал в Германии в автомобильную аварию всего лишь за неделю до начала процесса. В последний момент нам пришлось обратиться за помощью к его партнеру по имени Франко Ченси, совершенно не разбиравшегося в спорте. Моя двухлетняя дочь Лукреция, наверное, знает о футболе больше, чем он. Тем не менее, недостаток этих знаний Ченси с лихвой компенсировал огромным трудолюбием. Это была просто машина, настоящий интеллектуал. Когда он приехал в Лондон по нашему приглашению, он заперся в библиотеке и за три дня изучил все дисциплинарные правила ФА и юридические прецеденты. В общем, это удивительный человек, и я ему многим обязан.

Наконец, мы приехали на заседание дисциплинарного комитета, которое проводилось на улице Брамалл Лэйн, на базе «Шеффилд Уэнсдэй». Я вошел в комнату в сопровождении Франко Ченси, Говарда Калли, адвоката и одного из менеджеров клуба, а также Гордона Тейлора — представителя Профессиональной Футбольной Ассоциации (ПФА). Калли сообщил мне, что мне угрожает дисквалификация на двенадцать матчей или дольше. Он очень скептически отзывался о моих перспективах. Ченси и Тейлор были не так категоричны в своих прогнозах. Кстати, хотел бы высказать свою признательность и Тейлору. Многие легионеры заявляют, что ПФА не особенно заботится о футболистах из–за рубежа, и что это очень закрытая организация. Не могу с этим согласиться. Думаю, Тейлор сделал все возможное, чтобы мне

помочь, хотя при тех обстоятельствах сделать он мог немного.

В итоге все закончилось дисквалификацией на одиннадцать матчей: три за красную карточку и восемь — за толчок. Калли сказал мне, что я легко отделался. Вердикт означал, что я могу вернуться на поле 26 декабря 1998-го года. Я сказал журналистам, что считаю решение комитета справедливым, и попрощался с болельщиками, пообещав вновь с ними встретиться на второй день Рождества. В то время я действительно верил, что вернусь на поле, и на самом деле считал решение комиссии справедливым.

Оглядываясь, назад, однако, мне кажется, что вердикт был совершенно неправильным. Он не соответствовал наказаниям, которым подверглись другие футболисты за подобное нарушение. Наказывать надо за проступок, а не за последствия. Мой толчок Элкока не отличался силой от тех, что совершили другие футболисты. Но они были наказаны за это одной или двухматчевой дисквалификацией, плюс автоматической дисквалификацией на три матча, если их опять удалят. Мой случай был серьезней, потому что после моего толчка судья упал. Если бы он был больше и сильнее физически, как, скажем, Урайа Рэнни или Майк Рид, он, наверное, удержался бы на ногах. Так что, думаю, шестиматчевая дисквалификация была бы справедливее: три за красную карточку и три за толчок. Я говорю три за толчок, а не один или два матча, так как падение Элкока могло испортить имидж футбола как игры. Но одиннадцать матчей! Это целых три месяца. Вдвое больше. Просто абсурд! Я стал козлом отпущения, меня принесли в жертву, чтобы другим было неповадно.

Что мне кажется по–настоящему унизительным, так это то, как руководство «Шеффилд Уэнсдэй» и другие смогли убедить меня, что я легко отделался, или, по крайней мере, был справедливо наказан. Они меня, просто–напросто обманули. Они внушили мне, что действительно оказали мне поддержку, хотя на самом деле пальцем о палец не ударили. Единственные люди, которые меня не бросили в беде тогда, были болельщики, Гордон Тейлор, Морено Роджи и наш адвокат Ченси. Если бы не они, я бы остался в полном одиночестве.

У руководства даже хватило наглости сказать мне, что меня могли бы наказать гораздо суровее, чем Эрика Кантона, который получил восемь месяцев дисквалификации за нападение на болельщика «Кристал Пэлэс» на «Сельхерст Парк» за три года до того. И опять, давайте подумаем. В середине матча Кантона подбежал к болельщику и ударил его в прыжке ногой в голову. Прежде всего, действия француза были предумышленными. Он не

нанес удар ни с того, ни с сего. Он подбежал к болельщику и напал на него. Во–вторых, это был намеренный акт применения физической силы, рассчитанный на причинение телесных повреждений жертве. Человека можно убить ударом ногой в голову, если попасть в висок. И, наконец, самое важное: такие действия могли привести к массовой драке или выходу болельщиков на поле. На «Сельхерст Парк» нет ограждений. А что бы произошло, будь рядом с тем болельщиком двадцать его друзей–хулиганов, готовых выбежать на поле и отомстить за своего товарища?

И, тем не менее, после шквала критики, по возвращении Кантона приветствовали как героя. Не знаю, потому ли это, что он играл за «Манчестер Юнайтед» — команду, которую очень любят журналисты, а не за «Шеффилд Уэнсдэй», клуб, очень низко ценящийся в глазах общественности. Как бы там ни было, любая попытка сравнить наши действия выглядит нелепо.

После слушаний руководство велело мне возвращаться в Италию. Мне было предписано вновь приехать в Шеффилд в начале декабря, чтобы возобновить тренировки в общей группе. Внимание журналистов уже было не таким назойливым, но отношения руководства ко мне во время разбирательства оставило в моей душе неприятный осадок. Я знал, что что–то происходит, но не знал, что именно. У меня на душе кошки скреблись. Мне казалось, им очень хочется, чтобы я уехал как можно дальше.

Дни пошли чередой один за другим, и я вернулся к обычному распорядку дня. Палмьери был вместе со мной, и я тренировался так же интенсивно, как всегда. Физические нагрузки помогали мне пережить непростое время. Мне было сложно, потому что, как и раньше, я был лишен общения с руководством клуба. Нас разделяла стена молчания. Никто не звонил мне, чтобы узнать, как у меня дела, как будто я умер или без вести пропал.

Как мы и договаривались с Уилсоном, я вернулся в Шеффилд 27 ноября. Атмосфера там была ужасная. Я был зол на руководство, которое не сумело защитить мои права. Мне казалось, я никому не могу доверять. Они уже раз меня подвели и могли сделать это опять. Каждый вечер я возвращался в пустой дом — Бетта с девочками все еще находились в Италии — и всю ночь не мог сомкнуть глаз. Мой мозг кипел, меня одолевали мысли и страхи. Почему руководство «Шеффилд Уэнсдэй» бросило меня на произвол судьбы?

Я не мог уснуть. Когда я просыпался, простынь была мокрая, и казалось, что мне по голове стучали молотком. Я смотрел на себя в зеркало и видел в нем бледное лицо с отсутствующим

взглядом. Утром меня тошнило, и я боялся, что в любой момент меня вырвет. Я сказал в клубе, что мне нужно домой, и улетел в Терни.

Я и так не самый спокойный человек на свете, но к тому времени я превратился в комок нервов. Я стал раздражителен после стольких пережитых стрессов. Через пару дней мне позвонили из «Шеффилд Уэнсдэй» и срочно велели возвращаться. Но я не мог, я был просто не в состоянии перенести дорогу. Я вообще был не в состоянии что–либо делать. Страдания, которые мне довелось испытать за несколько последних месяцев, давали о себе знать. У меня появились мешки под глазами, я уже много дней не спал. Куда бы я ни пошел, моими спутниками были тошнота и нервное напряжение.

Как ни странно, единственное, что мне помогало, были тренировки. Палмьери заходил за мной, и мы отправлялись на пустой, постепенно приходящий в упадок стадион «Либерати». Я бегал вниз–вверх по ступенькам и совершал рывки, пока не чувствовал, что мои легкие вот–вот разорвутся. С точки зрения физической нагрузки, я явно перегибал палку. Я изводил свое тело, как будто таким образом хотел перевести боль и нервное напряжение из мозга в квадрицепсы, бедренные мышцы, сердце и легкие.

Но как только я останавливался, все возвращалось на круги своя. По мере того как частота биения сердца уменьшалась после нескольких рывков, я снова начинал ощущать удары молотком по голове, пока не мог этого больше вынести. Я явно нуждался в помощи. Морено Роджи записал меня на прием к местному врачу. Врач сказал, что я физически здоров, хотя мне нужно поспать. Однако я находился в состоянии крайнего нервного истощения, и он посоветовал мне проконсультироваться у психиатра. Я так и сделал, и получил заключение, что в моем нынешнем состоянии я не могу путешествовать и работать. Мне нужен был полный отдых в спокойной обстановке, подальше от стрессовых ситуаций. Иначе существовала опасность обострения болезни.

Мы объяснили это руководству «Шеффилд Уэнсдэй» и отправили им копию медицинской справки. Я заболел тем же, чем болел в «Лацио» и «Селтике». Вместо того, чтобы поддержать меня, попытаться мне помочь, они оштрафовали меня в размере двухнедельной зарплаты.

Что еще хуже, они общались со мной исключительно через Морено. Ни у кого из них не хватало духу поднять трубку и поговорить со мной лично. Ни у Уилсона, ни у Ричардса, ни у кого. Создавалось впечатление, что им на меня наплевать.

В то же время, в общении с журналистами они притворялись,

что не знают о моем месте нахождения, что я «скрываюсь», что я бесследно пропал и они не знают, как со мной связаться. Это, конечно, была ложь.

Каждый день мне звонили десятки журналистов. Если они смогли меня найти, почему руководству «Шеффилд Уэнсдэй» это было не под силу? Казалось, единственными людьми, которые не могли со мной связаться были представители клуба. Конечно, журналисты не ставили под сомнение заявления руководства «Шеффилд Уэнсдэй», даже не удосужившись проверить их правдивость. В Англии считают, что когда иностранный футболист пересекает Ла — Манш, он оказывается в открытом космосе, и с ним просто невозможно связаться. Правда заключается в том, что они точно знали, где меня найти. Они просто этого не хотели.

Они также высмеивали мою болезнь. Для них я был «хитрым иностранцем», который нашел «хитрого врача», приславшего им «хитрую справку». А таблоиды это все проглотили. Я знал, что происходит, и с каждым днем мне становилось все хуже и хуже. Мое психологическое состояние совсем не было поводом для смеха. Подумайте только: я не постыдился признаться, что столкнулся с психическими проблемами, что было нелегко. Футбол — игра для настоящих мужчин. Даже намека на то, что у тебя не все в порядке с головой, достаточно, чтобы над тобой стали насмехаться. Но я на самом деле испытывал проблемы с психикой, а мои работодатели, мои одноклубники воспринимали это как большую шутку.

Как я уже говорил, оглядываясь назад, их поведение кажется мне нелепым. За меня можно было получить хорошие деньги. Даже если они хотели меня продать, нужно было постараться помочь мне вернуться в норму, а затем уже от меня избавляться. А так они еще больше подмочили мою репутацию.

Прошла еще одна неделя, но ничего не поменялось. Мы отправили им вторую копию справки. Я чувствовал себя еще хуже из–за бесчувственного и подлого отношения со стороны руководства клуба. Они вновь меня оштрафовали, поставив под сомнение подлинность справки, и настояли на том, чтобы я немедленно вернулся в Шеффилд для прохождения обследования. Морено Роджи пытался с ними бороться, как только мог.

Сначала он пригрозил подать жалобу в ФИФА. Нельзя штрафовать игрока, который болен и предоставил медицинскую справку в качестве доказательства. Конечно, в «Шеффилд Уэнсдэй» об этом не знали (а разве можно было от них этого ожидать?), и им пришлось пойти на уступки. Затем он дал им

понять, что мы не против обследования в Шеффилде. Проблема была только в том, что я чувствовал себя слишком плохо, чтобы перенести дорогу в Англию. И снова их позицию можно назвать абсурдной, совершенно противоречивой. Они хотели, чтобы я приехал в Шеффилд и доказал им, что я не в состоянии куда–либо ехать, что было лишено всякого здравого смысла.

«Если ваши врачи хотят обследовать Паоло, мы не возражаем, — сказал им Роджи. — Но Паоло не в состоянии приехать в Англию. Если вы хотите с ним встретиться, вам придется самим приехать в Терни».

В конце концов, они так и сделали, перед этим, однако, сняв с меня зарплату еще за две недели. Клубный врач «Шеффилд Уэнсдэй» приехал в Италию в сопровождении психолога из Футбольной Ассоциации. Они по очереди осмотрели меня, задали мне вопросы и пришли к тому же самому мнению, что и мой врач из Терни. Я находился в состоянии нервного истощения и страдал от тошноты. Я просто не мог вернуться в Шеффилд, пока мне не станет лучше.

Не знаю, решило ли руководство к тому времени меня продать или заключение врача стало решающими фактором. Так или иначе, в начале января 1999-го года Морено дали добро на поиски нового места работы для меня. Узнав, что дело сдвинулось с мертвой точки, что я, наконец, могу оставить «Шеффилд Уэнсдэй» в прошлом, я встречал новый год, чувствуя себя немного спокойней. Мне постепенно становилось лучше. Что бы ни случилось, я был к этому готов.

Глава 10
На седьмом небе от счастья

Как только руководство «Шеффилд Уэнсдэй» объявило, что я им больше не нужен, я тут же получил предложения от «Бордо» и афинского клуба «АЕК». Но я хотел остаться в Премьер — Лиге. Потом ко мне начал проявлять серьезный интерес «Вест Хэм», и вскоре мы договорились об условиях перехода, и «Уэнсдэй» было обещано 1.7 миллиона фунтов отступных.

21 января мы с Морено Роджи вылетели в Лондон на подписание контракта, согласование последних формальностей и прохождение медицинского обследования. Когда врач «Вест Хэма» осматривал мое колено, у меня вдруг зазвонил телефон. Думая, что это Бетта, я извинился и ответил на звонок.

Но это была не Бетта, а Стефано Эранио, с которым мы когда–то выступали за «Милан». Теперь он играл за «Дерби Каунти», и я не общался с ним уже много месяцев.

По его голосу было понятно, что он очень волнуется. «Паоло, ты уже подписал контракт?» — спросил он. «Прости, я не могу сейчас говорить. Я на медосмотре».

«Паоло, не подписывай контракт, НЕ ПОДПИСЫВАЙ!»

«Что?»

«Послушай, Паоло. Рядом со мной Джим Смит. Мы договорились с «Шеффилд Уэнсдэй», ты очень нужен нам здесь, в «Дерби»!

Это была правда. «Дерби Каунти» давал за меня в полтора раза больше, чем готовы были выложить боссы «Вест Хэма». Я еще ничего не подписал, поэтому мог совершенно спокойно согласиться на их предложение.

«Извини, Стефано, — ответил я. — Но если бы вы действительно так сильно хотели видеть меня у себя, у вас было целых три месяца, чтобы со мной связаться. Если бы Джим Смит и правда считал меня таким важным игроком, он бы мог позвонить мне в любое время и пригласить к себе. Я не собираюсь менять своего решения».

Сказав это, я прекратил разговор.

Ничто и никто не мог заставить меня подвести Гарри Реднаппа. У него хватило духу подписать со мной контракт в то время как все в Англии готовы были распять меня на кресте. Я поверил в него с самого начала. Забавно, что хотя в тот момент, когда я отказал «Дерби», я был знаком с Реднаппом только часа два, я уже знал, что он на моей стороне.

Когда речь идет о доверии к людям, во мне как будто просыпается шестое чувство. Я даже считаю себя «уличным психологом». Улица учит безошибочно определять, каким людям стоит доверять, а от каких лучше держаться подальше. Реднапп — как раз из тех, кому можно верить.

Когда я впервые с ним встретился, то увидел лицо человека, перенесшего в жизни много страданий. Ему несладко пришлось в юности, а десять лет до того он чудом выжил в страшной автокатастрофе. Такие люди становятся либо циничными и озлобленными, либо мягкими и добрыми. Глаза Реднаппа сказали мне все, что я хотел знать: он хороший человек.

И тренер он тоже хороший. Несмотря на скудное финансирование, «Вест Хэм» из года в год добивается неплохих результатов. Реднапп умеет находить перспективных футболистов и делать из них звезд. Так, например, он не только воспитал Джона Хартсона, но и сумел продать его за 7.5 миллиона фунтов. Хочу сразу оговориться, что уважаю Хартсона и не считаю его плохим футболистом, но, как мне кажется, он сам согласится, что он не Марадона.

Реднапп также умеет общаться с журналистами. Я знал, что после подписания контракта должен буду присутствовать на пресс–конференции, где впервые со времени инцидента с Элкоком предстану перед британской прессой. Я боялся, что эта пресс–конференция может закончиться каким–нибудь конфликтом. Но Реднапп показал себя прекрасным дипломатом, сумев создать в зале спокойную обстановку. Когда меня спросили о «Уэнсдэй», я ответил так: «Я рад, что перешел в лучший клуб, чем «Шеффилд Уэнсдэй». И это была правда. Клубы не шли ни в какое сравнение ни на поле, ни вне его пределов. Одним из ключевых различий являлась атмосфера в раздевалке.

«Шеффилд Уэнсдэй» — маленький провинциальный клуб без амбиций. Если забыть о том, что никто пальцем о палец не ударил, чтобы помочь мне после случая с Элкоком, еще будучи игроком «Шеффилд» я чувствовал, что некоторые из моих партнеров мне банально завидуют. Думаю, у них что–то вроде комплекса неполноценности, и поэтому они сразу отвернулись от меня, когда я толкнул судью.

Эти люди не смогли понять, что им выпал шанс играть бок о бок с футболистом, обладающим гораздо большим талантом и опытом, чем они. Я ведь так многому мог бы их научить.

Вместо этого они воспринимали меня как человека, отбирающего у них зарплату и место в основном составе. Они не стремились играть лучше. Все, что им было нужно, — это продолжать получать деньги и продлевать свой контракт.

Когда я вспоминаю таких парней, как Энди Бус, мне становится грустно и почти смешно. После ухода Бэнни Карбоне Бус заявил следующее: «Без этих двух итальянцев намного лучше: они только и знали, что пасоваться друг с другом. Теперь я забью больше мячей».

Просто поверить не могу, что он сказал такую глупость. После того, как ушел Карбоне, Бус записал в свой актив три мяча за целый сезон. Да, он прав. Когда мы ушли, он действительно превратился в машину по забиванию голов. Он так помог «Шеффилд», не правда ли?

Такие люди, как Бус, и были главной проблемой «Шеффилд Уэнсдэй». Я думал, что атмосфера в любой английской команде похожа на атмосферу в «Шеффилд», но после перехода в «Вест Хэм» я понял, что ошибался, и, к счастью, все может быть иначе.

В «Вест Хэме» великолепный микроклимат. Здесь много талантливых футболистов, но даже самые способные из них понимают, что учиться никогда не поздно. Думаю, они осознают, что в плане опыта и видения игры я могу дать им кое–что полезное. Они не смотрят на меня как на чужака, а пытаются у меня учиться, а я, в свою очередь, учусь у них.

Когда я впервые зашел в раздевалку «Вест Хэма», все смеялись, шутили, болтали без умолку. Это было полной противоположностью атмосферы в раздевалке «Шеффилд Уэнсдэй». Сначала я подумал: «Господи, да это какой–то сумасшедший дом!» Но потом я понял. Так и должно быть. Здесь собрались нормальные, здоровые люди. А вот «Шеффилд Уэнсдэй» действительно можно было сравнить с дурдомом.

Мне сразу пришелся по душе такой стиль общения с партнерами. Они совершенно непредвзято относились к иностранцам. Это были чистые, честные люди. Каждый игрок считался важным, как и должно быть в любой команде. Я адаптировался быстрее, чем в любом другом клубе в своей карьере. Мы сразу начали друг друга подкалывать, но это было так смешно, так добродушно. Нил Раддок, Иан Райт, Джон Монкур были сердцем и душой компании. Почему–то им показалось забавным, что я ношу длинные носки. Они решили, что это отличный повод подшутить надо мной.

«Вы просто ничего не смыслите, парни, — сказал я. — Стильный мужчина носит длинные носки, а не короткие. У вас нет чувства стиля, вы одеваетесь, как немцы! Взгляните на себя в этих коротких белых носочках!»

За это они мстили мне, разрезая мои носки на мелкие кусочки или пряча в мои туфлях пауков. Это казалось им страшно веселым.

«Когда я найду того, кто это сделал, я положу ему в карман большую, злую, голодную крысу!» — орал я, в то время как они хохотали, как идиоты.

Раддок, Райт, Монкур, Хислоп: что бы я ни делал, этой шайке ненормальных все казалось ужасно веселым. Я притворялся, что обижен, но на самом деле считал, что это просто здорово.

В любом клубе найдется один–два парня, которые полностью не вписываются в коллектив по той или иной причине. Но в «Вест Хэме» таких не было. Я попал в настоящую, сплоченную команду во главе с Ианом Райтом, одной из самых выдающихся личностей в футболе.

Райт все делал с поразительным энтузиазмом. Как ребенок, он всегда искал каких–нибудь забав. Кроме того, он был отличным футболистом. Как–то он сказал, что жалеет, что не может сыграть со мной все девяносто минут. Услышать такое из его уст было для меня большим комплиментом.

Некоторые говорят, что он сумасшедший, больной на голову. Что ж, в мире, ставшим таким странным и неправильным, нормальными людьми, наверное, можно считать как раз таких, как я и Райт, которых называют безумными. Мы относимся к жизни так же серьезно, как остальные, но в отличие от них мы точно знаем, что по–настоящему важно: быть собой, открыто высказывать свое мнение, не бояться оказаться белой вороной.

А действительно ли мы сумасшедшие? Неужели нас можно считать таковыми лишь потому, что мы отстаиваем то, во что искренне верим? Неужели быть сумасшедшим означает не давать командовать тобой, даже если из–за этого у тебя могут возникнуть неприятности?

Если бы я просто соглашался делать все, о чем просили меня богатые и могущественные люди, я бы сегодня, пожалуй, до сих пор играл в «Ювентусе» или «Милане». Я бы мог выступать и за сборную Италии. И у меня, конечно, было бы больше денег, чем сейчас (не подумайте только, что я жалуюсь).

Но я ни о чем не жалею. Я делал то, что считал правильным в данный момент, и могу с уверенностью сказать, что рад тому, как сложилась моя судьба.

Единственное, о чем я жалею — мне так и не довелось сыграть за национальную команду Италии. Я выступал за сборную игроков до 21 года, но у меня ни разу не было шанса попасть в главную команду страны. Мне так хотелось сыграть хотя бы раз, получить хотя бы небольшой знак признания. Но, увы, ни один тренер не пригласил меня в сборную, хотя, как мне кажется, я этого вполне заслужил.

Я знаю: родись я в другой стране, любой другой стране, я бы

играл за национальную команду. По иронии судьбы, я родился в единственной в мире стране, не ценящей таких игроков, как я.

Я националист и патриот. Я люблю Италию и не смог бы представлять какую–нибудь другую нацию. Но в то же время, когда я думаю о Шотландии, о теплоте и страсти шотландцев, я порой жалею, что не могу играть за сборную этой страны. Они ценили меня, понимали мой стиль игры, их не смущала и не вызывала у них подозрений моя любовь к футболу.

Я дебютировал в составе «Вест Хэма» 30-го января в выездном матче против «Уимблдона», спустя 126 день после эпизода с Элкоком. Реднапп выпустил меня на замену за 13 минут до конца поединка. Я снимал тренировочный костюм, когда услышал, как фанаты «Вест Хэма», находящиеся на гостевой трибуне, начали что–то громко скандировать.

Когда я понял что, то просто не поверил своим ушам: они распевали мое имя.

«Черт возьми, за что такая честь? — подумал я. — Ведь я еще ничего полезного не сделал, английская пресса последние четыре месяца смешивает меня с грязью, и тем не менее они уже скандируют мое имя. Это просто что–то невероятное!»

Матч завершился вничью 0:0, но болельщики были великолепны.

После финального свистка я поблагодарил их за поддержку, и они продолжили распевать мое имя. Это была просто фантастика!

Наверное, это потому что я сам когда–то был фанатом, и я все моментально понимаю, но мне кажется, что в Англии — лучшие болельщики в мире. В Италии большая часть людей болеет за крупные клубы. Вряд ли на матчи «Ноттингем Форест» или «Манчестер Сити», играющих в низших лигах, придет 30 000 зрителей. Дети вырастают, болея за тот клуб, который в данное время является сильнейшим. Сейчас это, возможно, «Ювентус», «Милан» или «Парма», а несколько лет назад это могли быть «Интер» или «Рома». Ваш отец может болеть за «Фиорентину», потому что когда он был ребенком в 50-х, она выиграла несколько титулов. Вы можете болеть за «Ювентус», поскольку он был на коне в 70-х. А вашему сыну может нравиться «Милан», потому что он хорошо играл в 1990-х. Все зависит от того, какая команда делала погоду, когда вы впервые познали радости футбола.

С другой стороны, в Англии это больше дело наследственности. Отцы берут с собой сыновей на стадион, и те становятся поклонниками той команды, за которую болеют их отцы. Вряд ли найдется много фанов «Вест Хэма», дети которых болеют за «Арсенал», и наоборот. Это похоже на передачу

семейного бизнеса от отца сыну: так в прошлом сын мясника тоже становился мясником.

Страсть английских болельщиков — это болезнь, но болезнь в хорошем смысле. Это прекрасная болезнь — поддерживать свой клуб, в каком бы положении он ни находился. Когда твоя команда играет плохо, и ты чувствуешь себя плохо, но все равно продолжаешь за нее переживать. В Италии, когда команда перестает давать результат, болельщики теряют к ней интерес. Они некоторое время освистывают игроков, а потом просто прекращают ходить на матчи. Они очень непостоянны в своих чувствах. Итальянцы любят смотреть, как их команда выигрывает. Англичане и шотландцы любят смотреть, как их команда играет. Точка.

Вот почему мы, футболисты, никогда не должны забывать, что нам очень повезло. Нам дана возможность надевать футболку «Вест Хэма» и зарабатывать себе футболом на жизнь. Я смотрю на наших фанов на «Аптон Парк» (уверен, что то же самое можно сказать и о болельщиках других клубов) и думаю: «Девяносто пять процентов этих людей отдали бы правую руку, чтобы занять мое место».

Наши болельщики, не задумываясь, согласились бы поменяться с нами ролями. Но они не могут этого сделать, поэтому следуют за нами куда бы мы ни поехали, жертвуют своими деньгами и свободным временем. Я знаю, что это такое, потому что ходил на все домашние матчи «Лацио» и ездил за ними на выездные поединки каждую неделю шесть лет подряд.

В среднем я получаю от шестидесяти до семидесяти писем в неделю. Большая часть из них — от фанатов «Вест Хэма» со всего мира, многие письма — от болельщиков «Селтика» и «Шеффилд Уэнсдэй», которые по–прежнему со мной общаются. У меня в гостиной есть фотография двух близняшек из Шеффилда — двух пятнадцатилетних девочек. Они прислали мне несколько замечательных писем, благодаря меня за время, проведенное на «Хиллсборо», и говоря, как они за мной скучают.

Для меня такие болельщики — особенные, и когда я о них думаю, начинаю волноваться. Их любовь к футболу, к тому футболу, в который играл я, не испортил инцидент с Элкоком и конфликт между мной и руководством, последовавший за тем инцидентом. Они не поддались влиянию прессы и не поверили боссам «Шеффилд Уэнсдэй», пытавшимся меня очернить. Вряд ли они поддерживают меня и восхищаются мной, потому что считают меня хорошим человеком или одобряют мой поступок. Ведь они не знакомы со мной лично. Думаю, для них это не имеет значения. Они любят меня как футболиста, любят за то, что я

делал на поле. И это действительно важно. За такую любовь к футболу человека можно считать настоящим болельщиком.

Один парень в Австралии назвал свой бар «Бар–закусочная «Молот Ди Канио». Другой написал, что покупает абонемент на «Аптон Парк» вот уже 45 лет, и что я занял в его сердце место, принадлежавшее до этого Бобби Муру.

«Бобби Мур — великий футболист, но я вижу, как ты вытворяешь с мячом такое, чего я раньше и представить себе не мог. Такие трюки «Аптон Парк» раньше никогда не видел».

Когда я прочел эти строки, у меня по спине пробежали мурашки. Любому, кто хоть немного знаком с историей «Вест Хэма», известно имя Бобби Мура. Это святой, легенда клуба. И когда меня сравнил с ним не просто болельщик, а болельщик, преданный «Вест Хэму» всю свою жизнь, на мои глаза навернулись слезы. Конечно, это только один голос из тысячи, но все равно его слова меня просто потрясли. У меня была возможность связаться с ним, отблагодарить его. А для футболиста это — самая большая награда.

Когда я вижу какого–нибудь болельщика в футболке «Вест Хэма» с моей фамилией на спине, меня переполняют эмоции. Я думаю: «Этот парень специально купил футболку именно с моей фамилией. Он мог бы выбрать любого другого игрока, но предпочел выбрать меня».

И ведь фамилий на футболках изначально нет, а это значит, что ему, видимо, нужна была не просто футболка «Вест Хэма». Он специально заплатил 50 фунтов за саму футболку, а затем еще 20 фунтов за то, чтобы на нее нанесли мой номер и фамилию.

Как можно к такому оставаться равнодушным? Как можно этого не замечать и не говорить себе: «Ты должен выйти на поле и отдать всего себя для победы, потому что кто–то любит тебя и твой клуб так сильно, что готов потратить все свои деньги и свободное время ради этой любви».

Я черпаю силы у болельщиков. Каждый раз, когда я подаю угловой, я вижу одних и тех же двоих парней на трибуне возле углового флажка. Каждый раз, когда я туда подбегаю, я ищу их лица в толпе. Не знаю, замечают ли они это. Оба они приблизительно моего возраста, и у них бритые головы. Они выкрикивают мое имя и поднимают вверх руки, как будто молясь на меня. Я думаю, родись я в Ист — Энде и не будь я профессиональным футболистом, я мог бы оказаться со своими друзьями на их месте, а один из них вместо меня мог бы быть на поле.

Вот почему мы, футболисты, должны выкладываться на 110 % во время матча. И вот почему я не стесняюсь критиковать своих

одноклубников, если считаю, что они могли бы работать лучше. Но работать лучше не только во время самих матчей. Я имею в виду и профессиональное отношение к тренировкам, соблюдение диеты, выполнение дополнительных упражнений. Все, что меньше этого — плевок в сторону болельщиков, смертельное оскорбление в их адрес.

Все, кто со мной знаком, знают, как много сил я отдаю на тренировках. Для меня это стиль жизни. Я всегда прихожу тренироваться в выходные дни среди недели, и тренируюсь почти каждое воскресенье. Очень часто на дополнительные тренировки приходит слишком мало моих партнеров.

Я этого не понимаю. Я не понимаю, почему нельзя тренироваться по максимуму. В конце концов, в первую очередь это нужно тебе, ведь ты становишься физически более крепким, лучшим игроком. Неужели два с половиной часа в выходной день (норма для меня) — это такая огромная нагрузка? После этого остается еще уйма времени, чтобы заняться всем, чем душе угодно.

Когда я бегаю по кругу на стадионе, я всегда делаю это, пока хватает сил. Да, это значит, я должен пробежать большое расстояние, но это также значит, что мое тело работает напряженнее и, следовательно, становится сильнее. Некоторые из моих одноклубников, однако, хитрят, срезают углы и бегут по ближайшей к полю дорожке. По–моему, это глупо. Они просто обманывают сами себя.

Все дело в профессионализме, понимании того, что если ты будешь профессионально относиться к своим обязанностям, ты же первый и пожнешь плоды своего труда.

Еще один пример — упражнения на развитие техники. Если мы тренируемся бить по воротам, к примеру, и я ошибаюсь, то я злюсь и ругаю себя последними словами. И со всей ответственностью подхожу к следующей попытке. Другие же, промахиваясь, просто смеются, я это вижу. Когда кто–нибудь из моих одноклубников не попадает по мячу, все эти идиоты начинают хохотать. Что в этом смешного? С чего смеяться?

Правда ли так смешно, что твой одноклубник промазал по мячу? Что ты будешь делать, когда это произойдет во время матча? Смешно тебе будет, когда он испортит голевой момент? Слишком мало людей понимают, что существует прямая зависимость между тем, что ты делаешь на тренировках, и тем, что ты делаешь на поле во время матча. Нужно с одинаковой мерой ответственности подходить и к тому, и к другому.

Меня очень хвалили за гол в ворота «Уимблдона» в сезоне 1999–2000. Согласен: гол получился эффектным. Прием, который

я применил, был очень сложным с технической точки зрения, потому что для его осуществления требуется полный контроль своего тела, идеальный расчет времени и умение сохранять равновесие. В сравнении с ударом через себя или ударом ножницами, этот прием гораздо сложнее, потому что в тех случаях тело отклоняется назад, и это помогает сохранить равновесие. Но в случае с голом в ворота «Уимблдона», обе ноги находились в воздухе, так что просто попасть по мячу уже было достижением.

Однако такие голы не рождаются по мановению волшебной палочки. У меня вышло так ударить, потому что я часами отрабатывал это на тренировках. Я так часто бил подобным образом, что у меня все стало получаться инстинктивно. Когда последовал навес, я даже не задумывался над тем, что буду делать. Мой мозг все решил за меня. Как бы мне хотелось, чтобы мои одноклубники и некоторые молодые футболисты поняли: без самоотверженной работы на тренировках у меня в жизни не вышел бы такой удар.

И я не единственный пример. Возьмите Девида Бекхэма. Люди думают, что он обладает естественным талантом, что он просто симпатичный парень, который вдобавок умеет делать длинные передачи лучше, чем любой другой игрок в мире. На самом деле, хотя талант у Бекхэма не отнять, он не мог бы настолько хорошо делать навесы, не оттачивай он их часами на тренировках. Тем не менее, никто, кажется, не обращает на это внимание. Все говорят только о том, какой трудолюбивый игрок Рой Кин, а вот о профессионализме Бекхэма редко упоминают. Не поймите меня неправильно: Кин — выдающийся футболист, но он заслужил репутацию труженика, поэтому его постоянно хвалят.

У Алана Ширера тоже репутация рабочей лошадки. От него ожидают, что в каждом матче он будет биться, не жалея живота своего. Если честно, то в большинстве случаев так и происходит. Но мне вспоминаются и три последних поединка перед увольнением Рууда Гуллита с поста главного тренера «Ньюкасла». Ширер в них просто отбывал номер, считанные разы касаясь мяча. Не знаю, потому ли это, что он хотел скорейшего увольнения Гуллита или нет, но одно я знаю наверняка: это был не настоящий Ширер.

Конечно, никто этого не заметил. Почему? Да потому что люди всегда будут считать Ширера образцом трудолюбия. А Бекхэм всегда останется просто симпатичным парнем, которому все в жизни дается легко.

Глава 11
Юные молотобойцы

Когда я перешел в «Вест Хэм», команда занимала девятое место. В течение сезона мы постепенно поднимались вверх в турнирной таблице. Я сыграл в двенадцати матчах, забив в них четыре мяча. В итоге клуб завершил сезон на пятой строчке. Если добавить мячи, проведенные в матчах за «Шеффилд Уэнсдэй» до дисквалификации, я записал себе в актив семь голов в 18 встречах. Я мог гордиться собой и с надеждой смотреть в сезон 1999–2000, потому что пятая позиция гарантировала нам место в Кубке Интертото.

Да, я согласен, что Кубок Интертото — это не Лига Чемпионов. Одна газета даже назвала его Кубком «InterTwoBob» По–моему, это просто глупо. Если забыть о престижности, участие в этом соревновании давало нам возможность побороться за место в Кубке УЕФА, чего мы, в результате, и добились. Все смеялись, когда мы подали заявку на выступление в Кубке Интертото, но замолчали, как только увидели, что у нас получилось пробиться в Европу. Хотя наша команда была не настолько сильна, чтобы завоевать Кубок УЕФА, молодые футболисты получили опыт участия в международных поединках, что очень важно в их возрасте.

В «Вест Хэме» очень талантливая молодежь, начиная с Майкла Каррика и Джо Коула, и заканчивая Стивеном Байвотером и Рио Фердинандом. Это заслуга Гарри Реднаппа, Фрэнка Лэмпарда старшего и всего тренерского штаба, что они смогли найти и воспитать столько перспективных мальчишек.

Мне нравится, когда меня окружают молодые ребята. Тренер, работавший со мной в юности — Вольфанго Патарка — всегда говорит, что когда я повешу бутсы на гвоздь, мне следует заменить его на посту тренера молодежной команды «Лацио». Не знаю, произойдет ли это когда–нибудь, но мне очень нравится учить своих молодых партнеров здесь, в «Вест Хэме», показывая им пример своей игрой.

Байвотер — талантливый голкипер и смышленый парень. У него получился кошмарный дебют в матче против «Брэдфорд Сити», но потом он выдал на гора несколько великолепных поединков. Как любому молодому вратарю, ему необходима уверенность в себе, и она со временем придет. Я восхищаюсь его отношением к своему делу, и не сомневаюсь, что его ждет большое будущее.

Каррик — еще один молодой футболист, который мне очень импонирует. Думаю, изначально его хотели видеть на позиции форварда. Это меня удивляет, так как он чувствует себя в центре поля как рыба в воде. У него прекрасная техника, он дисциплинирован и великолепно дирижирует игрой. Но больше всего меня в нем привлекает нацеленность на победу. Этому нельзя научить, это можно только впитать с молоком матери. Каррик отличается психологической устойчивостью. Вокруг такого игрока строятся команды–чемпионы, выигрывающие трофеи.

Но больше всего мне хочется поговорить о Коуле и Фердинанде. Они вызывают у меня огромное уважение как футболисты и я люблю их как людей. Вот почему, когда я о них рассказываю, то делаю это, как сделал бы их старший брат. Я хочу, чтобы они добились успеха, чтобы смогли реализовать свой фантастический потенциал. Немногие могут похвастаться такими задатками, как они, но этого может оказаться недостаточно, если они не научатся работать не покладая рук.

Коул — один из самых талантливых футболистов не только своего поколения, но и последних двадцати лет. Я играл вместе с Алессандро Дель Пьеро, когда ему было столько же лет, сколько сейчас Коулу. Что касается таланта, этих двух футболистов можно смело ставить в один ряд, хотя Коул, возможно, немного превосходит Дель Пьеро: он лучше двигается и более устойчив психологически. Я также играл вместе с Роберто Баджо и могу утверждать, что Коул — его более физически крепкая копия.

Я вижу, как он выполняет некоторые приемы с мячом, и понятия не имею, как он это делает. То, как он обводит соперников, как уходит от опеки, чем–то напоминает мне Зинедина Зидана. Его движения естественны, он как кошка, как молодой тигр. Он показывает сопернику мяч, а потом прячет его, как фокусник. И в то же время он обладает грацией и точностью движений танцовщика: работают все мышцы до единой.

Некоторые мои друзья и бывшие одноклубники приходят посмотреть тренировки «Вест Хэма». Они говорят: «Паоло, он как ты в этом возрасте. И как ты, он никогда не отдает пас!» Это не совсем правильно, но Коул, и правда, долго держит мяч у себя. Он тратит много сил, обыгрывая соперников. Считаю, не следует этому препятствовать, потому что с таким талантом ему лучше владеть мячом, находясь в окружении трех соперников, чем другому, менее способному футболисту, получать мяч в полном одиночестве.

Тем не менее, думаю, что позиция полузащитника для него не оптимальна. Очень рискованно ставить Коула в центр поля:

когда он теряет мяч, между соперниками и нашим вратарем остаются только защитники. Мне кажется, ему следует играть выше. Тогда, даже если он потеряет мяч, полузащитники смогут его подстраховать. Кроме того, если он будет играть под нападающими, ему нужно будет обвести лишь двух защитников, чтобы пробить по воротам или отдать передачу партнеру. Сейчас ему трудно это делать. Даже когда он уходит от нескольких противников, он все равно не может выйти на свободное пространство.

Однако чтобы играть впереди, он должен стать более крепким физически. В его возрасте и с его физическими данными защитнику не нужно быть двух метров росту, чтобы его остановить. И все же Коулу стоит научиться играть на позиции под форвардами, на которой играю я. Главное для него — понять, что еще до того, как он получает мяч, он уже должен продумать три или четыре варианта развития событий. Великие футболисты всегда имеют в запасе больше вариантов, чем обычные игроки. У Коула для этого достаточно таланта и воображения, однако создается ощущение, что очень часто, получая мяч, он думает только о том, как выйти на свободное пространство, а дальше уже решает, что ему делать.

Кроме таланта, больше всего мне в нем нравится абсолютное бесстрашие. Он не боится ошибаться, не боится открывать для себя что–то новое. За это нужно похвалить его тренеров, одобрявших такое стремление к неизведанному, так же, как Вольфанго позволял мне пробовать то, чего я раньше никогда не делал. Тренер, придерживающийся более традиционных взглядов (а в Италии таких большинство), не разрешил бы ему обвести еще одного соперника или сделать сложную передачу, а дал бы установку играть как можно осторожнее.

Я хвалю его не просто так. Дело в том, что перед Коулом нужно все время ставить сложные задачи, стимулировать его. Сложно тренировать такого, как он, но нельзя ко всем подходить с единой меркой.

Нужно, чтобы он почувствовал голод, чтобы понял: впереди еще долгий путь; хотя, надо сказать, он это осознает. Коулу недостаточно играть в Премьер — Лиге, выступать за сборную Англии или даже стать звездой в Британии. У него есть шанс войти в четверку или пятерку лучших футболистов мира.

Мы часто с ним об этом говорим, я учу его тому, что знаю сам. Я от всей души желаю ему успеха, ведь это принесет пользу как ему самому, так и английскому футболу. Скорее чем Дэвида Бекхэма или Майкла Оуэна, Коула можно считать будущим футбола в Англии. Бекхэм и Оуэн — выдающиеся игроки, но их

стиль типично британский. Хотя в этом нет ничего плохого, нужно сказать, что Премьер — Лига изменилась. Английский футбол — уже не тот, что десять или двадцать лет назад. Сегодня в Англии появляются такие игроки, как Коул, и у Джо есть шанс стать символом новой эры английского футбола.

Это потому, что он современный футболист, лишенный британских стереотипов. Его стиль кардинально отличается от традиционного. Некоторые называют его более европейским, временами его игра похожа на игру южноамериканцев. Но неважно, что напоминает его стиль. Главное — это сочетание нового с чертами традиционного английского футбола — боевым духом, трудолюбием и преданностью своему делу.

Он всерьез воспринимает мои советы, что мне очень приятно. Например, я посоветовал ему не передерживать мяч в центре поля в первые десять минут матча. Это потому, что начало любого поединка в Премьер — Лиге очень бурное, с подкатами каждую секунду и сумасшедшими скоростями. Это не лучшее время, чтобы демонстрировать дриблинг. Можно обвести нескольких соперников и сорвать аплодисменты болельщиков, но также легко можно потерять мяч или получить травму. В первые десять минут лучше играть как можно проще. Получил мяч — отдай партнеру и откройся. Не суетись, старайся все время находить максимально удобную позицию. Как только темп игры спал, можешь держать мяч дольше. Соперники к тому времени подустанут, подкатов станет меньше. Твои партнеры к этому моменту тоже войдут в ритм игры.

Он прислушался к моим рекомендациям и в следующих поединках старался играть именно так, как я посоветовал. Не могу передать, как я был счастлив. Он мог бы надуть щеки и заявить: «Я Джо Коул, и стану звездой без советов какого–то там Ди Канио». Но он послушался меня, перенял мой опыт. Это говорит не только об интеллекте, но еще и о том, что Джо хочет добиться успеха, реализовать свой потенциал.

Он хорошо работает, но и здесь ему есть что совершенствовать. Он должен научиться правильно питаться, профессионально тренироваться, поддерживать себя в надлежащей физической форме. К сожалению, прохладное отношение к тренировкам — характерная особенность английского футбола. Найдется не так много футболистов в этой стране, которые в достаточной мере заботятся о своем теле, которые готовы изо дня в день работать на тренировках, не жалея сил.

И здесь мне хочется поговорить о Рио Фердинанде. Думаю, Алессандро Неста из «Лацио» — лучший центральный защитник в

мире в настоящее время. Он обладает хорошей скоростью, прекрасно играет головой, великолепно видит поле, выигрывает все единоборства, умело обращается с мячом, и является прирожденным лидером. Сейчас это эталон, с которым сравнивается игра других защитников.

Уверен, что Рио может выйти на такой же уровень, как Неста, а, возможно, достичь еще большего. Для этого у него есть все. Однако ему нужно постоянно прогрессировать. Он должен развивать в себе жажду успеха, желание, харизму, присущую великим игрокам.

Рио мог бы стать лучшим, но я еще не могу сказать, что он лучший, по крайней мере, в данный момент. Ему 22 года, он провел с десяток матчей за сборную Англии и отыграл три полных сезона в Премьер — Лиге. Его уже не называют просто перспективным футболистом: пришло время становиться звездой. В прошлом году он допустил ряд ошибок, ему не хватало собранности. Но зато он обладает необходимыми навыками и он достаточно умен, чтобы компенсировать свои недостатки. Рио — необычный человек, не только с точки зрения физических кондиций, но также с точки зрения умения мыслить на поле. Он может играть лучше.

Мы говорим с ним об этом, я пытаюсь объяснить ему, насколько важно работать над собой, но мне это дается непросто. Иногда, когда начинаешь чувствовать собственную значимость, становится трудно слушать советы других. Это не высокомерие, это просто осознание того, что ты звезда. Может, он думает, что и так уже достиг высшего уровня, может, он думает, что является лучшим английским защитником. Возможно, это и так, но достаточно ли этого? Ведь ему вполне по силам стать лучшим в мире.

Убежденность в том, что ты лучший — это палка о двух концах. С одной стороны это придает тебе уверенности в своих силах для достижения больших целей. Тебе ничего не страшно, ты выходишь на любой матч, не сомневаясь в успехе. Это большой плюс с точки зрения психологии.

С другой стороны, ты можешь перестать расти, работать над собой. Если думаешь, что тебе нет равных, зачем попусту тратить силы? Зачем работать?

Было бы обидно, если бы Рио выбрал второй вариант, если бы сделал вывод, что он уже самый великий и ему больше не к чему стремиться.

Рио не следует рассуждать так: «Через несколько лет я начну выступать за сборную Англии, а через шесть–семь лет стану одним из лучших. Карьера футболиста слишком коротка, чтобы

можно было строить такие планы. Вместо этого, нужно себе говорить: «Я хочу, чтобы меня признали лучшим защитником в мире. Прямо сейчас!»

После подписания долгосрочного контракта с «Лацио» на очень выгодных финансовых условиях Неста провел лучший сезон в своей карьере. Почему? Потому что у него появилось огромное желание доказать всем, что он действительно достоин такой чести.

Я хочу, чтобы Рио прислушался ко мне, потому что я за него переживаю, потому что хочу, чтобы он стал лучшим. Я советую ему так, как мог бы советовать его старший брат. Мне бы хотелось перенестись с ним на пять лет назад на тренировочную базу «Милана», чтобы он посмотрел, как тренируется Франко Барези. В то время Барези исполнилось 35, он проводил свой последний сезон, являлся капитаном и живой легендой «Милана». Ему не надо было уже ничего доказывать. И, тем не менее, он полностью выкладывался на тренировках, придавая огромное значение каждой мелочи. Короче говоря, это был профессионал до мозга костей.

Если бы Рио увидел тренировки Барези и перенял этот опыт, ему бы цены не было.

На самом деле, Рио не нужно отправляться в прошлое, чтобы увидеть пример работы настоящего профессионала. Такой футболист находится у него под боком. Это Стюарт Пирс.

В прошлом году после тренировки я заглянул в раздевалку «Вест Хэма», чтобы посмотреть, нет ли там Стюарта Пирса. Благодаря самоотверженным тренировкам в течение многих лет, Стюарт выглядит на десять лет моложе своего возраста. Вот так и должен работать профессионал.

«Ты сумасшедший, просто зверь, — сказал я Пирсу. — Тебе 36, а ты просто в великолепной форме».

Он посмотрел на меня, слегка улыбнувшись.

«Вообще–то, старик, мне не 36, а 38».

«Ух ты! — Воскликнул я. — А мне тридцать один. По–моему, я неплохо выгляжу для своих лет, ты согласен?»

«Возможно, но тебе нужно постоянно поддерживать форму», — ответил он.

Он сделал жест в сторону Нила Раддока, который, прикрывшись одним полотенцем, брился в другом конце раздевалки.

«Если бросишь заниматься собой, станешь, как он», — добавил он, весело подмигнув.

«О, нет! — сказал я. — Не хочу выглядеть, как Раддок, даже когда мне стукнет пятьдесят!»

Я вспомнил этот эпизод не для того, чтобы высмеять Раддока. Если честно, у каждого из нас своя конституция. Даже если бы Раддок года два подряд не вылезал из тренажерного зала, вряд ли бы он стал похож на Стюарта Пирса. Я просто хотел показать, что такой парень, как Стюарт Пирс — это настоящий воин. Для меня он является воплощением английского представления о боевом духе и преданности своему делу. Но прежде всего меня в нем привлекает огромное трудолюбие. Нельзя выступать на профессиональном уровне в 38 лет, не относясь к своему телу, как к святыне.

Я хочу, чтобы Рио это понял. Чтобы до него дошло, что тяжкий труд — это все, что ему нужно, чтобы стать звездой.

Так или иначе, решать ему. Он может захотеть оставить все, как есть, и ничего не менять. Болельщики «Вест Хэма» все равно будут считать его героем, и если он закончит свою карьеру в этом клубе, его будут чтить как легенду.

Но тогда он не сможет стать по–настоящему великим игроком.

А может, в нем проснется желание выйти на новый уровень. Он начнет уделять больше внимания тренировкам, диете, анализировать каждый аспект своей игры. Это ведь не так много, правда? Если он будет тренироваться как следует, работать не покладая рук, то может стать защитником мирового класса. Решать ему.

Летом 1999-го мне позвонил Джанлука Виалли. «Челси» закончил предыдущий сезон на третьем месте — лучший результат с 1970-го года. Будущее Джиджи Казираги было под вопросом, и Виалли остро нуждался в нападающем, который мог бы дополнить дуэт форвардов Торе Андре Фло и Джанфранко Дзола (в конце концов, он подписал Криса Саттона из «Блэкберн Роверс» за десять миллионов фунтов).

«Послушай, Паоло! — начал он. — Ты бы не хотел перейти ко мне в «Челси»?

Теоретически это был прекрасный шанс. «Челси» предстояло играть в Лиге Чемпионов, и я мог показать всем в Италии, на что способен. Переход был выгоден и с финансовой точки зрения, поскольку мне наверняка подняли бы зарплату.

И все же я колебался. Виалли искал еще одну звезду. Если бы ему удалось кого–нибудь найти, тогда на две позиции в стартовом составе претендовали бы четыре форварда. Кроме того, Виалли сказал, что он ограничен в средствах, а я знал, что «Вест Хэм» даст мне уйти только за очень хорошие отступные.

«Не знаю, Лука, — ответил я. — Я не намерен сидеть в запасе. В моем возрасте хочется играть в каждом матче. Кроме того, у

меня неплохо идут дела в «Вест Хэме» после перехода из «Шеффилд Уэнсдэй». Я всем доволен, и думаю, у тебя вряд ли хватит денег, чтобы меня выкупить».

Это не смутило Луку. Как обычно, он продолжил гнуть свою линию.

«А что если я предложу Реднаппу Дана Петреску как часть сделки?»

«Лука, я не уверен, что это сработает, — ответил я. — Петреску — прекрасный футболист, но думаю, Реднапп ценит меня очень высоко».

«Паоло, ты не можешь поговорить с ним ради меня и попытаться доказать, что это неплохой план? Только подумай: ты и я вместе в Лиге Чемпионов. Было бы здорово, правда?»

Я так и не поговорил с Реднаппом. Может, кто–нибудь из руководства «Челси» и связывался с ним, я не знаю. Я не стал обсуждать возможность перехода с Реднаппом, потому что в глубине души сильно сомневался, что мне стоит переезжать на «Стэмфорд Бридж».

Через несколько месяцев после нашего разговора, когда дела у «Челси» в Премьер — Лиге шли из рук вон плохо, мы с Лукой решили вместе пообедать.

«Паоло, я идиот, — сказал он. — Мы продлили контракт с Петреску. Он хороший парень, но когда я думаю, что мы могли заполучить тебя вместо него… Все бы пошло иначе, перейди ты в «Челси». Ты стабилен, выкладываешься на все сто в каждом матче. Ну почему, почему я тогда не заключил сделку с Реднаппом?»

«Послушай, Лука, может, это и к лучшему, — ответил я. — Я много об этом думал, и рад, что все осталось на своих местах. Это был не лучший вариант. Мы с тобой друзья, настоящие друзья. Не знаю, во что бы превратились наши отношения, играй я под твоим началом. Я слишком высоко ценю нашу дружбу».

Я знал, что говорил. Прежде всего, я счастлив, что выступаю за «Вест Хэм». Конечно, было бы здорово играть в Лиге Чемпионов, но на «Аптон Парк» я чувствую себя вполне комфортно.

Кроме всего прочего, мне кажется, что наша дружба с Лукой могла поставить его в неловкое положение. Она помешала бы его работе. Я все еще считаю, что тренер должен быть жестким. Мне не хотелось бы, чтобы Лука, мой друг, обращался со мной жестко, даже если бы считал, что так нужно для пользы команды. Лука нужен мне как друг, а не как начальник — человек, с которым я бы конфликтовал.

Как и можно было предположить, в сентябре 2000-го я снова

понадобился «Челси». В этот раз инициатива исходила не от Луки (думаю, он знал, какой будет моя реакция), а непосредственно от руководителей клуба. Они предложили за меня 4 миллиона фунтов, и моя зарплата, наверное, выросла бы раза в два.

Гарри ответил, что я не продаюсь, ни за какие деньги. Мне было очень приятно, что он ценит меня так высоко, особенно если принимать во внимание, что «Вест Хэм» — клуб небогатый.

Но даже если бы он согласился, я бы не принял предложение «Челси». «Вест Хэм» — это мой дом, и мое место здесь. Такие чувства я испытывал по отношению только к одному клубу — «Лацио». Наверное, потому что я там вырос, болел за него с самого детства, а потом стал его игроком. В конце сезона 2001–2002 я буду выступать за «Вест Хэм» дольше, чем за любую другую команду. Думаю, этим можно отчасти объяснить мою привязанность к клубу из Лондона. Чтобы отношения развивались, нужно время. Проведи я больше сезона за «Селтик» или «Наполи», я бы, наверное, тоже полюбил эти клубы всей душой. А так, у меня о них остались только приятные воспоминания. Однако «Лацио» и «Вест Хэм» — это особые клубы, не похожие на остальные.

Офис президента на «Аптон Парк» полон футбольными реликвиями. Здесь можно увидеть трофеи, завоеванные в 1920-х и 30-х, фотографии Бобби Мура, футболку сборной Англии, в которой выступал Трэвор Брукинг, и даже первый мяч, которым играли на «Уэмбли». Это самое сердце «Вест Хэма», наша история, собранная в одной комнате.

Однажды я заметил, что в офисе появилась фотография с моим голом в ворота «Уимблдона», признанным лучшим голом сезона. Я единственный футболист в современной истории клуба со времен Брукинга, который удостоился чести, чтобы его фотографию повесили на эту стену. Когда я впервые ее увидел, я не смог сдержать чувств.

Моя фотография соседствовала с фотографиями легенд, писавших историю «Вест Хэма». И дело не в таланте. Хотя нельзя сравнивать разные эпохи, я знаю, что, наверное, не уступаю этим футболистам в мастерстве.

А дело в том, сколько лет своей жизни ты посвятил клубу. Я отыграл за «Вест Хэм» только два полных сезона, а мою фотографию уже повесили на стену. Думаю, я многое дал «Вест Хэму», но такое проявление любви и уважения было для меня неожиданным. В конце концов, я иностранец, и провел здесь меньше времени, чем другие.

Не знаю, с чьей подачи это случилось: президента или совета директоров, но это было фантастическое проявление любви. «Вест

Хэм» признал мои заслуги, и мне хотелось принести команде еще больше пользы. Они спасли меня после дисквалификации, когда я изо всех сил старался удержаться в Премьер — Лиге, но получал предложения только из–за рубежа.

Вот почему я всегда буду любить этот клуб, что бы ни случилось. Однажды, может, лет через тридцать, я вернусь сюда, чтобы еще раз взглянуть на эту фотографию. Я знаю, что «Аптон Парк» — мой второй дом.

Благодарность в футболе — это роскошь, и увольнение Луки Виалли через несколько дней после того, как попытка «Челси» купить меня у «Вест Хэма» закончилась неудачей, — лишнее тому подтверждение.

Мне было жаль его, хотя Лука — не тот, кто нуждается в жалости. Он себя еще проявит, я в этом нисколько не сомневаюсь. В 36 лет он выиграл пять титулов за два с половиной сезона.

В его возрасте сэр Алекс Фергюсон не выиграл еще ничего, как Джок Стайн и Боб Пэсли. Джованни Трапаттони оставался год до первого трофея. История знает только одного человека, которому удалось выиграть больше, чем Виалли, в самом начале тренерской карьеры. Это Свен — Горан Эрикссон, завоевавший два кубка Швеции, победивший в чемпионате Швеции, Кубке УЕФА и два раза приводивший свою команду к титулу чемпионов Португалии. Однако со всем моим уважением к Швеции и Португалии, Виалли одерживал свои победы в Англии и Европе, а это совсем другое дело.

В конце Луке пришлось разбираться с несколькими недовольными игроками. В подобных случаях тренеру нужна поддержка президента, которой, похоже, Виалли похвастаться не мог. Если такой футболист, как, скажем, Франк Лебеф, критикует тренера, тренер и президент должны выработать единую позицию относительно того, как реагировать на эту критику. Вместо этого Виалли пришлось принимать удар на себя, не зная, поддерживает ли руководство его действия. Естественно, из–за отсутствия единства ситуация вышла из–под контроля.

Авторитет Луки был подорван, потому что руководство клуба не захотело его поддержать. «Челси» — это богатый клуб, за который играет много талантливых футболистов. Но его нельзя назвать сильным клубом. Это вопрос ментальности. Не думаю, что подобное могло произойти, например, в «Манчестер Юнайтед».

Обстановка на «Аптон Парк» для меня просто идеальна. Да, я по–прежнему выхожу из себя, когда недоволен игрой партнеров. Я кричу на них, критикую их, даже ругаю. Я не боюсь этого делать, хотя теперь, повзрослев, я все же не так категоричен, как раньше.

Думаю, они понимают, что когда я взрываюсь, то делаю это из лучших побуждений. Я кричу на своих одноклубников, потому что хочу, чтобы они играли лучше, чтобы они совершенствовали свое мастерство. Гарри говорит мне: «Паоло, ты не должен на них сердиться. У них нет твоего понимания игры, твоего таланта…»

Ну, ладно. Я к этому привык. Когда люди стараются, но не могут, я не злюсь. Все промахиваются с пенальти, даже я. Я говорю об ошибках, которые являются следствием неправильной подготовки или лени на тренировках. Тогда у меня внутри все закипает.

Некоторые игроки думают, что достаточно выкладываться на 110 процентов в играх. Это совсем не так. Если они не жалеют себя, но проигрывают, обычно англичане говорят: «Ну что ж, не повезло. Но боролись неплохо».

Это меня бесит. Может, они и хорошо боролись в тот день, но что они делали на тренировках до матча? Из–за того, что какой–то игрок не отнесся профессионально к своим тренировкам, он стал немного медленнее бегать, и поэтому во время матча ни разу не опередил соперника, как бы ни старался.

Люди видят, как я кричу на своих одноклубников, и думают, что я взбалмошный или эгоист, но они не понимают истинной причины моего поведения. Я кричу, когда думаю, что ошибка — это прямое следствие халатного отношения к тренировкам, а не потому что мне просто нравится кричать на своих одноклубников. Короче говоря, я сержусь на своих партнеров, когда думаю, что они могли бы играть лучше.

Вы не часто услышите, как я кричу на Стива Ломаса, например, потому, что это настоящий профессионал, который усердно трудится изо дня в день. Я понимаю, что он не обладает выдающимися техническими способностями, и я не оцениваю его по тем же критериям, по которым оцениваю других. Техника, наверное, не самая сильная его сторона, и, тем не менее, его вклад в игру команды трудно переоценить.

Он может делать кое–что лучше меня: отбирать мяч, быстро бежать, бороться с более мощными соперниками, прикрывать мяч корпусом и т. д. А я могу делать то, что не может он. Дело не в технике или ее недостатке, а в том, как ты работаешь, как сильно ты хочешь использовать свой талант для достижения результата на поле.

Еще один пример — когда в конце матче мы выигрываем в два или три мяча и футболисты начинают заниматься самодеятельностью. В прошлом сезоне я выругал своего одноклубника именно по этой причине. Мы были впереди на три мяча за несколько минут до окончания поединка. Мой партнер и

я ушли в быстрый прорыв, он обвел защитника и пробил по воротам, хотя я был совершенно один и просил передачу. Он промахнулся, и когда не спеша возвращался на свою половину, услышал от меня несколько «теплых» слов.

Журналисты это заметили, и естественно, набросились на меня. Они заявили, что я эгоист, и считаю, что забивать имею право только я. Мы ведь и так выигрывали, так почему нельзя было позволить одноклубнику пробить по воротам?

Глупый аргумент. Дело в том, что когда выходишь на поле, нужно вести себя как профессионал, с первой секунды и до самого финального свистка. А это значит ставить интересы команды выше собственных. Возвращаясь к тому эпизоду, считаю, что мой одноклубник должен был отдать мне пас, так как я находился в лучшей позиции, чтобы забить гол. Точка.

Это вопрос профессионализма. Да, тогда мы выиграли матч, но если начинаешь дурачиться, если тянешь одеяло на себя, в итоге рискуешь оказаться за бортом, а это просто недопустимо.

Мой второй сезон в «Вест Хэме» стал для меня на редкость успешным. Я забил четырнадцать мячей, и хотя клуб не занял такое высокое место, как хотелось бы, все же мы выглядели достойно.

Однако эта радужная картина была несколько подпорчена неприятным происшествием, которое привлекло к себе большое внимание, и после которого на меня, как обычно, повесили очередной ярлык опасного безумца. Был январь, и мы играли против «Астон Виллы». За три дня до этого они выбили нас из Кубка Лиги после тяжелого поединка, в котором я заработал пенальти (однако потом его не реализовал). Голкипер «Виллы» Дэвид Джеймс сбил меня в штрафной, а затем во всеуслышание обвинил меня в симуляции.

Вообще–то, мне плевать, что там говорит или делает Дэвид Джеймс. Когда игрок привозит в свои ворота пенальти, он, естественно, начинает доказывать, что не виноват и пенальти назначили несправедливо. Учитывая мою репутацию, он решил, что лучше всего будет унизить меня как футболиста. Ну что ж, такой он человек. С моей точки зрения инцидент был исчерпан к тому времени, как мы встретились снова в матче Премьер — Лиги в следующую субботу.

Игра завершилась со счетом 1:1, и я забил ответный мяч. После финального свистка я подошел к Джеймсу, чтобы пожать ему руку, как сделал бы с любым соперником. Да, я непримирим на поле, где мой соперник — это мой враг, с которым я готов сражаться до последних сил. Но когда матч заканчивается, заканчивается и борьба.

Я протянул Джеймсу руку, но он от меня демонстративно отвернулся. Этот идиот отказался обменяться со мной рукопожатием. В тот момент мне хотелось отшлепать его, как какого–нибудь капризного ребенка. Я не на шутку рассердился.

Может быть, я смотрю на это как иностранец, может, я излишне сентиментален, но для меня спортивное поведение — это ценное качество, которое я ассоциирую с британским футболом. А спортивное поведение, в частности, — это и обмен рукопожатием с соперником после поединка, в независимости от того, что происходило в предыдущие девяносто минут. Я восхищаюсь тем, как английские футболисты могут лупить друг друга из всех сил, оскорблять друг друга последними словами, а затем, после финального свистка, пожать друг другу руки и вместе выпить пива в баре.

Отвернувшись от меня, надувшись и отказавшись пожать мне руку, этот болван Джеймс наплевал на всю британскую культуру и правила спортивного поведения.

На те самые правила, которые я старался усвоить с момента приезда сюда, и ту самую культуру, которую я научился уважать и любить. И все это Дэвид Джеймс просто растоптал.

Я схватил его за руку и сказал: «Да пошел ты! Ты не мужчина! Ты ничтожество!»

Несколько игроков подбежали, чтобы нас разнять. Я был вне себя от гнева, но ничего больше не произошло, хотя журналисты, как водится, предпочли этого не заметить и обвинили меня в «нападении на Дэвида Джеймса».

Верьте или не верьте, но пресса на этом не успокоилась: в одной общенациональной газете была опубликована фотография, на которой я держу за спиной руку с вытянутым средним пальцем.

Меня сразу обвинили в том, что я показал непристойный жест болельщикам «Астон Виллы». И вновь, хотя у них почти не было доказательств, Футбольная Ассоциация взялась за дело со свойственным ей рвением.

Я утверждаю, что доказательств не существовало, потому что это правда. Прежде всего, тот жест вообще мог ничего не означать. Может, у меня спина зачесалась? Может, я давал знак своим одноклубникам, а может, я вообще ничего не хотел этим сказать. Но так как я Паоло Ди Канио, люди сразу предположили самое худшее: это был непристойный жест.

Я не скрывал правды. На слушаниях я признал, что показал палец игроку «Астон Виллы». Этот парень постоянно меня оскорблял, как в матче чемпионата, так и в поединке на Кубок Лиги. Он назвал меня «лживым итальянским ублюдком», я в

долгу не остался и тоже сказал ему несколько «ласковых слов». Но все это было между нами, и не имело никакого отношения к болельщикам.

Непристойный жест в адрес болельщиков — это очень серьезный проступок. Он может привести к беспорядкам, насилию. Оскорбления в адрес соперника, с другой стороны (будь то посредством непристойного жеста или как–нибудь иначе), хотя это и не очень красиво, надо признать, типичны для футбольных матчей любого уровня. Но это совсем другое дело.

В данном случае лица фанатов на заднем плане были расплывчаты. Сказать, кто они, не представлялось возможным. А это значит, что я мог стоять лицом в любом направлении. Не было никаких фотографий, доказывавших, что жест предназначался болельщикам, или что болельщики «Астон Виллы» обратили на него внимание. Насколько я знаю, никто из них жалобу не подавал.

Хотя Ассоциация футболистов–профессионалов встала на мою защиту, этого было недостаточно, чтобы избежать наказания со стороны Футбольной Ассоциации. Они оштрафовали меня на 5 000 фунтов и предупредили, что если я совершу нечто подобное, меня дисквалифицируют.

Это очередное несправедливое решение Футбольной Ассоциации лишний раз показало, что некоторые игроки считаются более равными, чем другие. Месяц спустя футболист «Арсенала» Эммануэль Пети показал непристойный жест болельщикам «Астон Виллы». Он не скрывал, что сделал это намеренно, и что его целью были именно фанаты «Астон Виллы», поскольку ему показалось, что его оскорбили по расовому признаку.

Конечно, это был очень серьезный проступок, потому что он мог привести к насилию. Кто может гарантировать, что какой–нибудь скинхед–фанатик среди болельщиков «Астон Виллы» на трибуне, не взбесился бы, увидев, как ему показывают палец, не вскочил бы с места и не выбежал бы на поле, чтобы наброситься на Пети?

И что же случилось после этого?

Пети оштрафовали на 5 000 фунтов, как и меня. Но не думаю, что ему пригрозили дисквалификацией в случае повторения подобного, как мне.

Почему такая несправедливость?

Все очень просто: я Ди Канио, и я выступаю за «Вест Хэм», тогда как Пети — игрок «Арсенала». К разным футболистам и разным клубам и отношение разное. Я уже к этому привык.

Думаю, моя репутация не позволила мне получить несколько

наград, которые я заслуживал, как, например, звание «Футболист года». Не хочу хвастаться, но я на самом деле провел фантастический сезон 1999–2000. Всерьез мою кандидатуру, однако, рассматривали лишь единицы.

Ничего не имею против того, что лучшим футболистом признали Роя Кина. Я сам за него голосовал, и думаю, два других кандидата — Кевин Филлипс и Дэвид Бекхэм — тоже были достойны этого звания. Но когда я увидел имена некоторых футболистов в списке претендентов, мне показалось, что ко мне отнеслись несправедливо.

Глава 12
Из дьявола в святые

Первый сезон нового тысячелетия начался неудачно. Отчасти это объяснялось тем, что несколько ключевых игроков в летнее межсезонье залечивали травмы, и поэтому пропустили большую часть предсезонной подготовки.

Смешно, но в Италии подготовка перед сезоном — это святое. Ты работаешь, не приседая, а тренер по физподготовке следит за каждый твоим движением, все делается с максимальной точностью и по науке.

Здесь же, в Англии, к предсезонной подготовке относятся как к чему–то необязательному. «Брэдфорд Сити», например, играл в Кубке Интертото уже через несколько дней после окончания летнего отпуска! В Италии такое было бы немыслимо.

У человеческого тела есть определенные биоритмы. Вполне естественно, что в течение десяти месяцев у футболистов бывают периоды спада и подъема. Это нужно учитывать и соответственно планировать работу. У таких парней, как Джо Коул и Рио Фердинанд, просто не было возможности как следует подготовиться к сезону, не потому что они ленивые, а потому что травмы не позволили им этого сделать.

Когда я сказал, что им придется работать с удвоенной энергией, дабы наверстать упущенное, журналисты просто не могли упустить шанс раздуть из этого скандал. Они написали, что я «критикую применяемые Гарри Реднаппом методы подготовки футболистов». В то же время они ухватились за мою фразу о Рио, когда я сказал, что ему нужно много работать, чтобы стать лучшим в мире, и преподнесли это так, будто я его отчитываю.

Месяц выдался очень неспокойным, и я в очередной раз увидел, как работает пресса. Я даю обычное интервью какому–нибудь журналисту, а на следующий день газеты вырывают из контекста одно–два предложения, придумывают броский заголовок и стряпают историю.

Но на этом они не останавливаются. Обман продолжается изо дня в день, в каждой заметке о «Вест Хэме». Если в статье говорится, что мы играем хорошо, то это «несмотря на… нападки со стороны Ди Канио на Фердинанда и Реднаппа». Если мы играем плохо, то «…критика Ди Канио в адрес Фердинанда и Реднаппа не помогла».

Я бы не удивился, если в статье о Бобби Муре написали, что

«он никогда не критиковал своих одноклубников так, как это делает Ди Канио последние несколько недель».

Самое смешное, что когда речь заходит о моих взглядах, не думаю, что их нужно перекручивать или вырывать их из контекста. Я и без этого говорю напрямую то, что думаю, и порой мне лучше держать рот на замке.

Реакция Гарри на высказывания в прессе меня несколько озадачила. Я не сомневаюсь, что уж он–то знаком с методами, которые применяют журналисты в своей практике. Я уверен, что уж он–то должен был понять, что мои слова были вырваны их контекста, и что я никого на самом деле не критиковал.

Но вместо этого он угодил в расставленную журналистами ловушку. Он сказал им, что «я несколько месяцев до этого не разговаривал, а теперь каждый день открываю рот».

Думаю, он знал, что происходит, что журналисты пишут одно и то же. Но вместо этого он отреагировал именно так, как от него все и ожидали, и газеты тут же наполнились статьями о напряжении в наших отношениях.

Было бы неправильно обвинять Гарри в том, что он так отреагировал на заявления в прессе. Тяжело делать какие–то выводы, не будучи в его шкуре, не находясь под таким давлением, как он, не понимая до конца контекста, в котором поднимался вопрос и в котором на него был дан ответ.

Между прессой и футбольным миром существует тесная взаимосвязь. Не будь нас, о чем бы они тогда писали? Не будь их, мы бы не были так известны, а это важно для создания интереса к нам среди болельщиков. Без этого интереса меньше людей ходило бы на матчи, меньшей была бы телевизионная аудитория, меньше посетителей заходили на футбольные веб–сайты, меньше людей покупали бы связанные с футболом товары (включая эту книгу). Каждый человек в футболе чем–то обязан прессе, и наоборот.

В то же время, пресса существует не только для того, чтобы сообщать людям о событиях в мире, она также приносит доход путем увеличения тиража, а это, в свою очередь, происходит, когда в газетах публикуются скандальные материалы. Тренер должен уметь справляться с неуемным аппетитом репортеров к «хорошей истории», что на деле означает рассказ о напряжении в отношениях или скандале. Не всегда получается закрывать глаза на некоторые вещи, даже если они на самом деле совершенно безобидны, потому что рано или поздно они все равно станут известны, и это может принести тебе больше вреда, чем если бы ты сразу их прокомментировал.

Вот почему умные тренеры, такие как Гарри, знакомы с

несколькими проверенными журналистами, с которыми они постоянно общаются. Им нужно поддерживать и развивать такие отношения, чтобы быть уверенными, что их мнение по тому или иному поводу будет изложено правдиво и точно, по крайней мере, с их точки зрения. Так работает система, это правила игры, которые тренер должен соблюдать. Быть хорошим тренером означает не только умение выбрать одиннадцать правильных футболистов, не только умение приобретать и продавать игроков. Есть еще десятки других сфер, в которых хороший тренер должен уметь себя проявить. И общение с прессой — как раз одна из таких сфер.

Что я знаю наверняка — так это то, что я бы не смог себя вести так, как Гарри. Я слишком резок в своих высказываниях, слишком прямолинеен, часто в ущерб собственной репутации. Думаю, мне придется научиться с этим бороться и играть по общепринятым правилам, если когда–нибудь я решу заняться тренерской работой.

Похожий случай произошел в январе, когда я заболел и пропустил несколько матчей. В газетах стали появляться статьи, в которых утверждалось, будто я притворяюсь, что болен. К сожалению, Гарри не удалось убедить всех в обратном. Цитировали только одну его фразу: «Паоло утверждает, что простудился».

Во–первых, мне не понятно, зачем он употребил именно слово «утверждает». Из–за этого создалось впечатление, что я вожу клуб за нос, прикидываясь больным.

Во–вторых, это была не обычная простуда. Я подхватил вирус стрептококка, а это очень серьезное заболевание, которое не проходит через день. И в руководстве об этом знали, так как клубный врач посещал меня дважды в день.

Возможно, когда Гарри общался с прессой, он еще не знал, насколько тяжелым было мое состояние. Жаль, потому что в газетах стало еще больше спекуляций по поводу моей болезни (или отсутствия таковой) и обвинений меня в симуляции.

Такого я терпеть не могу. Даже мои самые непримиримые критики (а таковых у меня более чем достаточно) согласятся, что я настоящий профессионал. Я полностью отдаюсь тренировкам и борьбе на футбольном поле. Болельщики это знают, и любят меня за это.

Вся эта шумиха была каким–то абсурдом. Некоторые предполагали, будто я притворился больным как раз перед празднованием Нового Года, чтобы 1-го января не участвовать в битве против «Манчестер Юнайтед» на «Олд Траффорд».

Притвориться больным? Да конечно, хорошая идея, учитывая,

что я взял билеты, нанял микроавтобус и забронировал номера в гостинице в Манчестере для десятка своих друзей и родственников, собиравшихся приехать в Англию на праздники. Зачем мне все это было делать, если я планировал отдохнуть первого января?

За весь сезон я пропустил только семь матчей чемпионата. Принимая во внимание мой возраст и перенесенный в январе вирус, это не так уж много, правда? Я играл, когда испытывал боль, играл на таблетках, я рисковал своим здоровьем снова и снова. Неужели мне нужно было каждый год доказывать, что я профессионал?

Но что поделаешь: пресса есть пресса.

Ближе к концу сезона Гарри пожаловался, что ему трудно найти место на поле сразу для меня, Фредерика Кануте и Джо Коула — и это была правда, учитывая, что мы играем в одинаковой манере. Вывод, который следовал из заявления Гарри, напрашивался сам собой: кто–то из нас либо уйдет в глубокий запас, либо будет продан. Журналист спросил меня, как я отреагирую, окажись этим третьим лишним именно я. Я ответил, что, будучи профессионалом, я спокойно отнесусь к такому решению.

Не трудно догадаться, что на следующий день газеты пестрили заголовками, что я был готов и хотел уйти.

«Готов или хочет?»

Я всего лишь имел в виду, что только тренер может решить, нужен я ему или нет, и что моя роль, как профессионала, заключается в том, чтобы достойно принять это решение. В конце концов, если мы плохо играем, за это расплачивается главный тренер, а не я.

Я совсем не хотел сказать, что готов добровольно уйти на второй план. Кроме того, избавиться от меня было рискованной затеей.

Не хочу хвастаться, но я действительно важный игрок для «Вест Хэма», и, по крайней мере, согласно статистическим данным, мы играем лучше, когда я выхожу на поле в стартовом составе. «Вест Хэм» добыл 39 очков в 31-м матче сезона 2000–01, в которых я принимал участие. Это в среднем 1.26 очка за игру. С другой стороны, в тех семи матчах, которые я пропустил, мы заработали всего лишь 3 очка, или 0.43 очка за игру.

Когда я на поле, мы забиваем в среднем 1.3 гола за матч (40 в 31). Когда я не играю, этот показатель в среднем составляет только 0.71 гола за поединок (5 в 7).

По какой–то причине мы также лучше обороняемся, когда я играю. С Ди Канио «Вест Хэм» пропустил только 1.13 гола за игру

(35 в 31), а когда меня в составе не было — 2.14 гола за игру (15 в 7).

Все это означает, что когда я на поле, мы забиваем больше, пропускаем меньше и зарабатываем больше очков. Может быть, это просто совпадение, а может — нет. Я только хочу, чтобы люди знали эти цифры, прежде чем выносить суждения. Некоторые стереотипы такие живучие, что, в некотором роде, начинают восприниматься как правда.

Возможно, частично этим объясняется то фантастическое чувство, когда в конце января мы выиграли у «Манчестера» на «Олд Траффорд» в кубке Лиги.

Никто не верил, что у нас есть хотя бы малейший шанс на победу. Однако на поле мы ни в чем не уступали сопернику, не дав им практически ничего сделать. Это был один из тех матчей, за которые, по моему мнению, Гарри Реднапп заслуживает самых лестных слов: он продемонстрировал великолепное тактическое чутье.

Я знаю, что тактике и стратегии в Премьер — Лиге часто не уделяется должного внимания, но план Гарри на игру против «Юнайтед» оказался просто идеальным. В Италии его вознесли бы до небес за этот тактический триумф, но здесь, в Англии, он просто отдал лавры игрокам.

Все знают, что сила «Юнайтед» — это центр поля, особенно фланги, где играют Райан Гиггз и Дэвид Бекхэм. Это было особенно заметно в январском поединке, потому что Пол Скоулз отсутствовал, а Ники Батт, заменивший его — это, по сути, полузащитник оборонительного плана.

Но как остановить Бекхэма и Гиггза? Одним из вариантов было приставить к ним наших фланговых защитников Найджела Уинтерберна и Себастьяна Скеммеля для персональной опеки, либо полностью оттянуть их в оборону.

Такой ход казался очевидным, но вместо этого Гарри принял гениальное решение, не поддававшееся логике. Он дал установку Уинтерберну и Скеммелю подключаться к атаке как можно чаще. В то же время он попросил нападающих (меня и Кануте) играть пошире.

Этим он преследовал две важных цели: давление на фланги «Юнайтед» увеличивалось (их защитникам Денису Ирвину и Микаэлю Сильвестру приходилось уделять внимание нам с Кануте, вместо того чтобы поддерживать Гиггза и Бекхэма), и, в то же время, центральным защитникам Яапу Стаму и Гарри Невиллу некого было больше опекать, и они уходили дальше в центр поля.

Мы компактно играли и хорошо защищались, но, что еще

важнее, наша линия обороны растянулась вглубь поля метров на 30. Оказывая давление на их фланги, мы вынуждали вингеров «Юнайтед» обороняться, а когда те выигрывали мяч, им часто приходилось пробегать всю длину поля.

В то же время Фрэнк Лэмпард и Майкл Каррик на равных сражались с Баттом и Кином, а Джо Коул барражировал между полузащитой и нападением. Джо прекрасно двигался. Соперники не знали, приставить ли к нему полузащитника для опеки (что означало частый уход этого полузащитника со своей позиции), или защитника (что создало бы свободное пространство в обороне «Юнайтед» для партнеров Коула, когда тот отходил глубже к своим воротам).

Конечно, кто угодно может рисовать тактические схемы на бумаге, но воплотить их в жизнь на поле — совсем иное дело. Однако в тот день мы играли выше всяких похвал, и, кроме этого, нам еще и везло.

За пятнадцать минут до конца поединка мне удалось избежать офсайдной ловушки, я ворвался в штрафную и оказался один на один с их вратарем Фабьеном Бартезом. На сегодняшний день я считаю Бартеза одним из лучших вратарей в мире, но в тот день он решил меня перехитрить и сел в лужу.

Вместо того, чтобы выйти мне навстречу, он просто застыл на месте, подняв руку вверх. Нет, он не хотел остановить такси. Он просто пытался обмануть меня, заставив подумать, будто боковой арбитр зафиксировал положение вне игры.

Это был трюк, уловка. Но я на нее не купился, и легко пробил мимо Бартеза в ворота.

Во–первых, я знал, что вне игры нет. Опытный нападающий всегда понимает, когда он в офсайде, а когда — нет, и в тот момент я ни на секунду не сомневался, что все в порядке. Конечно, уверенность, что офсайда нет, еще ничего не означает, потому что боковые арбитры — странные существа, чьи решения часто невозможно предугадать. Но я также понимал, что береженого Бог бережет, и пусть мой гол лучше не засчитают, чем я совсем не пробью по воротам.

Некоторые журналисты подвергли Бартеза резкой критике за то, что он попытался меня обмануть. Я с ними не согласен. Даже если бы он сократил угол обстрела, выйдя мне навстречу, с той позиции спасти ворота представлялось практически невозможным. Поэтому он решил пойти на хитрость, сделав в итоге из себя посмешище. С другой стороны, если бы остановился я, тогда бы все смеялись надо мной, и ему, наверное, казалось, что все равно терять нечего.

Трудно передать, что я чувствовал, когда прозвучал свисток

об окончании матча. Как вода, прорвавшая дамбу, переполнявшие меня эмоции, хлынули наружу.

Я побежал по полю, крича нашим болельщикам и телезрителям: «Ну что вы теперь скажете? Что? Паоло Ди Канио сделал это! «Вест Хэм» не может выиграть на выезде? У нас нет шанса против всемогущего «Манчестер Юнайтед»? Мы просто маленький клуб? Вот вам! И кто теперь смеется?»

Все мои мысли были только о тысячах болельщиков «Вест Хэма». Не только о тех 5 000, которые в тот день сидели на трибуне «Олд Траффорд», а обо всех тех, кто не попал на матч, либо потому что не смог уйти с работы, либо потому что у него не оказалось достаточно денег на билет, либо потому что его не отпустила семья. Это была их победа, так же как и наша. Болельщики отдают свои деньги, время, жертвуют делами и семьей ради любви к команде.

Они бесценны. И в тот день на их улицу пришел праздник.

Я также радовался за Гарри. Он так популярен, что со временем стал отождествляться у некоторых людей чуть ли не с персонажем комикса.

Может, это связано с традиционной деятельностью жителей Ист — Энда, но часто все, о чем здесь говорят — это трансферы, которые совершает Реднапп, и то, что «Вест Хэм» — это одна большая семья.

Все это правда. Гарри очень умен и проницателен, когда речь идет о покупке игроков, и он не боится рисковать (я — живое тому доказательство). Но он также прекрасный тактик, и в тот день ему удалось переиграть самого успешного тренера в истории — Сэра Алекса Фергюсона.

Вот почему я был удивлен, можно даже сказать шокирован, когда Гарри уволили в конце сезона 2000–01. Только им с президентом известна истинная причина, по которой это произошло. Да, мы ожидали большего от сезона в плане результата. И, конечно, в наших отношениях с Гарри не все было гладко, у нас были разногласия, но он всегда будет занимать в моем сердце особое место, ведь именно он спас мою карьеру.

Сезон ознаменовался и несколькими приятными событиями. Одним из них стало примирение с Дэвидом Джеймсом, и должен сказать, что многим, кажется, не понравилось, что мы помирились. Они хотели продолжения вражды, потому что это помогло бы увеличить продажи газет.

После случая на «Аптон Парк» в январе 2000-го, когда в конце поединка он отказался пожать мне руку, я обозвал Джеймса кретином и дебилом, потому что я действительно в тот момент таковым его считал.

«Неужели этот человек не знает значений слов «кретин» и «дебил»? — ответил он мне через прессу. «Кретин страдает от недостатка гормонов щитовидной железы. В некоторых случаях это приводит к карликовости. Я вас умоляю, мой рост — 6 футов и 5 дюймов. А дебил — это взрослый человек, умственное развитие которого соответствует умственному развитию ребенка 8–12 лет. Я, конечно, не гений, но с головой у меня все в порядке…»

Джеймс, наверное, думал, что он очень умно сделал, дав такой ответ. И я уверен, что многие полагали, что его слова приведут меня в бешенство. Однако моя реакция была довольно сдержанной.

«У Девида Джеймса, кажется, мозг размером с горошину, — парировал я. — Я назвал его кретином год назад, и у него ушел целый год, чтобы понять значение этого слова. Моя двухлетняя дочь и та быстрее бы догадалась. Да некоторые люди поступают в университет и заканчивают его за время, которое понадобилось Джеймсу, чтобы выучить пару новых слов…»

Думаю, Джеймс проиграл, ответив слишком поздно. И мне кажется, что напряженную обстановку удалось разрядить с помощью юмора.

Уверен, что некоторые хотели увидеть, как мы вцепимся друг другу в горло, когда мы вновь встретились на «Аптон Парк» в декабре 2000-го года. Но все произошло с точностью до наоборот. В конце игры мы крепко обнялись и ушли с поля вместе. Думаю, после этого все обиды канули в Лету. И я надеюсь, что Джеймс извлек для себя пару полезных уроков из нашего конфликта. Я в этом даже уверен.

Футбол — это только игра, а не война, хотя порой приходится по–настоящему ненавидеть противника, если хочешь добиться успеха. И, тем не менее, все, что случилось на поле, после финального свистка должно там и остаться.

Мне кажется, мы часто об этом забываем.

В том сезоне «Арсенал» играл в Риме против «Лацио» в рамках Лиги Чемпионов — матч, омрачившийся несколькими скандальными событиями. В одном случае защитник «Арсенала» Жиль Гриманди ударил хавбека «Лацио» Диего Симеоне кулаком в лицо. А потом случился один из самых скандальных эпизодов того сезона. В конце матча игрок «Лацио» Синиша Михайлович позволил себе расистские высказывания в адрес футболиста «Арсенала» Патрика Виейра.

За это Михайловича пригвоздили к позорному столбу. В мгновение ока он превратился в козла отпущения за все грехи современного футбола. Он получил дисквалификацию от УЕФА и

его не принялся критиковать разве что ленивый.

Я, конечно, его не оправдываю. Он поступил неправильно. Это было неприемлемо, и он сам это признал спустя несколько недель. И все же мне кажется, то, как журналисты и другие обозреватели прокомментировали произошедшее, это просто позор.

Я читал интервью в итальянской прессе, в которых Михайлович утверждал, что он и Виейра обменивались оскорблениями в течение всего поединка. Я знаю, что Михайлович обозвал Виейра «черным куском дерьма». Я также знаю, что самого Михайловича — боснийского серба по происхождению, в прошлом оскорбляли фанаты, и что кроме всего прочего, его обзывали «цыганом» и «убийцей». Я уверен, что после того, как он сам пострадал от оскорблений, он понимает, насколько опасны расистские высказывания.

Чего я не знаю — это что в действительности случилось на поле, и что конкретно Виейра сказал Михайловичу, если он вообще что–нибудь сказал. Но если Виейра хоть как–нибудь оскорбил Михайловича, тогда у меня возникает резонный вопрос: чем одно оскорбление хуже другого?

Интересно, избежал бы Михайлович порицания, назови он Виейра «французским куском дерьма» вместо «черного куска дерьма»? В конце концов, ведь Виейра такой же француз, как он чернокожий…

Конечно, никто не хочет слышать, как игроки оскорбляют друг друга на поле, особенно если эти оскорбления имеют отношения к их этнической или расовой принадлежности. Но, к сожалению, это происходит регулярно. Я уже со счета сбился, как часто люди называли меня «итальянская п…а» или «лживый сукин сын», или еще как–нибудь так.

Но я никогда не жаловался.

Дело в том, что если вместе на одном поле находятся 22 молодых парня, которые бьются друг против друга под огромным внешним давлением, такие неприятные инциденты, как между Михайловичем и Виейра вполне вероятны. Да, может, это не очень красиво, но такова уж природа человеческая: мужчины есть мужчины.

Разница заключается в том, что сразу после финального свистка все заканчивается. Ты обмениваешься с соперником рукопожатием, и вы расходитесь в разные стороны.

Это особенно характерно для Англии. Меня оскорбляли, били по ногам, в меня плевали все 90 минут, но когда игра заканчивалась, те же самые футболисты, которые преследовали меня на поле, предлагали угостить меня выпивкой и общались со

мной, как с братом, которого они давным–давно не видели. Вот почему я обожаю футбол в этой стране. Здесь это по–прежнему игра.

Но конфликт между Виейра и Михайловичем — это совсем другое дело. Сделав произошедшее достоянием публики, было нарушено одно из основополагающих правил футбола: все, что происходило на поле, должно остаться на поле.

Я уверен, что это был не первый раз, когда Виейра подвергся расистским оскорблениям. И, увы, не последний. Однако после того, как о конфликте узнали все, был создан опасный прецедент, и одного из наших собратьев–профессионалов унизили (уже не в первый раз).

Спросите у Виейра, какое из двух зол он бы выбрал: расистские оскорбления в свой адрес или удар соперника ногой в его колено. Мне кажется, я знаю, что он ответит.

Некоторые считают, что футболисты — это образцы для подражания, и что такое поведение недопустимо. Что ж, это, может, и было бы правдой, если бы кто–нибудь из фанатов услышал слова Михайловича. Но нет. Никто, кроме их двоих и, возможно, пары одноклубников, понятия не имел, что конкретно было сказано, поэтому не вполне справедливо утверждать, что Михайлович — плохой образец для подражания. Названный всеми расистом, Михайлович мог бы стать героем и мучеником для тех, кто думает, что из него сделали козла отпущения.

Все эта история была перекручена, и, к сожалению, отвлекла внимание общественности от некоторых реальных проблем, стоящих перед футболом в Италии и в других странах, таких как расизм и насилие.

В то время как из Михайловича сделали чудовище, меня фактически возвели в ранг святых на «Гудисон Парк» в том сезоне, в основном за то, что, я надеюсь, обязан был сделать любой достойный футболист.

18 декабря 2000-го года моя карьера в Англии совершила полный цикл.

Через восемьсот одиннадцать дней после конфликта с Полом Элкоком — дня, когда меня официально объявили одним из самых отъявленных негодяев в истории футбола, я, наконец, искупил свою вину, сделав то, что одна газета (из тех самых газет, которые за три года до того призывали дисквалифицировать меня пожизненно) назвала «благородным поступком настоящего спортсмена».

Мы играли на выезде против «Эвертона» и счет был

1:1, когда добавленное арбитром время подходило к концу. Их голкипер Пол Джеррард выбежал к линии штрафной площади

с правой стороны от ворот, если смотреть с точки зрения нападающего, подобрать отлетевший мяч. Когда он выбежал из штрафной, шипы его бутс запутались в траве и он, как подкошенный, рухнул на землю. Мяч отскочил на правый фланг, где Тревор Синклер подобрал его и сделал идеальный навес в штрафную площадь. В полном одиночестве я стоял возле одиннадцатиметровой отметки, и видел, как мяч летит прямо на меня. Не знаю, забил бы я тогда или нет (в футболе никогда нельзя быть уверенным в таких вещах), но учитывая, что рядом со мной не было соперников, а голкипер в тот момент беспомощно лежал за линией штрафной, шансы забить у меня были превосходные.

Все ждали, что я пробью головой, или приму мяч на грудь и вторым касанием вгоню его в сетку. Однако вместо этого я вытянул руки вверх и поймал в них мяч.

Некоторые одноклубники посмотрели на меня так, будто у меня выросла вторая голова. Но я точно знал, что делаю. Пятнадцать лет карьеры научили меня моментально понимать, когда игрок получил действительно серьезную травму.

Когда я увидел, как упал Джеррард, как он споткнулся и всем телом (а он довольно габаритный парень) упал на колено, я знал, что вероятность серьезной травмы очень велика.

В подобных ситуациях экстренная медицинская помощь играет важнейшую роль. Квалифицированный физиотерапевт, оказавшись возле пострадавшего в первые секунды, может предотвратить тяжелую травму. Ударь я по воротам, шестьдесят–девяносто бесценных секунд были бы потеряны, а может, и больше, если бы один из защитников заблокировал удар и мяч остался в игре.

Я неоднократно говорил, что когда я на поле, соперник — мой смертельный враг. Но в тот момент я перестал воспринимать Джеррарда как соперника, и вспомнил, что он просто мой коллега, брат–профессионал, рисковавший преждевременно завершить карьеру и, возможно, потерять средство заработка, если ему не будет срочно оказана медицинская помощь.

Был только один вариант: немедленно остановить игру.

Как только все поняли, что случилось, «Гудисон Парк» взорвался овациями. Только через некоторое время до меня дошло, что они аплодируют именно мне.

Реакция на мой поступок была просто феноменальна. Эпизод показали на телеканалах по всему миру. Я даже получил официальное письмо с благодарностью от ФИФА, подписанное самим Зеппом Блаттером.

Это было как в сказке!

Я всем говорил, что так же, как меня нельзя было записывать в дьяволы после толчка Элкока, так же не нужно было делать из меня святого теперь, только лишь потому что я прервал игру, дав возможность медикам оказать срочную помощь своему коллеге.

Я получил около пятидесяти писем от болельщиков «Эвертона» плюс еще несколько десятков от наших фанов. Некоторые письма поклонников «Эвертона» были очень трогательными. «Паоло, ты показал нам великолепный пример благородства, который мы раньше никогда не видели, — говорилось в письме от группы болельщиков «Эвертона». — «Эвертон» навсегда останется в наших сердцах, но теперь там найдется место и для тебя. Знай, что «Гудисон Парк» отныне — твой второй дом».

Реакция фанов «Вест Хэма», конечно, была несколько иной, потому что на том этапе сезона каждое очко было для нас на вес золота. Я даже боюсь предположить, что бы случилось, не досчитайся мы буквально одного балла для сохранения прописки в Премер — Лиге, и все из–за моего поступка.

«Я был зол на тебя по дороге домой из «Ливерпуля», — писал один поклонник «Вест Хэма». — Я был просто вне себя от гнева. Все мои мысли были о двух потерянных очках. Но через несколько дней я начал смотреть на твой поступок несколько иначе. То, что ты сделал, помогло улучшить имидж «Вест Хэма» больше, чем обычная победа в выездном матче. Люди говорят об этом по всему миру. Можно сказать, что это победа для клуба, возможно, одна из величайших в современной истории.

Я по–прежнему настаиваю на том, что хотя это и был красивый поступок, я совершил его не задумываясь, поэтому не знаю, действительно ли заслуживаю такой похвалы. Мне хотелось бы думать, что другие профессионалы в подобной ситуации поступили бы абсолютно так же, как я.

То, как меня вознесли до небес после матча с «Эвертоном», настолько же для меня непостижимо, как и то, как меня облили грязью после толчка Элкока, только наоборот.

Еще одним достойным внимания событием того сезона стало назначение Свена Горана Эрикссона на пост главного тренера сборной Англии. Впервые Футбольная Ассоциация доверила руководство национальной командой иностранцу — решение, вызвавшее бурную дискуссию.

Возможно, я старомоден, но я принадлежу к числу тех, что считает, что у руля национальной сборной не должен находиться зарубежный наставник. Это дело принципа, ведь тренер сборной — это не просто человек, который проводит тренировки, рисует схемы и расставляет футболистов по позициям. Тренер

национальной команды должен воплощать в себе футбольную культуру той или иной страны.

Эта сложная работа. В Италии говорят, что у нас 58 миллионов тренеров, и действительно, каждый итальянец считает, что он может управлять сборной лучше, чем официальный тренер национальной команды. По мере того, как взрослеешь, начинаешь понимать, что у тебя недостаточно таланта, чтобы стать профессиональным футболистом, но лишь единицы признают, что тренер их национальной сборной умеет руководить ею лучше, чем они. Я уж точно не признаюсь.

Это одна из проблем, которую придется решать Эрикссону. И тем не менее, я думаю, у него есть все, чтобы добиться успеха.

Почему? Потому что он хороший учитель, он умеет слушать и находить подход к людям. Он прекрасный психолог. И, кроме того, это настоящий джентльмен. Если такой тренер, как Фабио Капелло, может накричать на своих подчиненных, чтобы их мотивировать, то Эрикссон сохраняет спокойствие в любой ситуации.

Если Футбольной Ассоциации удастся окружить его нормальными, умными людьми, тогда он сможет добиться выдающихся результатов. В Англии множество талантливых молодых футболистов и такой человек, как Эрикссон, может составить из них сильную команду.

То, что он иностранец — это скорее плюс, так как он не будет стараться угодить тем или иным футболистам или клубам. Он может перевернуть страницу и начать все с чистого листа гораздо быстрее, чем другие, может позволить себе экспериментировать. Я знаю, что он не нуждается в моих советах, однако смею предположить, что связку Стивена Джеррарда и Майкла Каррика в центре поля трудно будет остановить.

Глава 13
Зарубежные поля

Футбольные годы подобны годам собаки, карьера коротка. После десяти профессиональных лет в футболе ты чувствуешь себя словно пятидесятилетний парень. Начинаешь думать о будущем, о том, каким будет следующий шаг. Переживаешь, достаточно ли ты обеспечен, разумно ли ты выложился, чтобы продержать семью до конца жизни.

Я все еще думаю об этом, как о чем–то далеком. Прежде всего, я хочу закончить свою карьеру в «Вест Хэме». Не знаю, смогу ли я играть до 38 лет, как Стюарт Пирс, но, с Божьей помощью, я постараюсь.

Эта страна омолодила мою карьеру, познакомила с новым стилем футбола, который я наверно носил внутри себя всю мою жизнь, но Серия А сделал немного, чтобы его выявить. Из–за этого в Италии я чувствовал себя по–другому. Здесь же я могу быть самим собой.

Мы часто слышим о том, что футболисты должны быть примерами для подражания. Подобные разговоры есть и в Италии тоже. Футболисты на виду, они все время говорят, но впустую. Это все непрерывная болтовня.

В Италии есть вето, национальное табу на обсуждение политики. В 1999 году у меня взял интервью один итальянский журнал. Я сказал корреспонденту, что в политике придерживаюсь правой идеологии. Я не стыжусь этого — правизна воплощает ценности и идеалы, в которые я верю. Это не значит, что я — нацист или расист, это значит лишь то, что я солидарен с правыми. Я мог об этом сказать, потому что являлся игроком «Вест Хэма», и в Англии есть такая штука, как свобода слова.

Стоит ли говорить, что если бы я был на то время игроком итальянского клуба, это был бы конец света. У меня были бы большие проблемы, меня бы оштрафовали, может быть, даже выгнали из команды. Я знаю это, потому что подобное случалось со мной много раз до этого.

Возможно, именно потому, что я придерживаюсь правых идей, я очарован Бенито Муссолини. Помните эти объявления на мобильных телефонах, в которых спрашивали людей, кто им больше всего нравится? Иан Райт выбрал Мартина Лютера Кинга, мой выбор пал бы на Муссолини. У меня есть дюжины биографий Муссолини. Я думаю, что он в значительной мере был неправильно понятой личностью.

Есть два аспекта моего увлечения Муссолини. Первый — это путь, которым он встретил трудности и преодолел их. Впервые попав в тюрьму, он, будучи членом Социалистической партии, был арестован за выражение своего мнения. Позже то же самое произошло с ним, когда он был уже по другую сторону баррикады, членом Фашистской партии. Неважно, какие у тебя политические убеждения, но если ты выражаешь свое мнение, то власть имущие постараются закрыть тебе рот.

Ему удалось объединить всю страну вокруг себя в то время, когда не было телевидения и масс–медиа. Было разве что только радио. Не то, что сегодня, когда любой политик имеет возможность выступить на телевидении. В те времена все протекало медленнее. Он должен был полагаться на свое слово, и его посыл распространялся очень медленно — к вершинам гор, и в низ долин, что более напоминало свершения Уильяма Уоллеса в Шотландии. К слову, я думаю, что между ними двумя можно провести много параллелей. Как и Уоллес, Муссолини был патриотом, который построил нечто из ничего, шаг за шагом, личность за личностью.

Я любуюсь, каким образом он создал свое государство, и восхищаюсь, как он управлял и консолидировал его. Муссолини был убежден, что обязан спасти страну. Ставки были высоки, но у него была высокая цель, которой он оправдывал свои средства. Да, чтобы достичь этой цели, он иногда ставил под угрозу свои ценности, свое понимание морали.

Он вводил в заблуждение народ, часто его поступки были низкими или рассчитанными. Но все это было мотивировано исключительно высшей целью. На кону стояла судьба нации. Он жертвовал индивидуальностями ради того, что было, как он думал, большим. И он сделал много хорошего: от ввода народной пенсии до постройки больниц, от модернизации железной дороги до возрождения гордости целого народа.

Что восхищает меня — и это наверно есть то, что делает Муссолини и меня очень разными — это его способность идти против своей морали для достижения цели. Согласно любой заметке, которую я читал, Муссолини был очень принципиальным, этичным человеком. Тем не менее, он отбрасывал свое понимание «хорошего» и «плохого», ставил под угрозу свою этичность, чтобы спасти страну. Это то, чего, вероятно, не смог бы сделать я. Так, я не смог бы подвергнуть (и не подвергнул) риску свои принципы, даже для того, чтобы спасти самого себя. Много раз я твердо стоял на том, во что верил, а позже расплачивался за это.

Другим великолепным качеством Муссолини был его

патриотизм. Как и я, он был националистом. Очень жаль, что слово «национализм» стало олицетворением расизма и ксенофобии. Но я рассматриваю его, как нечто позитивное. Для меня — это гордость быть итальянцем, для шотландца — быть шотландцем, для англичанина — быть англичанином, и так далее. В этом нет ничего ксенофобского, если ты цивилизованный человек, честный человек, который осознает свою историю, свою культуру и свои корни.

К сожалению, немного итальянцев понимает эту идею. Сравните Италию и Великобританию. У нас есть история и традиция, столь же богатая, как в любой другой стране. Тем не менее, мы не уважаем ее или не ценим. Британцы колонизировали полмира, они построили Британскую империю, которая принесла цивилизацию и прогресс многим, кто сегодня чувствовал бы себя намного хуже без них. И британцы справедливо прославляют свою империю и свою историю, тогда как в Италии мы забываем о своей империи и истории или преуменьшаем их в ревизионистских учебниках.

Последствия этих отличающихся позиций многочисленны. И Великобритания, и Италия — мультикультурные страны, с иммигрантами со всего земного шара. Во многих частях Лондона, например, больше черных и азиатов, чем белых. Все же, эти черные и азиаты чувствуют себя британцами. Они интегрировались в эту страну, они такие же англичане или шотландцы или уэльсцы, как и другие парни, не забывая собственную культуру. В Италии же слишком много иммигрантов приезжает, и ведут они себя так, как будто вернулись в свою родную страну. Они делают мало усилий, чтобы влиться, и мы, итальянцы, по правде говоря, делаем мало усилий, чтобы интегрировать их.

Наше правительство делает немного для иммигрантов, так что они просто ведут себя по–своему. Если мы не будем осторожны, через десять лет Италия может стать мусульманской страной. Я не имею ничего против мусульман, но я не желаю, чтобы итальянская культура исчезла. Если иммигранты приезжают в Италию и хотят быть частью страны, частью итальянской культуры, хотят быть итальянцами, это замечательно. Мне все равно, черные они, желтые, розовые или зеленые. Я был бы рад, если бы иммигрант, приехавший в Италию, через несколько лет смог бы сказать: «Это моя страна. Я — итальянец».

Однако такое происходит редко. Проблемы появляются, когда им не дают шансов прижиться, в то же время они сами не желают этого. Им нужно дать возможности, права и обязанности граждан.

Только после этого они смогли бы обогащать страну. И при этом те, кто поступает неправильно, кто сидит на шее у государства или совершает преступления, должны быть депортированы без колебаний. Мало того, что они причиняют проблемы стране, они делают другим иммигрантам дурную славу и вносят вклад в расизм против своего же народа.

Очевидно, в этой и других странах имели место большие дебаты о роли и влиянии иностранцев на футбол. Некоторые большие знатоки из масс медиа упрекают нас в том, что мы учим английских игроков «нырять». Они порицают Майкла Оуэна, Дэвида Бекхэма, Эмиля Хэски и других в обмане и говорят, что те научились этому у нас.

Может быть и так. Но если мы научили английских игроков нырять, значит, мы также научили их играть в футбол. Англия, может быть, изобрела футбол, но мы научили их играть в него. Это правда.

Мы познакомили Великобританию с мировым футболом. Там другая игра, и я не уверен, что без нас английские клубы пользовались бы тем же самым успехом. Это не только клубы с множеством иностранных игроков. Это также клубы вроде «Манчестер Юнайтед». Они выставляют легионеров через тур, и это значительно помогает им.

Другая сторона медали, конечно, это переизбыток иностранцев в команде. Это довод несколько сложнее, чем люди представляют его. Что такое «иностранец»?

Люди сетуют, что «Челси» в прошлом сезоне не представлял англичан, забывая о том, что «Ливерпуль» делал то же самое какие–то десять лет назад. Конечно, они могут отметить, что, по крайней мере, у тех были британские игроки. Но тогда, где же провести границу?

Если вы скажите, что «Челси» — это английская команда и должна выставлять больше англичан, я могу сказать, что «Челси» — это лондонская команда и поэтому должна быть укомплектована лондонцами. Шестьдесят, семьдесят лет назад команды состояли почти исключительно из местных игроков. «Селтик» выиграл Кубок Чемпионов 1966–1967 с командой, сформированной полностью из жителей Глазго. Нарекали бы люди, если бы там были одни англичане или уэльсцы, или, на самом деле, уроженцы Абердина или Эдинбурга?

Если бы «Челси» выиграл Кубок Чемпионов, с единственным англичанином Деннисом Вайзом в стартовом составе, любой сказал бы, что «Челси» по–прежнему английский клуб. Но они проиграли и стали командой иностранных наемников. Естественно, ты не можешь сидеть одновременно на двух стульях,

но люди скажут и напишут все, что захотят, несмотря на правду. Та же самая штука в Италии. Мы неустанно говорим об иностранцах, бесконечно дискутируем, но, в конце концов, это бессмысленное сотрясание воздуха.

Основной момент состоит в том, что каждый желал бы иметь местных игроков в своей команде, но наблюдать за игрой Ривалдо или Луиша Фигу они желают куда больше. Главное, что саппортеры хотят видеть команды, которые побеждают. Нужно еще поискать фаната, который сможет честно признаться, что хотел бы видеть одиннадцать местных футболистов, которые проигрывают, чем выиграть лигу с десятью иностранцами в стартовом составе.

Настоящие проблемы возникают, когда слишком много иностранцев в команде и у них ничего не получается. Вот тогда фанаты становятся раздраженными и теряют интерес. Саппортеров ведет бессознательное желание, потребность в отождествлении со своим клубом. Конечно, людям нравится отождествлять себя с победителями, потому что это помогает им чувствовать себя подобно победителям. Вот почему они будут болеть за команду, битком набитой иностранцами, если это интересно и успешно. Саппортеры отождествляют себя и с местными игроками, независимо от того, побеждают те или проигрывают. Вот почему фанаты будут продолжать оставаться с неудачливой командой, пока она будет состоять из местных футболистов. Но наполните команду норвежцами, марокканцами или французами, понаблюдайте за их поражениями, и ни один англичанин не захочет отождествлять себя с ними.

Лично я очень обеспокоен юными футболистами. Иностранцы — это палка о двух концах. С одной стороны, они работают и достаточно выкладываются; но с другой, они могут оставить перспективных игроков в стороне. Уловка в том, что покупаются качественные иностранные игроки, которые развлекают и выкладываются. Но поскольку не каждый может себе это позволить, необходимо установить ограничения. Лично мне бы хотелось, чтобы в каждом клубе было не больше пяти зарубежных игроков. И найти бы еще решение, дабы закрыть лазейку, которая существует в Великобритании с игроками из Home Nations[2]. Выглядит глупо, когда футболисты разыскивают шотландских дедушек и бабушек или уэльских двоюродных дядюшек, чтобы можно было играть на международном уровне.

Где я буду через пять лет?

Я не знаю. Несколько лет назад я даже не рассматривал возможность стать тренером, к примеру. Я всегда говорил, что никогда не стану им. Когда повешу бутсы на гвоздь, это будет

концом, обычно я говорил.

Сейчас же я не настолько уверен. Работа с некоторыми юношами в «Вест Хэме» была невероятно полезной. Я должен расти, я должен дальше развиваться, ощутить тяжесть ответственности и научиться обходиться с множеством разных людей и ситуаций. Я полагаю, это было бы величайшим вызовом. Кроме того, думаю, у меня есть способности. Я обожаю учить детей, я хороший слушатель, я пытался быть лидером. Уверен, у меня есть хорошее понимание тактики и, насколько это касается тренировки, чувствую, что я впереди других.

Другой моей мечтой является открытие закусочной в Лондоне. Там была бы кулинария, составленная из типичных продуктов Умбрии, Тоскании и Лацио. Масло, сыры, мясное ассорти. Все должно быть свежим и ввозным. Я не прирожденный предприниматель (наверное, слишком щедрый для этого), но я получаю деловой опыт с моим бутиком в Терни. К тому же, я люблю хорошую еду.

Прекрасная кухня — это разновидность искусства. Я нахожу интересным, что это может стать награждением вдвойне. С одной стороны, ты приобретаешь утонченный, деликатный вкус, который есть результатом изящных, редких ингредиентов и часов усердного труда на кухне. С другой стороны, ты получаешь любимую пищу.

Для меня любимая пища — это пища моего детства. Одним из моих ясных воспоминаний есть возвращение с тренировки около шести вечера и поедание пасты, разогретой в кастрюле. Она кажется слега пережаренной и хрустящей, и это один из самых удивительных вкусов в мире. По сей день, когда Бетта готовит пасту, я всегда прошу ее сделать дополнительную порцию, которую я смогу позже подогреть на печи.

Особо рекомендую. Любой может приготовить пасту, но немногие знают, насколько хорош вкус разогретой пасты. Забудьте о микроволновке. Киньте пасту прямо в кастрюлю, вместе с небольшим количеством оливкового масла и следи, когда зашипит. Ты не пожалеешь.

Также я рекомендую тирамису. Это основной итальянский десерт. Название с итальянского языка означает «взбодри меня»[3], и, откровенно говоря, немного названий более уместно (конечно, оно намного уместнее, чем «запачканный член»). Я разработал свой собственный рецепт и готовлю его регулярно для Бетты и дочек. Возможно, я смогу получить авторское право на него и продавать собственный рецепт тирамису.

Серьезно говоря, независимо от того, чем я занимаюсь, мне бы хотелось оставаться в Англии. Бетте и мне хорошо здесь.

Людовика чувствует себя словно ребенок двух культур. Что касается Лукреции, она все еще слишком маленькая, но Великобритания — единственная страна, в которой она когда–либо жила.

Чтобы ни случилось, я надеюсь продолжать жить без сожаления. Я научился, что нет смысла гадать, как все могло сложиться, особенно, если ты доволен существующим положением вещей.

Я надеюсь продолжать свободно говорить, не взирая на последствия. Когда встречаешь и преодолеваешь столько неудач, сколько было у меня, то осознаешь, что независимо от того, как плохо выглядят последствия, нередко ты можешь превратить неудачи во что–то положительное, поскольку ты либо учишься на них, либо можешь крепко спать ночью, зная, что твоя совесть чиста.

Но больше всего я надеюсь быть способным смотреть назад и всегда помнить, откуда я пришел, и как забрался туда, где нахожусь сегодня.

notes

Примечания

1

Subbuteo — разновидность настольного футбола (прим. переводчика)

2

Термин, который используют для обозначения четырех составных стран Объединеного королевства — Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии.

3

На английском это звучит так: «Pick me up».